

**Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского**

ТРЕТЬИ РАСТОРГУЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы
Международной научно-практической
конференции
(г. Брянск, 11 апреля 2025 г.)**

г. Брянск, 2025 г.

Часть 2

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Брянский государственный
университет
имени академика И.Г. Петровского**

Третьи Растворгуевские чтения

**Материалы
Международной научно-практической
конференции (г. Брянск, 11 апреля 2025 г.)
Часть 2**

г. Брянск, 2025 г.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Т-66

Третьи Расторгуевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Брянск, Брянская область, 11 апреля 2025 г.). Часть 2 / под ред. Н. В. Атамановой, Ю. В. Милютиной, Н. В. Трошиной. – Брянск : РИСО БГУ, Изд-во ИП Худовец Р.Г., 2025. – 284 с.

ISBN 978-5-6054948-6-7

В сборнике представлены доклады участников Международной научно-практической конференции «Третьи Расторгуевские чтения», состоявшейся в Брянском государственном университете имени академика И.Г. Петровского 11 апреля 2025 г.

Материалы сборника будут полезны научным работникам, преподавателям, учителям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется вопросами изучения русского языка, литературы и культуры.

Рецензенты:

Печенкина О.Ю. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского;

Мехедов В.Н. – директор муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Дятьковская городская гимназия» Дятьковского района Брянской области.

Подготовлено на кафедре русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского».

Рекомендовано к печати на заседании кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (протокол № 1 от 29.09.2025 г.).

Авторы несут ответственность за достоверность публикуемых фактических материалов, корректность цитирования и приводимых источников.

© РИСО БГУ, 2025
© Изд-во ИП Худовец Р.Г., 2025
© Коллектив авторов, 2025

Осипова Т.А.

*Гомельский государственный университет
им. Ф. Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь*

РАССКАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО «ПРЫЖОК» НА ЗАНЯТИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Цель нашего исследования – показать на примере анализа рассказа Л.Н. Толстого «Прыжок» на занятии по русскому языку как иностранному, как осуществляется формирование у студентов-инофонов различных языковых компетенций: чтения, говорения, аудирования, письма.

В методике преподавания русского языка как иностранного изучение художественного текста занимает важное место. О важности и пользе изучения произведений Льва Толстого на занятиях по РКИ пишут многие исследователи. В статье представлены примеры предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий.

В результате проведённого исследования можно сделать вывод, что анализ русских художественных текстов в иноязычной аудитории позволяет не только развивать языковые навыки, но и сочетать учебную работу с воспитательной, поскольку такие тексты имеют богатый нравственный потенциал.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, рассказ Л.Н. Толстого «Прыжок», формирование языковых компетенций, воспитательный потенциал текстов русской классической литературы.*

Osipova T.A.

*Gomel State University named after Francis Skaryna,
Gomel, Republic of Belarus*

LEO TOLSTOY'S SHORT STORY «JUMP» IN THE CLASSROOM ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The purpose of our research is to show by analyzing the story of Leo Tolstoy "Jump" in classes on Russian as a foreign language

how the formation of various language competencies among foreign-speaking students is carried out: reading, speaking, listening, writing.

The study of literary text occupies an important place in the methodology of teaching Russian as a foreign language. Many researchers write about the importance and benefits of studying the works of Leo Tolstoy in RFL classes. The article provides examples of pre-text, pre-text, and post-text assignments.

As a result of the conducted research, it can be concluded that the analysis of Russian literary texts in a foreign-language audience allows not only to develop language skills, but also to combine educational work with educational work, since such texts have rich moral potential.

Keywords: *Russian as a foreign language, Leo Tolstoy's short story "Jump", formation of language competencies, the educational potential of the texts of Russian classical literature.*

Чтобы изучение литературного произведения было успешным, необходимо учитывать известные методики анализа текстов: «1) предтекстовый этап: задания, направленные на снятие лексико-грамматических трудностей, и страноведческий комментарий; 2) притекстовый этап: чтение с установкой на понимание содержания, которое часто проверяется с помощью теста; 3) послетекстовый этап: лексико-грамматические упражнения, направленные на совершенствование языковой компетенции, и речевые задания» [Армоник 2021: 632].

О важности и пользе изучения произведений Льва Толстого на занятиях по РКИ говорят, например, А.П. Иванова и О.В. Лаврова [Иванова 2018: 322]. Адаптированный текст рассказа Л.Н. Толстого «Прыжок» предназначен для изучения на II Сертификационном этапе обучения русскому языку как иностранному [Овчаренко 2015: 47-48].

Предтекстовые задания готовят студентов к прочтению текста. Традиционно изучение художественного текста на занятиях по РКИ предваряется кратким знакомством с личностью и творчеством художника слова. Перед изучением рассказа «Прыжок» иностранным студентам нужно кратко напомнить о

Л.Н. Толстом, его мировоззрении, продемонстрировать его портрет.

Рассказ «Прыжок» писатель предназначал для детей, поэтому в нем освещаются нравственные вопросы, обсуждение которых служит воспитанию молодого поколения.

Рассказ «Прыжок» небольшого объема, это облегчает его восприятие студентами-инофонами. Однако он содержит ряд неизвестных учащимся слов, в том числе специальных, многие из которых создают колорит места действия. Их нужно прокомментировать в процессе выполнения предтекстовых заданий. Студенты должны прочитать и записать слова и выражения, встречающиеся в тексте.

Прежде всего представим слова, относящиеся к морской тематике, поскольку действие рассказа происходит на корабле:

капитан корабля – ‘командир, начальник судна’ (здесь и далее: <https://kartaslov.ru/>);

каюта – ‘отдельное помещение на судне для экипажа или пассажиров, а также служебное помещение для разных целей’;

матрос – ‘моряк, не принадлежащий к командному составу (рядовой военного флота, а также служащий судовой команды в гражданском флоте)’;

мачта – ‘высокий столб или высотное сооружение на кораблях для постановки парусов, наблюдения, сигнализации, боевого управления и т. п.’;

палуба – ‘сплошное горизонтальное перекрытие в корпусе судна’;

перекладина – ‘поперечный брус, обычно закреплённый концами между двумя опорами;

обойти вокруг света – ‘совершить кругосветное путешествие’.

Рассмотрим также другие слова, в том числе устаревшие и малоупотребительные, которые требуют объяснения:

аршин – ‘русская мера длины, равная 0,71 м, применявшаяся до введения метрической системы’;

гримаса – ‘намеренное или невольное искажение черт лица’;

дразнить – ‘умышленно раздражать, сердить чем-л.’;

обезьяна – ‘млекопитающее, наиболее близкое к человеку по строению тела’;

опомниться – ‘прийти в сознание после обморока, забыть; очнуться’;

оступиться – ‘неловко, неудачно ступить’;

погрозить – ‘предупредить с угрозой о чем-л.’;

прицелиться – ‘изготовиться к стрельбе, наведя на цель оружие’;

ружьё – ‘ручное огнестрельное оружие с длинным стволом’;

чайка – ‘водоплавающая птица с мягким густым оперением’;

шататься – ‘качаться из стороны в сторону’.

Следующий этап работы с художественным текстом включает притекстовые задания. Учащиеся должны прослушать рассказ «Прыжок».

Традиционно текст читается преподавателем, однако более интересно и эффективно для развития навыка аудирования прослушать аудиокнигу с иллюстрациями (например, <https://yandex.by/video/preview/9206444597033493137>). Затем учащиеся должны прочитать рассказ по абзацам. Диалоги можно читать по ролям. После прочтения рассказа студенты отвечают на вопросы по содержанию текста. Представим примерный перечень вопросов.

Почему рассказ называется «Прыжок»? (Прыжок с мачты в воду является главным эпизодом рассказа, поскольку этот прыжок спас мальчику жизнь).

Каков сюжет рассказа? (Обезьяна сорвала с головы мальчика шляпу и залезла высоко на мачту. Все смеялись над мальчиком. Мальчик полез за обезьяной, мог бы упасть и разбиться насмерть, если бы его отец не пригрозил выстрелить в него и не заставил прыгнуть в море).

Как вы понимаете смысл рассказа? (Этот рассказ о родительской любви; о безразличии людей, которые могут насмехаться над человеком и побуждать его совершить рискованный поступок, из-за которого он может погибнуть; о безрассудстве мальчика-подростка, который под влиянием стыда перед людьми рискует жизнью).

Авторский замысел Л.Н. Толстого – воспитательный. Писатель учит детей, подростков не совершать необдуманных поступков под влиянием чужого мнения или насмешек. Кроме того, автор показывает, как нужно относиться к людям, особенно к детям и подросткам, которые зависимы от чужого мнения. Насмешки могут привести к ситуациям, опасным для жизни.

Мы с учащимися обсуждаем, как нужно относиться к однокурсникам, допустимо ли смеяться над ними. Не секрет, что в студенческих группах бывают случаи буллинга: студенты, которые чем-то отличаются от других (внешностью, невысоким уровнем знаний и т.п.), подвергаются насмешкам, что приводит к нежелательным последствиям. Тот, кто издевается над товарищами, выглядит как обезьяна из этого рассказа. Изучение рассказа «Прыжок» дает возможность показать, к чему может привести унижение человека.

Рассказ «Прыжок» также даёт пример родительской любви. Студентам нужно ответить на вопрос «Почему заплакал капитан»? Когда капитан – отец мальчика – вышел из каюты и увидел, что его сын дошел до края мачты, он сразу понял, что ребёнку грозит смерть: он бы не смог вернуться обратно по перекладине мачты, он бы упал и разбился о палубу. Единственный выход – прыгать в море, хотя мальчик не умел плавать, его вытащили матросы. Отец мгновенно принял единственно верное решение: под угрозой выстрела из ружья заставить растерявшегося подростка прыгнуть в воду. Это пример родительской любви, которой тоже должны учиться студенты.

В качестве послетекстового задания можно предложить студентам пересказать рассказа «Прыжок». Послетекстовые задания также включают лексические и грамматические упражнения. Можно дать студентам лексико-грамматические задания по глаголу, поскольку рассказ насыщен глагольными формами. Следует отметить, что в повествовании обычно используются глаголы прошедшего времени. Целесообразно повторить спряжение глагола. Также рассказ дает материал для повторения сравнительной формы наречий (*сильнее, громче, быстрее, выше*).

Кроме того, можно предложить иностранным учащимся описать характеры героев рассказа, используя эпитеты. Например, мальчик: эмоциональный, несдержанный, смелый, быстрый.

Капитан (отец мальчика): смелый, расчётливый, решительный, эмоциональный. Матросы: несдержанные, грубые, насмешливые, растерянные. Обезьянка: задиристая, ловкая, быстрая, дерзкая.

Можно сделать вывод, что изучение рассказа Л.Н. Толстого «Прыжок», как вообще текстов русской классической литературы, полезно для студентов-инофонов в разных аспектах. Анализ художественного текста позволяет формировать языковые компетенции: развивает навыки чтения, аудирования, письма и говорения, обогащает словарный запас. Немаловажен воспитательный аспект изучения произведений русской классической литературы: они способствуют формированию высоконравственной личности учащихся.

Список литературы

1. Армоник, Л. Б. Художественное произведение на уроке РКИ: объект смыслового восприятия и средство обучения языку / Л. Б. Армоник // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Пинск, март 2021 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: В. И. Дунай [и др.]. – Пинск: ПолесГУ, 2021. – Вып. 2. – С. 631-636. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/21798> (дата обращения: 14.03.2025).

2. Иванова, А. П. Аутентичные тексты Л. Н. Толстого на занятиях по русскому языку как иностранному / А. П. Иванова, О.В. Лаврова // Проблемы современного педагогического образования. 2018. – №59-3. – С. 322-325. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnye-teksty-l-n-tolstogo-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu>. (дата обращения: 14.03.2025).

3. Овчаренко, А. Ю. Тексты для чтения и развития устной речи. II Сертификационный уровень владения русским языком как иностранным в социокультурной сфере: учебно-методическое пособие / А. Ю. Овчаренко. – Москва : РУДН, 2015. – 61 с.

Панченкова А. А., Трошина Н.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

МОРФЕМНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

В данной статье рассматриваются морфемные средства выражения эмоций в рассказах Антона Павловича Чехова через призму эмотиологии. Эмоции как неотъемлемая часть человеческого существования играют значительную роль в литературе. Их выражение осуществляется на различных языковых уровнях. Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной изученностью аспектов эмотиологии. Данная работа направлена на анализ морфемных средств, используемых А.П. Чеховым для передачи эмоциональной насыщенности сюжетов произведений, а также отражения внутреннего мира персонажей. В статье поставлены следующие задачи: изучить морфемные единицы, используемые для выражения эмоций; выявить конкретные примеры применения данных средств в рассказах Антона Павловича Чехова.

Ключевые слова: *эмотиология, лингвистика эмоций, морфемные средства, эмоциональная экспрессия, Антон Павлович Чехов, художественный текст, эмоциональная окраска.*

Panchenkova A.D., Troshina N.V.

*Bryansk State Academician I.G. Petrovski University,
Bryansk, Russia*

MORPHEMIC MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS IN THE STORIES OF A.P. CHEKHOV

This article examines morphemic means of expressing emotions in the stories of Anton Pavlovich Chekhov through the prism of emotiology. Emotions, as an integral part of human existence, play

a significant role in literature, and their expression is carried out at various linguistic levels. The relevance of the chosen topic is due to the insufficient study of the aspects of emotiology. This work is aimed at analyzing the morphemic means used by A.P. Chekhov to convey the emotional richness of the plots of his works, as well as reflect the inner world of the characters. The article sets the following objectives: to study the morphemic units used to express emotions; to identify specific examples of the use of these means in the stories of Anton Pavlovich Chekhov.

Keywords: *emtiology, linguistics of emotions, morphemic means, emotional expression, Anton Pavlovich Chekhov, fiction, emotional coloring.*

В ряде научных дисциплин, таких как лингвистика, философия, психология, социология, культурология и литературоведение, наблюдается интерес к исследованию эмоций. Эмоциональная система индивида требует комплексного и многогранного подхода в изучении, поскольку она выступает как объект, так и субъект когнитивной деятельности.

Исследования эмоций человека и механизмов их лингвистического представления всегда привлекали внимание многих ученых. Это обусловлено тем, что художественные текстов имеют способность оказывать значительное воздействие на читателя, вызывая у него сопереживание к героям произведений. На протяжении продолжительного времени эмотивность противоречила принципам информативности и рациональности, а само понятие эмоций долгое время оставалось вне рамок лингвистического описания.

С возникновением междисциплинарных исследований эмоции стали изучаться в рамках совместных усилий ученых из различных областей знания. Это привело к формированию новых междисциплинарных направлений науки, одним из которых является эмотиология или лингвистика эмоций [7, с. 203].

По определению известного российского лингвиста Виктора Ивановича Шаховского, основателя лингвистики эмоций, эмотиология представляет собой «новую междисциплинарную область, появившуюся на пересечении языкознания и психологии» [7, с. 204].

Эмотиология представляет собой многогранную область исследования, которая находит свое отражение на различных языковых уровнях: фонетическом, морфемном, морфологическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом. В данной научной статье мы сосредоточим внимание на морфемном уровне, исследуя произведения русского писателя Антона Павловича Чехова.

Эмоции, являясь неотъемлемой частью человеческого существования, играют важную роль в литературе. А.П. Чехов искусно использует эмоциональную окраску своих произведений для передачи темперамента персонажей. Через тонкие нюансы языка его сюжеты и характеры становятся живыми, многогранными, а переживания героев — близкими и понятными каждому читателю. Логика и структура морфемного уровня позволяют более детально рассмотреть, каким образом незаметные вкрапления морфем влияют на общее восприятие текста и, соответственно, на эмоциональную окраску персонажей [1, с. 45].

Актуальность данной работы обусловлена тем, что, хотя лингвистика эмоций и является развивающейся областью, ее аспекты, в частности, морфемные средства выражения эмоций, остаются недостаточно изученными. Морфемика как одна из ключевых отраслей языкознания играет важнейшую роль в формировании состава слов и структурировании языка, что, в свою очередь, непосредственно сказывается на способности языка передавать эмоции. В последние годы интерес к эмотиологии стал возрастать. Лингвистику эмоций в своих трудах затрагивали такие исследователи, как И.В. Арнольд, Ю. С. Бабенко, В. И. Шаховский и многие другие.

В данной статье описывается использование морфемных средств выражения эмоций в художественном тексте. Объект исследования — языковые средства выражения эмоций. Предмет — морфемные средства выражения эмоций. Материал исследования — рассказы Антона Павловича Чехова. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать морфемные средства, с помощью которых Антон Павлович Чехов выражает эмоции в своих рассказах. В рамках данной цели мы поставили перед собой несколько задач: во-первых, изучить существующие морфем-

ные средства для передачи эмоций; во-вторых, выявить конкретные средства эмоциональной экспрессии, которые использует писатель.

Анализ морфемных средств в текстах Антона Павловича Чехова даст возможность глубже понять эмоциональную структуру произведений. В процессе работы использовались теоретические, аналитические и синтаксические методы исследования, что позволило глубже понять взаимосвязь между языковыми средствами и эмоциональной нагрузкой текста.

Морфема – это минимальная значимая единица языка, которая может быть корневой или аффиксальной [6, с. 52]. Корневые морфемы несут основное значение слова, а аффиксы (приставки, суффиксы, окончания) помогают образовать новые слова и передать дополнительные оттенки значений.

В произведениях Антона Павловича Чехова корневые морфемы, относящиеся к эмоциональному состоянию персонажей, играют ключевую роль. В рассказе «Человек в футляре» главный герой Беликов испытывает глубокий страх перед обществом. Корень «страх» выражен в различных формах, подчеркивая внутреннее терзание персонажа. Например, «Женской прислуги он не держал из *страха*...» [5, с. 204], «И ему было *страшно* под одеялом...» [5, с. 206], «...многолюдная гимназия, в которую он шел, была *страшна*...» [5, с. 204]. Через описание внутреннего состояния главного героя рассказа Антон Павлович создает атмосферу тревоги и неуверенности. Также часто используется лексема с корнем «футляр». Например, «И мысль свою Беликов также старался запрятать в *футляр*» [5, с. 204], «Своими чисто *футлярными* соображениями» [5, с. 205], «И этот учитель греческого языка, этот человек в *футляре*» [5, с. 205]. Данные примеры демонстрируют замкнутость и изоляцию главного героя, что подчеркивает тему эмоциональной «защищенности» персонажа.

В рассказе «Дама с собачкой» чувства главных героев – Анны и Гурова, раскрываются через корневую морфему «любовь». Например, «Как будто то была не *любовь*, не страсть, а что-то более значительное» [5, с. 129], «Разве он *любил* тогда?» [5, с. 130], «И приходилось говорить неопределенно о *любви*» [5, 132], «Она глядела на него со страхом, с мольбой, с *любовью*» [5,

с. 132], «Анна Сергеевна и он **любили** друг друга, как очень близкие, родные люди...» [5, с. 132], «...**влюблены**...» [5, с. 134]. Разные оттенки данного чувства, от нежности до страха потерять друг друга, показывают читателю сложность и многогранность отношений главных героев.

В рассказе «Июныч» корень «жизнь» используется для передачи эмоционального состояния главного героя Дмитрия Старцева, который становится равнодушным ко всему окружающему. Например, «пустая, бесполезная **жизнь**» [5, с. 301], «мог жаловаться ей на **жизнь**, на людей» [5, с. 303], «точно здесь его колыбель, где нет **жизни**» [5, с. 303], «День да ночь – сутки прочь, **жизнь** проходит тускло, без впечатлений, без мыслей...» [5, с. 304]. Повторение корня «жизн...» подчеркивает утрату интереса к жизни, ощущение пустоты и разочарования персонажа.

Аффиксы, используемые писателем, также играют важную роль в создании эмоционального контекста. В рассказах Антона Павловича Чехова можно наблюдать использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, таких как -чик, -еньк-, -оньк- и -к. Это придает тексту особую эмоциональную окраску и глубину. Например, в рассказе «Душечка» [5, с. 332] встречаются такие слова, как «**голубчик**», «**крылечко**», «**красавчик**», «**деточка**». Эти выражения подчеркивают теплые чувства, которые испытывает героиня к окружающим ее людям. Чтобы предать обращению оттенок заботы, Ольга Семёновна Племянникова использует в речи суффикс -еньк: «**Сашенька**», «**славненький**», «**миленький**», «**умненький**», «**беленький**» и другие

В рассказе «Барон» писатель с помощью суффиксов -ик, -аш, -к придает слову старик пренебрежительную оценку – «старикашка». Также в данном произведении можно встретить лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами -еньк и -к. Например, «...**маленький, худенький старикашка** лет шестидесяти, его **щечки** и **мешочки** под глазами висят и дрожат, как **тряпочки**, подвешенные для просушки» [5, с. 114]. В рассказе «Дама с собачкой» автор использует лексему «собачка» вместо «собака». Уменьшительно-ласкательный суффикс создает позитивное эмоциональное восприятие.

В рассказе «Крыжовник» часто используется уменьшительно-ласкательный суффикс –ишк: «Наш отец Чимша-Гималайский был из кантонистов, но, выслужив офицерский чин, оставил нам потомственное дворянство и *именьишко*. После его смерти *именьишко* у нас оттягали за долги, но, как бы ни было, детство мы провели в деревне на воле» [5, с. 99].

Приставки также могут значительно изменить значения слов, придавая им различные эмоциональные оттенки. К примеру, приставка пре-, которая обозначает высшую степень качества: «И сердце у них *предоброе*, душа филантропная... гуманическая...» [5, с. 487] из рассказа «Совет»; «Из-за Семена выглядывала пьянеющая физиономия дьячка Манафуилова и *преехидно* улыбалась...» [5, с. 509] из произведения «Барыня». В рассказе «Ионыч» [5, с. 301] встречаются различные глаголы с приставками, что подчеркивает изменения и нарастание напряжения в отношениях героев. Например, «разбирая», «разбираться» – приставка раз- указывает на действие, которое происходит в большем масштабе, преобразуя начальное значение; «передавала», «переехать» – приставка *пере-* создает ощущение движения; «наступая» – приставка на- указывает на усиление действия.

Кроме того, писатель использует приставки, создающие выразительность глаголов. Они указывают на высокую степень интенсивности действия или на разнообразные оттенки его проявления, придавая словам сниженную, разговорную окраску. Примеры: добегаться, забегаться, отбегаться, прихватить.

В некоторых контекстах Антон Павлович Чехов использует приставки, чтобы выразить отрицательные эмоции. Примером может служить «разочароваться». Это слово демонстрирует не только разочарование, но и всю гамму чувств, связанных с потерей надежды.

Усеченные формы слов могут создавать ощущение разговорности и простоты, усиливая эмоциональный отклик читателя. В рассказе «Толстый и тонкий» Антон Павлович Чехов использует усеченную форму имени «Миша» вместо полного «Михаил», что добавляет теплоты и искренности в общение героев: «– Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?» [5, с. 81].

В ходе нашего исследования морфемных способов выражения эмоций в рассказах Антона Павловича Чехова мы пришли к выводу, что использование морфем, как корневых, так и аффиксальных, играет ключевую роль в передаче эмоционального состояния персонажей. Как было упомянуто ранее, корневые морфемы часто отражают эмоциональные состояния героев, создавая яркие и многогранные образы. Антон Павлович Чехов использует множество однокоренных слов, что позволяет акцентировать внимание на определенных чувствах, например, страх, любовь, замкнутость и пр. Однако не менее важную роль играют и аффиксальные морфемы. Уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые активно использует А.П. Чехов, придают тексту эмоциональную насыщенность. Такие формы не просто передают нежность, но и могут создавать контраст, подчеркивая драматичность или грусть ситуации. Например, употребление ласковых форм в контексте трагических событий придает им дополнительную глубину, усиливая эмоциональную нагрузку текста.

Кроме того, аффиксы могут передавать оттенки фамильярности или пренебрежительности, помогая установить отношение персонажей друг к другу и к окружающему миру. Приставочные морфемы в произведениях Антона Павловича Чехова тоже играют важную роль, подчеркивая интенсивность действий и эмоций, иногда придавая им отрицательную оценку.

Кроме того, следует отметить использование усеченных форм, что делает речь персонажей более естественной и приближенной к разговорному стилю. Это создает атмосферу непосредственности и простоты, что помогает Антону Павловичу Чехову достичь особого уровня близости к читателю, заставляя его эмоционально откликаться на описываемые события.

Таким образом, можно заключить, что морфемные способы выражения эмоций в произведениях А.П. Чехова становятся важнейшим элементом художественного восприятия текста. Антон Павлович мастерски использует богатство русского языка, чтобы создать многогранные, эмоционально насыщенные образы, формируя уникальное пространство взаимодействия персонажей и читателей. Данное исследование подчеркивает, что изучение морфемных структур может открыть новые горизонты в понимании лингвистики эмоций и эстетических возможностей языка,

что является актуальной задачей для будущих исследований в области литературоведения и лингвистики.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Об объекте общей оценки: учебное пособие / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Просвещение, 1985. – 133 с.
2. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. – 1142 с.
3. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 2008. – 288 с.
4. Лобачёва, Н. А. Русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология / Н. А. Лобачёва. – Москва : Юрайт, 2024. – 206 с.
5. Чехов, А. П. Рассказы. Том 2 / А. П. Чехов. – Москва : Речь, 2016. – 924 с.
6. Шарандин, А. Л. Морфемика и словообразование. Теоретические основы и практикум / А. Л. Шарандин. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – 206 с.
7. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.

УДК 81'373+81'371+81'42

Пантюхова И.Д., Богачанова Т.Д.

*Сибирский государственный университет путей
сообщения, г. Новосибирск, РФ*

СТАТУС ДИАКРИТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Данная исследовательская работа посвящена комплексному анализу статуса буквы «ё» и её актуальной роли в современном русском языке. Исследование охватывает широкий множественно аспект, начиная с исторического контекста появления и закрепления этого графического знака в русском алфавите и заканчивая её современным использованием в различных сферах коммуникации. Особое внимание уделено

изучению влияния буквы «Ё» на восприятие и понимание текстов носителей языка.

Ключевые слова: буква «ё», русский язык, лексикографы, диакритические знаки, происхождение.

Pantyukhova I.D., Bogachanova T.D.
Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia

THE STATUS OF DIACRITICS IN MODERN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

This research work is devoted to a comprehensive analysis of the status of the letter «ё» and its current role in the modern Russian language. The study covers a wide variety of aspects, starting from the historical context of the appearance and consolidation of the graphic sign in the Russian alphabet and ending with its modern use in various fields of communication. Particular attention is paid to studying the influence of the letter “ё” on the perception and understanding of texts by native speakers.

Keywords: letter «ё», Russian language, lexicographers, diacritics, origin.

Язык развивается, меняется, трансформируется под влиянием других языков, носителей языка, развития IT-технологии. Современные люди стремятся к экономии речевых усилий, времени [Богачанова, Викторова 2024]. Устная коммуникация подвержена изменениям в первую очередь. В данной работе пойдет речь о статусе буквы «ё» в современном мире, восприятии этого графического символа с точки зрения произношения и графического оформления носителями языка.

Работа строится на основе многоуровневого исследования, включающего в себя:

- 1) анализ исторических документов, освещающих процесс введения и обсуждения статуса буквы «ё»;
- 2) проведение эмпирических исследований, таких как анкетирование различных возрастных групп для выявления отношения к использованию «Ё» в повседневной жизни;

3) экспериментальное изучение влияния наличия / отсутствия буквы «ё» на скорость и точность прочтения текстов различной сложности;

4) анализ частоты использования графического знака «ё» в современных СМИ, книгоиздательской продукции и интернет-ресурсах.

Роль диакритических знаков в лингвистике достаточно высока. Надстрочные и подстрочные значки играют важную роль как для обозначения буквы, так и для ее произношения в определенном языке [Блинова 2019]. В русском языке мало элементов алфавита с диакритическими знаками, можно отметить «ё» и «й». в данном исследовании речь пойдет о букве «ё».

Это одна из самых необычных и обсуждаемых в русском алфавите. Её значение выходит за пределы орфографии: она отражает историю языка, его богатство и уникальность. Однако современное отношение к этой букве остаётся неоднозначным. Одни считают её незаменимой, другие предпочитают обходиться без неё. Чтобы понять, какую роль играет «ё» сегодня, важно изучить её историю, использование и восприятие в обществе.

История «ё» начинается в конце XVIII века, когда княгиня Ек. Дашкова, возглавлявшая Российскую академию наук, предложила обозначать звук «йо» отдельной буквой, чтобы избежать путаницы. Эту идею поддержали писатели Николай Карамзин и Александр Радищев, и вскоре буква «ё» появилась в текстах. Однако с самого начала её судьба была противоречивой. Несмотря на официальное включение в алфавит, многие продолжали считать её факультативной. Такое отношение сохранилось и в наши дни.

Зачем нужен графический знак «ё»? Прежде всего, он помогает избежать двусмысленности. Например, слова «всё» и «все» имеют разное значение, и отсутствие точки над анализируемым символом может привести к ошибке, неправильному пониманию, как следствие, нарушениям при оформлении документации, конфликтам и т.д. [Скляр, Бочарова, Саранчук 2023] Исследователи утверждают, что в русском языке насчитывается около 12,5 тысяч слов, где используется «ё». В некоторых случаях её

наличие принципиально. Виктор Чумаков, один из известных защитников буквы, считает, что «ё» подчёркивает богатство языка [Чумаков 2005].

Исследование, проведённое среди представителей разных возрастов, уровня образования и специальностей, показало значимые результаты. Большинство респондентов (75%) признали, что буква «ё» необходима, однако лишь 39,9% регулярно используют её в печатных текстах (Рис 1).

6. Когда вы печатаете текст на компьютере, используете ли вы клавишу с буквой «ё»?

148 ответов

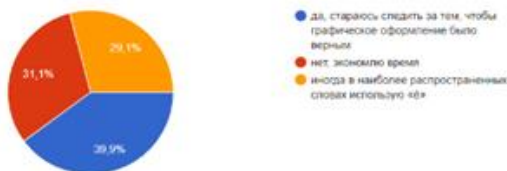

Рис.1

5. Вызывает ли у вас затруднение чтение печатного текста, в котором вместо «ё» напечатана «е»?

148 ответов

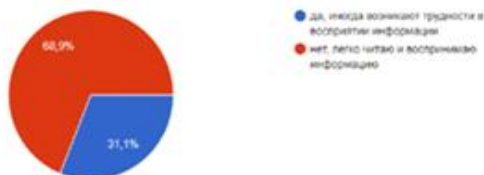

Рис.2

Молодёжь чаще относится к букве нейтрально, тогда как старшее поколение видит в ней важный элемент языка. При этом многие отмечают, что отсутствие «ё» в тексте не мешает чтению, хотя и может вызывать путаницу в отдельных случаях (Рис.2).

Значимым для грамотности населения считаем вопрос о необходимости обращаться к словарю в случае затруднения выбора того или иного графического символа. Более половины опрошенных (52%) пользуются справочниками (Рис.3)

21. Как вы относитесь к тому, что многие люди не используют букву «ё» в своей речи и письме?

[Копировать](#)

148 ответов

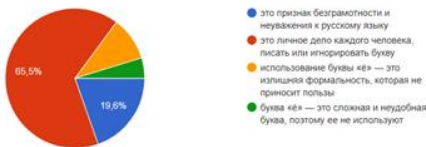

Рис.3

16. Если возникает вопрос, нужно ли писать букву «ё» или произносить соответствующий звук, вы обращаетесь к словарю?

[Копировать](#)

148 ответов

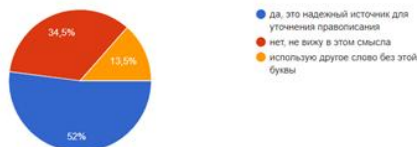

Рис.4

Однако реципиенты (65,5%) лояльно относятся к тому, что их собеседники не используют «ё» в устной и письменной речи (Рис.4).

Также участникам эксперимента было предложено написать часто используемые слова с буквой «ё», здесь частотными стали ёж, лёд, ёлка. Реципиентам пришлось вспомнить фамилии писателей, литературных персонажей и названия произведений, здесь ответы оказались достаточно примитивными. Мы получили: Шмелёв, Мёртвые души, Тёмные аллеи, Три мушкетёра.

Эксперименты, направленный на корректное прочтение текстов с отсутствующими диакритическими знаками над «ё» среди школьников и студентов, показал, что их наличие в тексте облегчает чтение и снижает вероятность ошибок. Непропечатанный графический символ провоцирует реципиентов на неверное восприятие и прочтение. Но существуют и другие проблемы. Например, даже при наличии «ё» школьники и студенты нередко делают ошибки в ударениях или меняют слоги местами. Это указывает на необходимость уделять больше внимания этой букве в образовательных программах и пропечатывать её как в учебных,

так и в социально значимых текстах. Данный эксперимент показал, что при низкой скорости чтения у студентов велика вероятность прочитать слово верно с пропечатанными диакритическими знаками. При высокой скорости чтения ситуация обратная (Табл.1).

Таблица по скорости чтения
Студенты и школьники (80 человек)

Техника чтения	Кол-во прочит. слов в тексте с присутствующей «ё»	Кол-во прочит. слов в тексте с отсутствующей «ё»
Низкая	578	497
Средняя	341	375
Высокая	237	234

(Табл.1)

Анализ современных текстов также выявил противоречивое отношение к «ё». Многие СМИ и издательства избегают её использования, считая факультативной. Современные авторы тоже не придерживаются единой концепции относительно статуса этой буквы. Например, в книге «Пиши, сокращай» Максим Ильяхов и Людмила Сарычева обходятся без «ё». Однако есть и обратные примеры. Так, для автоматического исправления орфографии разработаны программы, такие как «Ёфикатор», которые заменяют «е» на «ё» в текстах.

Можно ли представить русский язык без «ё»? Сегодня это кажется маловероятным. Несмотря на споры, эта буква русского алфавита остаётся важным инструментом для точной передачи смысла текста. Её использование особенно рекомендуется в учебных и официальных текстах, где каждая деталь имеет значение. Более того, привычка использовать «ё» может способствовать сохранению традиций русского языка и повышению грамотности.

В ходе исследования были выявлены противоречивые тенденции в отношении использования буквы «ё». Старшее поколение демонстрирует более высокую степень осознания её значимости для точности передачи информации, в то время как среди молодёжи наблюдается более снисходительное отношение, часто связанное с удобством и скоростью написания [Богачанова, Бере-

зовская 2023]. Результаты экспериментальной части работы подтверждают гипотезу о положительном влиянии этого графического знака на точность и скорость чтения, особенно в текстах, содержащих омографы. Анализ медиа-контента показал неоднозначную практику использования «ё», что свидетельствует о необходимости дальнейшего повышения осведомлённости о важности этой графемы.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости сохранения буквы «ё» в русском алфавите как важного графического и фонетического элемента, способствующего точности передачи информации и повышению уровня грамотности населения.

Буква «ё» продолжает играть значимую роль в языке, объединяя прошлое и настоящее. Её будущее во многом зависит от нас: от того, будем ли мы сохранять её как часть культурного наследия или окончательно переведём в разряд факультативных символов. В любом случае, анализируемый графический знак остаётся ярким примером того, как одна маленькая деталь может оказывать большое влияние на язык и его восприятие.

Список литературы

1. Блинова, О. А. Диакритические знаки в современных русском и итальянском языках: происхождение, проблемы и сравнительные особенности / О. А. Блинова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июнь 2019 г.). – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2019. – С. 7–12

2. Богачанова, Т. Д., Березовская, В. П. Изучение нормативного аспекта культуры речи на материале песен современных исполнителей / Т. Д. Богачанова, В. П. Березовская // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы: Материалы X Международной научно-практической конференции, Ижевск, 21–22 ноября 2023 года. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2023. – С. 156–162.

3. Богачанова, Т. Д. Викторова, Д. Е. Эксплицитное проявление языка в современном киберпространстве / Т. Д. Богача-

нова, Д. Е. Викторова // Проблемы непрерывного педагогического образования: электронный сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Ишим, 05 марта 2024 года. – Ишим: Тюменский государственный университет, 2024. – С. 434–439.

4. Скляр, Л. Н., Бочарова, Т. И., Саранчук, А. Е. К проблеме употребления буквы «ё». Мнение студентов о роли буквы «ё» в русском языке / Л. Н. Скляр, Т. И. Бочарова, А. Е. Саранчук // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2023. – №1. – С. 103–108

5. Чумаков, В. Т. Ё – седьмая, счастливая буква азбуки / В. Т. Чумаков. – Москва : Народное образование, 2005. – 46 с.

УДК 821.161.1

Попова А.Р.

*Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева, г. Орёл, РФ*

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНО МАРКИРОВАННОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИЗУЧЕНИИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН (НА МАТЕРИАЛЕ
ТВОРЧЕСТВА ОРЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
Т.И. ГРИБАНОВОЙ)**

Исследование посвящено выявлению в регионально маркированном тексте лингвокультурологически значимых лексем и фразеологизмов. Представлены аспекты их изучения в рамках лингвистических дисциплин. Материалом исследования является картотека словаря языка прозы Т.И. Грибановой (свыше 2000 единиц).

Ключевые слова: лингвистическое краеведение, лексика, фразеология, пассивный запас лексики, диалектизм, Т.И. Грибанова.

**THE ROLE OF A REGIONALLY MARKED ARTISTIC TEXT IN
THE STUDY OF LINGUISTIC DISCIPLINES (BASED ON THE
WORK OF THE OREL WRITER T.I. GRIBANOVA)**

The research is devoted to the identification of linguoculturologically significant lexemes and phraseological items in a regionally marked text. Aspects of their study in linguistic disciplines are presented. The research material is the index file of the prose language dictionary by T.I. Gribanova (over 2000 items).

Keywords: *linguistic local history, vocabulary, phraseology, passive vocabulary, dialecticism, T.I. Gribanova.*

Писатель – носитель языка родного края – создаёт высокоинформативные в лингвокраеведческом плане произведения, особенно если место действия в них регионально отмечено, а герои являются уроженцами родной автору земли. Таковы тексты современной орловской писательницы Т.И. Грибановой, сочетающие в себе реалистичность, даже документальность, – и высокую художественность. Автор рисует полотно орловской деревни (как правило, от времён Великой Отечественной войны до современности, однако нижняя граница может уходить в XIX век и далее). Т.И. Грибанова представляет целые портреты, типажи поколений – ушедших, уходящих и современных нам; поколений, в чём-то конфликтующих, а в чём-то единокрушных, поскольку выросли её герои на общей родине, *на корню – ‘в месте, где жили отцы и деды, где родился, где прошло детство’* (здесь и далее цитаты приводятся по картотеке словаря Т.В. Бахваловой и А.Р. Поповой «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т.И. Грибановой)»).

Отражение широкой панорамы быта и уклада Орловщины имеет богатую историю, а Т.И. Грибанова становится продолжателем литературных и языковых традиций И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И.А. Бунина, И.Е. Вольнова, в чьих произведениях

показана жизнь (и язык) Орловского края на тех или иных временных срезах. Автор, Т.И. Грибанова, – член Союза писателей РФ, является победителем десятков всероссийских и международных литературных конкурсов и обладателем ряда медалей за литературную деятельность. Известна Т.И. Грибанова и как поэт, и как прозаик; заметим, что в плане лингвокультурологической и краеведческой информации более информативны её прозаические тексты (в творчестве автора преобладают рассказы, однако имеются и очерки, и лирические миниатюры, и крупные формы – повести и романы).

Регионально маркированный языковой материал, воссоздающий быт, культуру, верования и представления, социальные особенности орловской деревни, изучается в рамках ряда преподаваемых нами дисциплин. Прежде всего, он включён в проблематику «Лингвистического краеведения», которое входит в число «научных дисциплин, ориентированных на разноаспектное изучение края и ведущих в совокупности к всестороннему познанию жизни социума на определённой территории, особенностей его исторического и социального развития, своеобразия языка, материальной и духовной культуры» [Бахвалова 2010: 25]. Актуален такой материал и в преподавании «Русской диалектологии» (в текстах сотнями исчисляются диалектизмы разных типов), «Языка писателей-орловцев» (Т.И. Грибанова является ярким представителем современной литературной Орловщины), а также «Лингвистического анализа текста».

Важно, что тексты данного автора репрезентативны не только в плане преподавания лингвистических дисциплин; проза Т.И. Грибановой может быть использована в преподавании «Литературного краеведения», «Филологической регионалистики» и «Устного народного творчества». «Представляется, что художественное творчество писателей и поэтов региона должно рассматриваться как значимая часть культуры того или иного края» [Мещерякова 2007: 148].

В настоящее время ведётся работа над проектом словаря «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т.И. Грибановой)»; картотека насчитывает свыше 2000 лексем и фразеологизмов, неизвестных

или малоизвестных современному читателю (особенно представителю молодого поколения) и нередко номинирующих уходящие в прошлое предметы материальной и нематериальной культуры. Словарь создаётся в настоящее время на базе произведений автора 2012–2024 гг.

Тексты Т.И. Грибановой обладают высокой информативностью –лингвокраеведческой, историко-культурологической, диалектологической, семантической и др.

1. Прежде всего, автор как носительница говоров помнит с детства и воспроизводит в своих произведениях немало уникальных номинантов, не зафиксированных в диалектных словарях – «Словаре орловских говоров» (далее – СОГ), в «Словаре русских народных говоров» (далее – СРНГ), а также в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль 1955]. Приведём лишь некоторые из таких лексем и фразеологизмов: *авилóнья, букéтистый, валерья́нник, волну́шечник, взгóрочье, взаплóт, глiнянка, гостéнье; какмень на жаровне (крутиться, вертеться), лягушек бить, городить городушки, сливочки от кислушки отличить, на сторону лызнуть, забыть, какой рукой лоб крестят* и мн. др.

Таким образом, творчество писательницы расширяет сведения о лексическом и фразеологическом составе орловских говоров, а также становится объектом лексикографической работы преподавателей и студентов.

2. В текстах произведений немало культурно и исторически значимых единиц, за происхождением и употреблением которых обнаруживаются малоизвестные ныне факты, становящиеся базой для лингвокультурологических и лексикографических «портретов». Важно, что в ряде произведений Т.И. Грибанова вкладывает в уста рассказчика или же героев воспоминания, пояснения, «личностные свидетельства». Например, в автобиографической серии очерков («От Рождества до Покрова (Родные запахи)» героиня вспоминает услышанное в детстве от матери, бабушки, односельчан: *Что означает фраза «ломать косарецкого», для меня и в детстве было тайной, и до сих пор остаётся непонятным. На Крещение зять в нашей деревне едет к тёще ломать этого самого косарецкого. Может, зять приезжает к тёще на Крещение не косарецкого ломать, а просто духовитый*

холодец есть? – размышляю я, укладываясь на печке с объевшимся котейкой Патефоном... Значение этого фразеологизма восстанавливается при обращении к словарям, так, в «Словаре русских народных говоров» мы находим данную фразеологическую единицу с пометой Орл.: *‘есть что-либо, приготовленное по случаю торжества, праздника (обычно поросёнка, которого зажаривали на Новый год в день святого Василия Кессарийского)’* [СРНГ, вып. 17: 118]. Фразеологизм же касарецкий поросёнок представлен в «Словаре орловских говоров», ср. соответствующую иллюстрацию: *Късарецкий п̑расёнак – режуть пад Новый гот и цэликом ворють* [СОГ, вып. 5: 23].

Подробнейшие авторские объяснения ушедших в прошлое реалий составляют немалую ценность произведений Т.И. Грибановой. Таким образом проиллюстрировано, например, употребление в крестьянском быту *вёрчи* *‘толстой нити, ссученной, скрученной ладонями из остатков волокна от чесания, от прядения’*. См. авторскую речь в произведении «Колыбель моя посреди земли»: ... *чтобы не пораниться о стерню, вязали на одной спице накидной петлёй из льняной «вёрчи» чулки. / А вот громадные клубки (более ¼ аршина в диаметре) из конопляной «вёрчи» по-видать мне посчастливилось. / И первая моя детская обувь, в ней и ходить пошла (сейчас бы сказали, наверно: тапочки, пинетки, детские туфельки), из этой самой «вёрчи», и звалась она – «чуньки».*

3. Понимание текста зависит от степени его агнонимичности. В целом прозаический массив Т.И. Грибановой включает в себя немало слов-агнонимов [Морковкин 1997: 119]. Содержательный аспект произведений (мир, социум, герои с их непосредственной речью) определяет обилие неизвестных и малоизвестных читателю единиц: историзмы, архаизмы, диалектизмы, профессионализмы, отдельные просторечные лексемы, а также слова литературного языка, не отличающиеся высокой частотностью в речи современного городского жителя и обозначающие предметы деревенского быта. Опыт преподавания дисциплин «Язык писателей-орловцев» и «Лингвистическое краеведение» показывает набор тематических групп лексики и фразеологии, где данный агнонимический барьер наиболее заметен и подлежит изучению.

Представим ряд наиболее объёмных, интересных для современного читателя тематических групп – номинаций артефактов – с отдельными примерами, отметив, что последние исчисляются десятками:

– хозяйственные постройки: *кату́х* ‘помещение для скота; хлев’, *лётник* ‘лёгкое строение, используемое для хранения одежды, домашней утвари, сна в тёплое время года’;

– предметы мебели: *ко́ник* ‘в крестьянской избе – лавка, скамья возле двери или печи в виде длинного ящика с крышкой’, *бо́жья доло́нь* ‘предмет мебели стол’, *коробе́й* ‘большой сундук’;

– хозяйственная утварь: *весёлка* ‘деревянная лопаточка для замешивания теста’, *ча́пельник* ‘сковородник’;

– посуда: *кв́ашка* ‘ёмкость, в которой заквашивают тесто’, *махо́тка* ‘небольшой глиняный горшок’, *напо́л* ‘кадка’;

– хозяйственные инструменты, приспособления разного назначения: *двухро́жко́вые ви́лы* ‘вилы с двумя зубьями’, *ля́ска* ‘приспособление для первичной обработки конопли; мялка’ и др.;

– одежда и обувь: *плю́шка* ‘тёплая верхняя короткая женская одежда из плюша’, *кру́глик* ‘белый холщовый платок, который надевали на умершего человека’, *стану́шка* ‘нижняя холщовая часть отрезной женской рубахи’, *бу́рочки* ‘сте́ганные сапоги из плотной ткани с ватной прокладкой’;

– украшения: *анта́рки* ‘бусы, похожие на янтарные’, *ко́сник* ‘лента, полоска ткани, вплетаемая в косу’.

В изобилии содержится лексика, номинирующая пищу деревенского жителя: *жаворо́ниха* ‘сдобная булочка в виде большой птицы, выпекавшаяся по народному обычаю в марте ко времени прилёта журавлей 9/22 марта’, *пре́лики* ‘олады из перезимовавшего в земле картофеля’, *толсту́ха* ‘яичница из большого количества яиц с добавлением соды для пышности’ и др. В отдельных случаях можно явно проследить деривационные связи: так, в орловских говорах распространено слово *га́рбуз*, обозначающее тыкву и породившее производные *гарбу́зня* ‘кушанье из тыквы’ и *гарбу́зята* ‘пироги с начинкой из тыквы’.

В текстах Т.И. Грибановой разнообразно и оригинально показан природный мир и ландшафт Орловского края, что актуально для героев – жителей деревни. Яркая деталь ландшафта Ор-

ловщины, обилие холмов и оврагов, находит отражение в произведениях писательницы. Ср. распространённые в текстах номинации возвышенностей (*верхотурье* ‘верхняя часть холма, возвышенности’, *гурёк* ‘небольшой холмик, бугорок’, *взлѡбок* ‘небольшое возвышение, пригорок’) и впадин на поверхности земли (*бурѣак* ‘глубокий овраг с крутыми склонами’, *бурѣг* ‘рытвина, колдобина’) и т.п. Представлены также иные номинации природно-ландшафтных объектов:

– лесов и их участков: *глуцѡбина* ‘отдалённая и густо заросшая часть леса; глушь’, *куртѣнка* ‘небольшой участок в лесу, в поле и др., поросший растительностью одного вида’,

– лугов: *луговѣнка* ‘небольшой луг, лужок’, *лѣда* ‘низкое место, заливной луг’,

– водоёмов: *карасѣвник* ‘водоём, богатый карасями’,

– заболоченных местностей: *зыбу́н* ‘зыбучая почва, трясиное, зыбучее место’, *мишѣнина* ‘мишистое болотистое место’.

«Природно-географические, социально-экономические особенности, этнокультурные традиции региона, безусловно, накладывают свой отпечаток на состав лексики говоров: определённые фрагменты реальной действительности оказываются необычайно дифференцированными, и, как следствие этого, представлены в языке многочисленными наименованиями» [Бахвалова 2023: 87].

Номинативное пространство растительного мира края отражено во многочисленных и тоже агнонимичных номинациях – приведём лишь несколько примеров названий дикорастущих растений: *волѡшек* ‘травянистое растение василёк’, *горѡнь-травѣ* ‘травя полынъ’, *дурнопы́н* ‘сорное растение дурман ядовитый’, *тирлі́ч-травѣ* ‘травянистое растение золототысячник’ и мн. др. Отмечается и миконимическая лексика и фразеология: *коловѣйк* ‘белый гриб’, *красногѡлѡвик* ‘гриб подосиновик’, *мышѣный гриб* ‘съедобный гриб поплавок’ и др. Неизвестные либо малоизвестные современникам номинации имеют и культурные растения: *ду́лька* ‘грушевое дерево’, *бессемя́нка* ‘сорт груши без семян’ и растения, значимые для сельского хозяйства: *замѣшки* ‘мужские особи растения конопля’, *матѣрка* ‘женская особь растения конопля’.

В текстах Т.И. Грибановой мы находим сведения о трудовой деятельности жителя деревни прошлого и настоящего, в том числе и о таких профессиях, которые являются довольно редкими в настоящее время: печник («От печки»), птицелов («Ястребок»), корзинщик («Краснотал»); встречаются и номинации фактически утраченных ныне профессий: *баклушник* ‘тот, кто изготавливал баклуши – деревянные чурки, предназначенные для выделки из них посуды (ложек, мисок и под.)’, *лозоход* ‘тот, кто, обследуя местность, при помощи ветки лозы находит места благоприятные для постройки жилья, копки колодцев и др.’. Во многих текстах мы находим сведения о полевых работах, о домашнем животноводстве, о женском рукоделии, отражённые в том числе с помощью яркой и образной диалектной лексики. Такие примеры становятся живыми, колоритными, оригинальными иллюстрациями при изучении пассивного запаса лексики русского языка.

Помимо информации о трудовой деятельности, автор повествует о развлечениях, праздниках, играх и т.п., упоминает, а порой и цитирует произведения устного народного творчества, каковые, заметим, тоже имеют свои названия: ср. *дробиночка* ‘короткая рифмованная песенка, частушка, исполняемая во время пляски’, *заманёлка* ‘краткая рифмованная приговорка, адресованная животным и явлениям природы; закличка’, *побásка* ‘короткий, забавный или поучительный рассказ’.

4. Обрисовка персонажей во всём их многообразии, создание полноценных, визуально, социально, психологически достоверных портретов личностей осуществляется Т.И. Грибановой самыми разными средствами, и в том числе классифицирующими и (или) характеризующими номинациями лиц. Практически в любом тексте немало ярких, образных личных существительных и фразеологизмов, представляющих человека в общей системе индивидуальных и социальных оценок по самым разным параметрам.

Так, человек именуется:

– по положению в семье, семейным отношениям: *безотцовка* ‘девочка, рождённая вне брака’, *мизинчик* ‘младший ребёнок в семье’, *примáк* ‘муж, принятый в семью жены, живущий в доме жены’,

– по возрасту: *малыбочка* ‘*малыш, ребёнок*’; *без двух девяносто*, *одной ногой в домовине*;

– по внешним особенностям: *мухорóтик* ‘*о малорослом, невзрачном, хилом человеке*’, *просту́ша* ‘*женщина с ничем не выделяющейся, обыкновенной заурядной внешностью; с виду – дуб стоялый, а внутри – пень трухлявый* и др.

– по интеллектуальным способностям: *простоды́ра* ‘*чрезмерно доверчивый, глупый человек*’, *бесплодённа Ари́на* ‘*бестолковая, глупая женщина*’,

– по свойствам характера: *смирнёнок* ‘*человек смирного, кроткого нрава*’, *бо́жье бя* ‘*о невинном, простодушном человеке*’, *скряжная ду́ша* ‘*тот, кто проявляет чрезмерную скупость, жадность*’,

– по отношению к труду: *непря́ха* ‘*женщина, не умеющая прясть*’,

– по часто проявляющимся особенностям поведения, по образу жизни: *гуля́й-ве́тер* ‘*о свободном от семейных уз, серьёзных симпатий и увлечений человеке*’, *круте́нь* ‘*любитель ухаживать, волокаться за женщинами; волокита*’, *наряжо́ха* ‘*любительница красиво, нарядно одеваться*’ и мн. др.

5. Заслуживает внимания значительный, во многом уникальный фразеологический фонд, представленный в прозе Т.И. Грибановой. Поскольку нередко повествование передаётся рассказчику – местному жителю, а героям свойственна как внутренняя речь, так и речь диалогическая, постольку язык произведений насыщен образными эмоционально-оценочными фразеологизмами разных типов (в том числе – в широком понимании фразеологического состава – пословицами, поговорками, недобрыми пожеланиями и др.). Как известно, фразеология в большей мере антропоцентрична, нежели лексика, что мы наблюдаем, в частности, в произведениях Т.И. Грибановой: объектом фразеологических оценок и характеристик выступает, что естественно в сюжетном произведении, именно человек.

Фразеологически представлен сам человек (*хоть об лоб поросят бей* ‘*о полном, крепкого телосложения, пышущем здоровьем человеке*’, *душа на просвет* ‘*о хилом, тщедушном человеке*’, *через губу не переплюнет* ‘*о том, кто непомерно высокого мнения о себе*’), его занятия (*хвосты телушкам крутить* ‘*проводить*

время в праздности, бездельничать'), действия (в брехнях извляться; и сороку бить, и ворону 'ухаживать за всеми девушками, не отдавая предпочтения кому-либо'), состояния (завывивают зубы Камáринского 'о дрожи от сильного страха, душевного смятения', зю́зя зю́зей 'о человеке в состоянии сильного алкогольного опьянения'), материальное положение (голь голи́мая 'о том, кто живет в крайней нищете') и мн. др.

6. Обилие подобной агнонимической лексики и фразеологии обращает нас к проблеме авторской стилизации: такие вкрапления в большинстве своём образны, необычны, они привлекают внимание, запоминаются, нередко служат средством речевой характеристики героя либо рассказчика, воспроизводят местный колорит произведений. Автор чувствует язык и встраивает номинации, подобные вышеуказанным, гармонично и уместно.

Нельзя не сказать о том, что произведения актуальны не только в языковом, в содержательном, но и в нравственном плане. Многие герои Т.И. Грибановой вызывают уважение своими моральными качествами: стойкостью к невзгодам, порядочностью и добротой, верностью своей малой и большой родине. Отдельные единицы становятся выразителями нравственной позиции автора, ср. фразеологизм *душа короткая* 'о том, кто не помнит, не хочет вспоминать кого-, что-либо; короткая память' – *А могилки со сродниками на погосте цельный ряд? Как без пригляду оставить?.. ... Ить у нас на деревне, как ни помысли, а всё ж таки обычаи от Христа... Рази ж у Гурьевых душа короткая?! («Так и жили...»).*

Произведения Т.И. Грибановой содержат богатый, уникальный языковой материал и становятся объектом ряда курсовых и выпускных квалификационных работ. Погружение в подобные регионально маркированные тексты предполагают, наряду с детальным анализом языковых единиц, изучение истории родного края, быта, обрядов, традиций, представлений его жителей о себе, о мире и социуме. Выявление семантических, ареальных, стилистических, лингвокультурологических особенностей лексем и фразеологизмов автора не становится самоцелью в преподавании лингвистических дисциплин, а находится в соответствии с идейной, содержательной стороной произведений Т.И. Грибановой.

Список литературы

1. Бахвалова, Т. В. Лингвокраеведческая составляющая в подготовке будущего учителя / Т. В. Бахвалова // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 7. – С. 21–26.
2. Бахвалова, Т. В. Орловские говоры и лингвистическое краеведение: учебное пособие / Т. В. Бахвалова. – Орёл : ОГУ имени И.С. Тургенева, 2023. – 236 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Тт. 1–4. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
4. Мещерякова, О. А. Индивидуально-авторская концептосфера И. А. Бунина в её репрезентации средствами свето- и цветообозначений / О. А. Мещерякова. – Елец, 2007. – 210 с.
5. Морковкин, В. В. Русские агнонимы [Текст] / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – Москва : «Астра семь», «Русские словари», 1997. – 414 с.
6. Словарь орловских говоров / Под ред. Т. В. Бахваловой. – Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. – Вып. 5–17. – Орёл, 1992–2016 (СОГ).
7. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–52. – Москва, Ленинград, Санкт-Петербург : Наука, 1965–2021 (СРНГ).

УДК 82.3+82'2

Пронина Е.В.

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ*

СЛОВО И НАСИЛИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

На материале драмы «Власть тьмы», повести «Крейцеров соната» показано, что истоки преступлений у героев коренятся в нарушении ими «закона совести», а не только в социальных факторах. Цель исследования – проанализировать эволюцию нравственного сознания в позд-

нем творчестве Л.Н. Толстого через призму проблемы преступления и наказания, выявив связь между внутренним нравственным падением и уголовными деяниями. Исследование выявило, что Толстой рассматривает наказание как процесс нравственного пробуждения и покаяния, а не юридического возмездия, что подчеркивает приоритет внутренней морали над внешними нормами. Особое внимание уделено сравнительному анализу траекторий героев: от трагического финала Никиты и Позднышева к духовному перерождению Нехлюдова, иллюстрирующему идеал «непротивления злу». Результаты подтверждают, что Толстой видит путь преодоления социального зла в личном нравственном совершенствовании, актуализируя тему моральной ответственности индивида перед собой и обществом.

Ключевые слова: литературоведческий анализ, творчество Л.Н. Толстого, нравственное падение, социальная несправедливость.

Pronina E.V.

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia*

WORD AND VIOLENCE: THE EVOLUTION OF MORAL CONSCIOUSNESS IN THE LATE WORKS OF Leo TOLSTOY

Based on the drama "The Power of Darkness" and the story "Kreutzer Sonata", it is shown that the origins of the crimes of the heroes are rooted in their violation of the "law of conscience", and not only in social factors. The purpose of the study is to analyze the evolution of moral consciousness in the late work of Leo Tolstoy through the prism of the problem of crime and punishment, revealing the connection between internal moral decline and criminal acts. The study revealed that Tolstoy views punishment as a process of moral awakening and repentance, rather than legal retribution, which emphasizes the priority of internal morality over external norms. Special attention is

paid to the comparative analysis of the characters' trajectories: from the tragic ending of Nikita and Pozdnyshov to the spiritual rebirth of Nekhludoff, illustrating the ideal of "non-resistance to evil." The results confirm that Tolstoy sees the way to overcome social evil in personal moral improvement, actualizing the theme of an individual's moral responsibility to himself and society.

Keywords: *literary analysis, the work of Leo Tolstoy, moral education, social injustice.*

Источник финансирования: Исследование выполнено в ТГПУ им. Л.Н. Толстого за счет гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники № ДС/160 на выполнение работы «„Малая проза“ Л.Н. Толстого начала XX века: язык и стиль».

Л.Н. Толстой – гений русской и мировой литературы – является создателем духовных ценностей, которые до сих пор продолжают служить людям, способствуя их нравственному и эстетическому развитию. Он по-прежнему привлекает к себе внимание ученых разных стран мира. В последние десятилетия можно видеть, насколько успешно преодолевается «пропасть между несравненным гением писателя-творца и слабостями устаревшей доктрины» [Петреску 1965: 127], то есть разделение Л.Н. Толстого-мыслителя и Л.Н. Толстого-художника.

Многогранность философского, этического, эстетического анализа предполагает и исследование темы насилия в творчестве «позднего» Л.Н. Толстого». Данная проблема, в частности ее этический аспект, привлекала писателя на всем протяжении жизни: во время учебы на юридическом факультете в Казанском университете, в 1861–1862 годах при разрешении споров между дворянами и крестьянами, когда Толстой занимал должность мирового посредника Крапивенского уезда Тульской губернии, общение с председателем суда Н.В. Давыдовым и юристом А.Ф. Кони. Эволюция взглядов писателя получила глубокое выражение в слове, в творчестве 1880–1900-х гг. («Смерть Ивана Ильича», «Окончание малороссийской легенды «Сорок лет», изданной Костомаровым в 1881 г.», «Крейцера соната», «Власть тьмы», «Фальшивый купон», «Воскресение», «О насилии» и др.).

Идея Толстого о том, что прежде чем совершить уголовное преступление, человек переступает в себе закон нравственности, является значимым моментом его философской концепции. Это, как правило, происходит в молодости, когда личность только формируется. Особую значимость в связи с этим приобретает анализ творчества «позднего» Толстого, искавшего пути нравственного, духовного обновления жизни вместе со своими героями.

На современном этапе развития философии и литературоведения так или иначе довольно подробно рассмотрены особенности данного периода творчества Толстого. Но проблема насилия, в частности преступления и наказания, представляется относительно неизученной, исследуемой преимущественно в обзорном плане.

Представляется актуальным рассмотреть мировоззренческий аспект философии преступления у Л.Н. Толстого и проанализировать проблему преступления и наказания на примере произведений разных прозаических жанров: драмы и повести. Доказательством социальной остроты волнующих писателя нравственных вопросов являются истории публикации его произведений. Так, драма «Власть тьмы, написанная в 1886 году, впервые на русской сцене разрешена к постановке лишь в 1895 г.; повесть «Крейцерова соната» (1887–1889) опубликована в 13-м томе собрания сочинений в 1891 г. ограниченным количеством экземпляров, а отдельные издания произведения были запрещены вплоть до 1900 года.

В гносеологии понятие «преступление» соотносится с понятием «насилие». А.А. Гусейнов дает следующее понимание насилия по Л.Н. Толстому: «Насилие, как явствует уже из этимологии слова, есть применение силы, опора на силу, действие с помощью силы. Оно имеет место только во взаимоотношениях между людьми, поскольку они обладают свободной волей; оно, в этом смысле, общественное отношение... Насилие разрывает общественные коммуникации, разрушает их общепризнанные основания, получившие выражение в традициях, обычаях, праве, иных формах культуры. В этом смысле оно всегда представляет собой нарушение некоего договора, нормы, правила, односторонний выход за принятые рамки коммуникации. Совершающий

насилие в отношениях с тем, на кого направлены его насильственные действия, преступает некую черту, которую они ранее обязались не преступать; насилие есть преступление» [Л.Н. Толстой и современный мир 1998: 17].

Таким образом, преступление и наказание у Л.Н. Толстого входят в философскую категорию насилия. Неприятие насилия у писателя основано на его концепции прогресса. Общественный прогресс бессмыслен без прогресса нравственного, основное содержание которого – формирование ненасильственных отношений. Насилие является злом, с ним необходимо бороться проповедью ненасилия, обличением насилия и, главное, примером ненасилия и жертвы.

В драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» показана погоня за деньгами, кража денег, а отсюда и целый клубок нравственных и уголовных преступлений, причем источником уголовного преступления становится преступление нравственное, «предательство Бога в себе».

Показателен путь к преступлениям и преступления Никиты – ключевого образа драмы. Никита избаловался на заработках (на «чугунке»), потерял чувство нравственной ответственности и обманул отца, поклявшись ему, что не был близок с Мариной. С такого обмана началась его цепочка преступлений. Он успокоил отца и остался в рабочих. Жизнь должна была пойти по-прежнему, но случилось иное – «коготок увяз». Одно преступление потянуло за собой другие: отравление Петра, разгул Никиты с Акулиной, убийство ребенка. Словом, «птичка» стала «пропадать» (подзаголовок драмы – «Коготок увяз, всей птичке пропасть»).

О последнем своем деянии Никита заключает: «Лишился я своей жизни. Лишился!.. Куда уйду я?!» [Толстой 1978: 87]. Следует отметить, что глагол «идти», по данным цифровых методов исследования художественного текста драмы (проект Lensky) [Пронина 2023: 92] является самым частотным словом произведения, показывая внутренние «метания» героев. По Л.Н. Толстому, убить – лишить истинной жизни себя, человеческой жизни. Именно поэтому в пятом акте Никита действительно хочет покончить с собой. Ситуация разрешается единственно возможным для Л.Н. Толстого способом: не через юридическое

наказание, а путем покаяния, просветления, очищения, воскресения. Никита становится на путь нравственного совершенствования, и не важно, что будет с ним на суде.

Таким образом, в драме «Власть тьмы» особенность конфликта связана с проблемой преступления. Все действие строится на параллелях преступления первичного, нравственного, и уголовного, явного преступления – убийства.

Истоки преступления Позднышева, главного героя повести «Крейцера соната», в его установках, которые он вынес из молодости. «Я не тогда убил ее, гораздо раньше», – признается Позднышев после убийства жены. «Жил я до женитьбы, как живут все, то есть в нашем кругу. Я помещик и кандидат университета, был предводителем. Жил до женитьбы, как все живут, то есть развратно, и, как все люди нашего круга, живя развратно, был уверен, что я живу, как надо. Про себя я думал, что я милашка, что я вполне нравственный человек» [Толстой 1978: 133].

Причину своего преступления Позднышев видит в социальном зле: «Я пал потому, что окружающая меня среда видела в том, что было падение... невинную забаву для молодого человека» [Толстой 1978: 133].

Таким образом, истоками преступления являются общественные отношения, их нравственная сторона, заставляющая преступить божественный закон в себе, что неизбежно ведет к насилию над другим человеком. Нравственным наказанием является суд собственной совести. Положительное начало героя состоит в его способности к нравственному прозрению, хотя оно и оказывается запоздалым. По Л.Н. Толстому, особую роль в жизни людей играет совесть, а общество, которое учит пренебрегать ею, неизбежно постигает нравственный регресс.

Нехлюдов, главный герой «Воскресенья» (1889–1899), смог понять это раньше, чем Никита и Позднышев, явив тем самым вершину эволюции развития темы преступления и наказания. В образе Нехлюдова Толстой обозначает выход из сложившегося положения, используя образ Нехлюдова для демонстрации выхода из кризиса, вызванного социальной несправедливостью, через отказ от конформизма и переход к активному нравственному выбору. Герой не совершает уголовного преступления, а порывает со всеми привычными взглядами и убеждениями

своей среды, испытывает духовное, нравственное перерождение приобретает большую свободу суждений и действий. Дмитрий Нехлюдов демонстрирует уникальную траекторию развития, превосходящую пути Никиты («Власть тьмы») и Позднышева («Крейцера соната»), что подтверждает вершину авторской интерпретации темы преступления и наказания.

Анализ эпизодов суда и последующих действий Нехлюдова выявляет сдвиг от пассивного сожаления по поводу случившегося к активному служению идеям всепрощения и социального равенства. Толстой акцентирует, что истинное «воскресение» героя достигается не через юридическое оправдание, а через личное отречение от привилегий и принятие аскетизма. Сравнение с Никитой, чье преступление влечет физическое наказание, и Позднышевым, чья агрессия обусловлена ревностью, подчеркивает уникальность пути Нехлюдова. Духовное перерождение Нехлюдова сопровождается критикой институтов церкви, государства и частной собственности, что отражает социально-философские взгляды Толстого. Герой приходит к свободе суждений, отвергая догмы светского общества, что выражается в его решении отдать землю крестьянам и последовать за Катюшей Масловой. Толстой использует библейские мотивы (Притчу о блудном сыне) для усиления идеи искупления, что прослеживается в монологах Нехлюдова. Отказ от эгоизма и переход к альтруизму у Нехлюдова иллюстрируют толстовский принцип «непротивления злу», сочетающийся с активным социальным действием. Кульминацией эволюции героя становится его готовность к мученичеству, что отличает его от Позднышева, чья свобода ограничена мстью, и Никиты, чей путь заканчивается трагедией. Через Нехлюдова Толстой предлагает модель преодоления социального зла через личный пример, а не революционные методы, что делает роман «Воскресение» весьма актуальным в контексте общественных дискуссий XIX века. Исследование переписки Толстого и его дневников подтверждает, что образ Нехлюдова стал итогом многолетних размышлений писателя о моральной ответственности интеллигенции. Таким образом, «Воскресение» не только завершает толстовскую «трилогию» о преступлении, но и формулирует универсальный этический императив, выходящий за рамки художественного нарратива.

Проведенный анализ подтверждает, что духовно-нравственная эволюция Нехлюдова становится ключевым вкладом Толстого в мировую литературу, актуальным для междисциплинарных исследований.

Подводя итоги, следует отметить, что проблема преступления и наказания в творчестве «позднего» Л.Н. Толстого рассмотрена в двух аспектах:

- 1) мировоззрение писателя;
- 2) художественное творчество писателя.

Преступление начинается с «переступления» закона нравственности. Юридическое, «явное» преступление как цепная реакция следует за «скрытым», внутренним преступлением нравственного закона. Эта философия воплощена на страницах художественных произведений писателя.

Во «Власти тьмы» Л.Н. Толстой исследует состояние нравственности в крестьянской среде. В «Крейцеровой сонате» – проблему нравственности в образованных кругах общества. В «Воскресении» Л.Н. Толстой обращается к проблеме преступности существующих общественных отношений в целом. Истоком преступления во всех данных произведениях нравственная глухота, а затем и падение главных героев. Это позволяет сделать вывод, что определяющим фактором в жизни человека, по Л.Н. Толстому, является не его социальный статус, а внутреннее нравственное состояние.

Выход из духовного кризиса, поразившего все общественные слои, писатель видит в нравственном совершенствовании личности и, как следствие, общественных отношений.

Список литературы

1. Петреску, Ч. «Крейцера соната» Л. Толстого / Ч. Петреску // Литературное наследство. – Москва : Наука. Т. 75. Кн. 1: Толстой и зарубежный мир. – 1965. – 621 с. – Б. ц. – С. 123–129.
2. Толстой и современный мир: XXIV Междунар. Толстов. чтения: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч.1. / [Редкол.: В. Б. Ремизов (отв. ред.) и др.]. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1998. – 20 см. В надзаг.: М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, Ин-т мировой лит. им.

А. М. Горького РАН, Ин-т рус. лит. РАН (Пушк. дом), Гос. мемор. и природ. заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого "Ясная Поляна"».

3. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений [Текст]: в 22-х т. / Лев Николаевич Толстой; [редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др.; коммент. А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. Москва, 1978. – Т.11; 20 см. Драматические произведения, 1864–1910. Т. 11 / [коммент. Ю. П. Рыбаковой]. – Москва: Художественная литература, 1982. – 503 с., [1] л. ил.

4. Пронина, Е. В., Пронин, Д. Д. Исследовательский потенциал изучения корпуса произведений русской литературы с помощью цифровых лингвистических методов и технологий искусственного интеллекта (проект Lensky) / Е. В. Пронина, Д. Д. Пронин // Современный ученый. – 2023. – № 3. – С. 92–105.

УДК 81'373+81'371+81'42

Прыгова Т. А.

*Военная академия воздушно-космической обороны
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, г. Тверь, РФ*

Некрасова А.В.

*Тверской государственный медицинский университет,
г. Тверь, РФ*

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ СУАХИЛЬСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ

В статье определяются особенности суахильского и русского лингвокультурного концепта «Дружба». Выделяется языковой корпус паремических высказываний со значением «дружба» в русском языке и суахили. Выявляется общее и национально-специфичное своеобразие данных концептов.

Ключевые слова: паремии, концепт, дружба, суахили, русский язык, лингвокультурология.

Prygova T.A.
Military Academy of Aerospace Defense named after G. K. Zhukov,
Tver, Russia
Nekrasova A.V.
Tver State Medical University, Tver, Russia

ANALYSIS OF THE CONCEPT «FRIENDSHIP» BASED ON COMPARISON OF SWAHILI AND RUSSIAN PAREMIA

The article defines the features of the Swahili and Russian linguistic and cultural concept of «Friendship». The linguistic corpus of paremic statements with the meaning «friendship» in Russian and Swahili is highlighted. The general and national-specific uniqueness of these concepts is revealed.

Keywords: *paroemias, concept, friendship, Swahili, Russian language, linguoculturology.*

Цель исследования – проанализировать концепт «Дружба» на основе сопоставления суахильских и русских пословиц.

Цель анализируемого материала определяет задачи исследования:

1) определить особенности суахильского и русского лингвокультурного концепта «Дружба»; 2) выделить языковой корпус паремических высказываний со значением «дружба» в русском языке и суахили; 3) выявить общее и национально-специфичное своеобразие данных концептов.

Материалом исследования послужили пословицы (паремиологические единицы) суахилиговорящего и русского народов, помогающие раскрыть значение концепта «Дружба».

Актуальность исследования определяется тем, что до сих пор не существует исследований, посвящённых сопоставлению суахильских и русских паремий, посвящённых дружбе и вражде.

Дружба является важным элементом жизни любого человека независимо от национальности, вероисповедания, цвета кожи и глаз. В менталитете рассматриваемых народов представлен этический концепт, моделирующий ситуацию дружбы во всех проявлениях и отношениях.

Концепт в данной работе рассматривается с точки зрения лингвокультурологии, то есть концепт — это «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [Карасик 2005: 29].

Для понимания особенностей той или иной культуры наибольший интерес представляет выявление регулятивных (с аксиологическим компонентом) концептов, определяющих ценности и поведенческие доминанты. Репрезентируют концепты являются пословицы и поговорки. В них отражаются нормы поведения, эксплицируются опыт коллектива, знаками «каких-то жизненных или мыслимых ситуаций» [Пермяков 1988: 22].

Дружба — это важное, многогранное явление, которое выражается различными способами в русском и суахильском языках, оно имеет определённую структуру, которая совпадает в сознании обеих культур.

Наиболее сильно это выражается в пословицах, которые дают нам краткое образное представление о традиционных ценностях и взглядах, основанных на жизненном опыте народа.

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ О ДРУЖБЕ

Анализ паремий, объективирующих концепт «Дружба» в русском языке, показал, что все пословицы и поговорки о дружбе можно разделить на четыре группы. К первой группе были отнесены паремии, определяющие место дружеских отношений в жизни человека, ко второй — паремии, описывающие место дружбы в системе межличностных отношений, к третьей — кто и как может стать другом, к четвертой — паремии, описывающие ожидания, связанные с дружбой:

I. Место дружбы в жизни человека.

1. С другом комфортно: *Друг имеется — так и сердце греется.*

2. Дружба выше материальных ценностей: *Не имей сто рублей, а имей сто друзей.* Финансовые отношения могут помешать дружбе, поэтому с друзьями лучше не иметь дел, связанных с деньгами, и они же могут стать проверкой дружбы: *Не давай денег, не теряй дружбы; Золото познается огнем, а друг — золотом. Поэтому Царь и нищий всегда без друзей.*

3. Дружба разрушается словом: *Ветер рушит горы, а слово — дружбу.*

4. Дружеские отношения не просто важны, они определяют всю жизнь человека: *Какову дружбу заведешь, такову и жизнь проведешь.*

5. Дружба предполагает очень близкие отношения, когда практически отсутствует граница между людьми, все, что происходит с другом, воспринимается как свое: *В недруге стрела, что во мне, а в друге, что во мне.*

6. Необходимость дорожить дружбой: *Нет друга — ищи, а нашел — береги.*

7. Время и испытания проверяют дружбу: *Старый друг лучше новых двух.*

8. Друг становится врагом, если не прошел испытания: *Друг до поры — тот же недруг.* Дружеские отношения невозможно восстановить: *Дружба, как стекло, разобьешь — не сложишь.* Бывший друг переходит в категорию врагов, становится даже хуже их: *Раздружится друг — хуже недруга.*

9. Дружба - понятие, применяемое и в коллективе: *Веника не ломаешь, а по прутуку весь переломашь.*

II. Дружба в системе межличностных отношений.

Анализ русских пословиц и поговорок показал, что дружба бывает важнее любви: *Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает.*

1. Дружеские отношения по важности приравниваются к семейным: *Друзья прямые — что братья родные.*

2. Дружба важнее родственных отношений: *Отец — наставник, брат — опора, а друг — и то, и другое.*

3. В ряде русских паремий дружба противопоставляется вражде: *Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит.*

Однако между дружбой и враждой хрупкая грань: *Дружба от недружбы близко живет.*

III. Кто и как может стать другом.

Анализ паремий русского языка показал, что для возникновения дружеских отношений нужны основания, а важность дружеских отношений связана с тем, что друга нелегко найти: *И всяк тебе друг, да не вдруг.*

1. В паремиях содержатся указания на качества настоящего друга, например, на его ум: *Умный товарищ — половина дороги.*

2. Наличие недостатков у друзей: *Ищущий друга без изъяна, останется без друга.*

3. Равенство между друзьями: *Всякий избирает друга по своему нраву.*

4. Указание с кем нельзя дружить (например, с лукавым, лживым, несерьезным, скупым, с крутым нравом): *С добрыми дружись, а лукавых берегись.*

IV. Ожидания, связанные с дружбой.

1. Помощь другу : *Сам умирай, а друга выручай.* За нарушение этого правила будет неизбежное наказание: *Кто друга в беде покидает, тот сам в беду попадает.*

2. Честность по отношению к другу: *Дружба крепка не лестью, а правдой и честью.*

3. Доверие: *Недоверие убивает дружбу.*

4. Верность: *Друг верен, во всем измерен.* Неверный друг опасен: *Неверный друг — опасный враг.*

5. Настороженность: *Бойся друга, как врага.*

6. Необходимость полагаться на себя: *На друга надейся, а сам не плошай.*

7. В русских поговорках дифференцируются понятия друг, дружок, приятель: *Друзей-то (приятелей) много, да друга нет.*

Анализ синтаксической структуры поговорок позволит более полно исследовать их семантические особенности. Пословицы по своей структуре могут представлять собой как суждения, так и побуждения к действию.

В пословице содержится сценарий или рекомендация, как действовать в определенной ситуации, дидактичность — основная черта поговорок: *Не бойся врага умного, бойся друга глупого.*

Назидательность поговорок определяет их структуру, большинство поговорок русского языка представляют собой обобщенно-личные предложения с глаголом в повелительном наклонении: *Дружбу помни, а злбу забывай.*

Как мы видим, в поговорках отражаются особенности этнического мировидения и проявляются этнические стереотипы поведения. В поговорках и поговорках суммирован многовековой опыт коллектива, который проявляется в оценке определенных ситуаций и побуждении к определенным действиям.

ОСОБЕННОСТИ СУАХИЛЬСКИХ ПОСЛОВИЦ

Говоря о теоретической базе паремиологии, следует напомнить о высочайшей ценности паремиологического фонда любого языка, в том числе и суахили. Авторы всех сборников пословиц и теоретических статей на языке суахили подчеркивают это. Так, например, в одном из изданий кенийский автор так говорит о пословицах: «Пословицы состоят из мудрых слов, и неудивительно, что их называют словами предков. Это богатство и защитный амулет народа. Именно поэтому очень часто при использовании пословицы в тексте ей предшествуют слова: «а предки говорили так». Конечно, конкретные имена предков при этом не указываются, поскольку пословицы больше не являются их личным достоянием» [Шатохина: Электронный ресурс].

В целом можно отметить, что суахилийцы относятся к паремиям с неизменным почтением, авторитет предков для них непререкаем. Возможно, это обусловлено тем, что письменность языка суахили сложилась довольно поздно (примерно в XII-XIII вв.), до этого же носителям языка приходилось руководствоваться лишь устным наследием, среди которого особое место занимал фольклор (сказки, пословицы, поговорки). К тому же, язык суахили на протяжении истории претерпевал значительное влияние извне, поэтому традиционные ценности суахилийского общества издревле воспринимались как непререкаемые истины и передавались из поколения в поколение с большой любовью.

В древности широко распространенным ораторским приемом было заканчивать любую сказку одним емким предложением, выражающим мораль всего повествования. Часто эти высказывания переходили в разряд пословиц, поскольку были гораздо более лаконичны, чем длинный текст. В суахилийском обществе рассказывание сказок было принято не только детям, но и взрослым, о чем свидетельствуют многочисленные совсем не детские сюжеты сказок. Именно так сказки и пословицы, как их неотъемлемая часть, крепко оседали в обществе.

Танзанийские исследователи культуры и литературы суахили С. Д. Кианго (S. D. Kiango) и С. Й. Сенго (S. Y. Sengo) отмечают важную социальную функцию пословиц, которые закрепляют и передают из поколения в поколение общественный опыт, нормы морали и каноны социального поведения: «Главная их

цель состояла в том, чтобы наставить младшее поколение на путь истинный, подготовить их к взрослой жизни, да и взрослым напомнить об их общественных обязанностях» [Там же].

Что касается темы дружбы, то нами были проанализированы несколько суахилийских пословиц.

Зрительный образ сравниваемых концептов «дружба» (у русского и суахильского народов) имеет один общий признак два человека, связанных между собой какими-то отношениями. Частотным образным признаком суахильского концепта является признак вежливости, понимание друг друга, поддержка, стремление выручать друг друга, уважение, общие интересы.

Распределены были пословицы так же на несколько значимых групп:

1. Друг и дружба – главная ценность на Земле: *Cheko la rafiki lina bei ghali* (Смех друга стоит дорого); *Badili starehe usibadili marafiki* (Не меняйте друзей ради развлечений); *Rafiki ni siri ya maisha* (Друг – это секрет жизни).

2. Очень часто в жизни друзьями становятся люди, похожие в чем-то: характерами, внешностью, увлечениями, поэтому мы выделили группу пословиц, в которой отражено сходство друзей по разным свойствам и критериям: *Rafiki ni kama jike la simba* (Друг похож на львицу).

3. Отдельно следует выделить, на наш взгляд, паремии, в которых дружбу сравнивают с металлами, с конкретными вещами: *Urafiki ni nguvu kama tsumari wa chuma* (Дружба крепкая, как железный гвоздь); *Urafiki ni kama dhahabu* (Дружба как золото); *Rafiki ni mali* (Друг – это актив). *Rafiki ni fedha undugu ni dhahabu* (Друг – серебро, братство – золото); *Rafiki ni chanda na pete ni dhahabu* (Друг – браслет и кольцо золотое).

4. Следующая группа пословиц отражает жертвенность, преданность, и в то же самое время уважение и бережное отношение к друзьям и дружбе: *Wenzi wako usiwacheke, akushikao mshike* (Не смейся над друзьями, держись за тех, кто тебя трогает); 6) *Rafiki anayejulikana, Ikiwa unakula chumvi pamoja*. (Изведан друг, коль соли вместе съевши); *Mfuko wa mwenzio usiutupe mkono* (Не выбрасывайте карман/сумку партнера); *Akufaaye kwa dhiki ndiye rafiki* (Тот, кто готов к несчастью, тот друг).

5. К сожалению, в мире не все бывает идеально и гладко, происходит трансформация, и друзья могут предать, стать врагами. Подобные ситуации так же находят свое отражение в следующей группе паремий: *Urafiki katika shida wengi wanauhepa* (Дружба в беде, которую многие избегают); *Rafiki yako ndiye adui yako* (Твой друг – твой враг); *Simkimbie sahibu akiwa na taabu* (Не убегайте от хозяина, когда он в беде); *Akupaye kisogo si twenzio* (Тот, кто поворачивается спиной, не является партнером).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования мы пришли к выводу, что для русского концепта дружба определяющими являются следующие черты: дружба — важный тип социальных взаимоотношений, дружеские отношения воспринимаются как более важные, чем родственные или любовные отношения, потому что они являются залогом прочности всего коллектива. Для дружбы характерна взаимовыручка, преданность и честность.

Способ репрезентации знаний соответствует условиям жизни социума, в нем видна материальная культура народа. В пословицах закреплено знание о мире, которым обладал крестьянин, бытовые и географические реалии русской жизни. Следует сказать, что в пословичном фонде замечен менталитет народа, точнее, определенной социальной группы или групп, большинство русских паремий отражают восприятие мира крестьянами, так как крестьянство было самой многочисленной социальной группой. Однако в русских паремиях представлен взгляд на дружбу и других слоев населения: *Верный друг лучше сотни слуг*.

Пословицы существуют в языке в течение нескольких столетий, большинство из них не утратили своей актуальности и в настоящее время. Однако следует учитывать, что наряду с вневременными взглядами, они могут отражать и архаичные представления. Пословичная картина мира является фрагментом языковой картины мира, поэтому анализ паремий позволяет реконструировать определенный участок русской языковой системы. В паремиях культурное, когнитивное и социальное находятся во взаимодействии.

При сопоставлении пословиц двух этносов общими признаками для суахили и русского языка являются следующие: В

обоих языках нами не были найдены пословицы, которые являются полными эквивалентами друг друга. Были определены пословицы, близкие по смыслу, а так же найдены пословицы, которые не имеют аналогов в другом языке.

Для обеих культур дружба – важная часть жизни, имеющая разные проявления в обоих языках. В анализируемых языках наблюдается призыв к дружбе, настоящей, верной и крепкой, которая спасёт человека в трудной ситуации. Дружба является существенным элементом жизни любого человека независимо от национальности, континента, цвета кожи и глаз.

Анализ пословиц суахили и русского языка позволяет выявить и некоторые их отличительные черты. Так, в культуре суахилиговорящих народов представлен признак добродетельности, иногда даже самопожертвования во имя дружбы; в русской языковой культуре также присутствует отношение к дружбе как к некоему святому понятию, но отмечается, что друзья похожи между собой, присутствует элемент равенства в отношениях друзей.

В пословицах обоих языков прослеживается желание предупредить человека, предотвратить встречу с врагом, они учат, как распознать врага, и дают рекомендации.

Список литературы

1. Карасик, В. И. и др. Иная ментальность / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2005. 352 с.
2. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – Москва : Наука, 1988. – 236 с.
3. Шатохина В.С. К вопросу об истории изучения пословиц языка суахили // Litera. – 2021. – № 5. – [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32946 (дата обращения: 14.08.2024).

Распопова Т.А.

Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского
г. Брянск, РФ

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Целью статьи является анализ организации проектно-исследовательской деятельности в учебниках русского языка 5-го класса Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова и др.; Л.М. Рыбченковой, О.М. Александровой и др.; С.И. Львовой, В.В. Львова в сравнительно-сопоставительном аспекте. Для реализации этой цели проанализированы, классифицированы и описаны задания и упражнения проектно-исследовательского типа. В результате исследования сделаны выводы о реализации технологии проектов во всех учебниках, однако в наибольшей степени данная технология отражена в учебнике С.И. Львовой, В.В. Львова.

Ключевые слова: учебно-исследовательская, проектная деятельность, ФГОС ООО, учебники русского языка.

Raspopova T.A.

Bryansk State University named after
Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

IMPLEMENTATION OF DESIGN AND RESEARCH TECHNOLOGY IN TEXTBOOKS OF RUSSIAN

The purpose of the article is to analyze the organization of design and research activities in textbooks of the Russian language of the 5th grade T.A. Ladyzhenskaya, M.T. Baranov; L.M. Rybchenkova, O.M. Alexandrova; S.I. Lvova, V.V. Lvova in a comparative aspect. To achieve this goal, tasks and exercises of the design and research type are analyzed, classified and described. As a result of the

study, conclusions were drawn about the implementation of project technology in all textbooks, however, this technology is most reflected in the textbook by S.I. Lvova, V.V. Lvov.

Keywords: *educational and research, project activities, Federal State Educational Standard of Basic General Education, Russian language textbooks.*

В парадигме актуального в современном образовании системно-деятельностного компетентностного подхода ФГОС ООО предусматривает использование «разнообразных методов и форм обучения, взаимно дополняющих друг друга, в том числе проектов, практических, командных, исследовательских, творческих работ, самоанализа и самооценки, взаимооценки, наблюдения, испытаний (тестов), динамических показателей освоения навыков и знаний, в том числе формируемых с использованием цифровых технологий» [8: 12].

Среди отмеченных технологий особое место занимает учебно-исследовательская, проектная деятельность. Как отмечено в ФГОС ООО, программа формирования универсальных учебных действий должна обеспечивать «формирование навыка участия в различных формах организации учебно-исследовательской и проектной деятельности, в том числе творческих конкурсах, олимпиадах, научных обществах, научно-практических конференциях, олимпиадах» [8: 14].

Понятие проекта (итогового проекта) представлено в Примерной основной образовательной программе основного общего образования. Он «представляет собой учебный проект, выполняемый обучающимися в рамках одного из учебных предметов или на межпредметной основе с целью продемонстрировать свои достижения в самостоятельном освоении содержания избранных областей знаний и/или видов деятельности и способность проектировать и осуществлять целесообразную и результативную деятельность (учебно-познавательную, конструкторскую, социальную, художественно-творческую и др.)». При этом выбор темы итогового проекта осуществляется обучающимися.

В качестве примеров результатов (продуктов) проектной деятельности отмечены:

а) письменная работа (эссе, реферат, аналитические материалы, обзорные материалы, отчеты о проведенных исследованиях, стендовый доклад и др.);

б) художественная творческая работа (в области литературы, музыки, изобразительного искусства, экранных искусств), представленная в виде прозаического или стихотворного произведения, инсценировки, художественной декламации, исполнения музыкального произведения, компьютерной анимации и др.;

в) материальный объект, макет, иное конструкторское изделие;

г) отчётные материалы по социальному проекту, которые могут включать как тексты, так и мультимедийные продукты.

Одной из задач применения проектного метода является формирование интереса к изучению учебных предметов и развитие мотивации обучающихся к более глубокой работе с учебным материалом. Проектная деятельность акцентирует внимание на творческом подходе, что приводит к формированию навыков самостоятельной работы и критического мышления. Важно, чтобы проект предоставлял возможность для объёмного освоения темы и вовлечения различных ресурсов, что соответствует требованиям современного обучения, поскольку каждый проект требует от учащихся не только теоретического, но и практического подхода.

Учебно-исследовательская проектная технология активно используется при обучении всем предметам, но особо важное место она занимает при обучении русскому языку как основному предмету, обеспечивающему достижение личностных, метапредметных и предметных результатов обучения. Так, к формируемым в результате обучения русскому языку универсальным учебным познавательным действиям относится в том числе умение «проводить по самостоятельно составленному плану небольшое исследование по установлению особенностей языковых единиц, процессов, причинно-следственных связей и зависимостей объектов между собой», а к универсальным учебным коммуникативным действиям - умение «публично представлять результаты проведённого языкового анализа, выполненного лингвистического эксперимента, исследования, проекта» [1: 51-52]

Рассмотрим, как реализуются требования ФГОС ООО в области проектной деятельности в учебниках русского языка, прежде всего в учебнике «Русский язык» Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова и др., включённом в Федеральный перечень учебников, а также в учебниках Л.М. Рыбченковой, О.М. Александровой и др.; Львовой С.И., Львова В.В. в сравнительном аспекте.

Для анализа возьмём учебники 5-го класса, поскольку именно в них представлены все разделы русского языка, за исключением словообразования: «Общие сведения о языке», «Язык и речь», «Текст», «Функциональные разновидности языка», «Фонетика. Графика. Орфоэпия», «Орфография», «Лексикология», «Морфемика. Орфография», «Морфология. Культура речи. Орфография» (существительное, прилагательное, глагол), «Синтаксис. Культура речи. Пунктуация» [2; 3].

В учебнике «Русский язык: 5 класс» [2; 3] проектная и учебно-исследовательская деятельность объединены в проектно-исследовательских заданиях, отмеченных специальным знаком.

Классифицируем данные упражнения по учебно-познавательной задаче и степени сложности.

Так, наиболее простой вид упражнений составляют учебно-исследовательские задания, направленные на наблюдение за языковыми явлениями, подбор языковых единиц, их объяснение, комментирование, конструирование синтаксических конструкций. Например, в упр. 319 в разделе «Лексикология» с помощью различных словарей русского языка нужно подобрать синонимы и антонимы по темам «Погода», «Характеристика человека», «Действия человека». Можно анализировать тексты пословиц и поговорок.

Наиболее разнообразно данный тип упражнений представлен в разделе «Морфология». Например, упр. 527: «Винительный или родительный? Составьте словосочетания глагола *ждать* с существительными *письмо, звонок, мама*. Определите падеж имён существительных. Укажите, являются они одушевлёнными или неодушевлёнными. Сравните словосочетания и сделайте вывод о сочетаемости имён существительных с глаголом *ждать*» [3: 34-35].

В упр. 629.2. и 792 требуется проанализировать страницу учебника по любому школьному предмету, посчитать на ней общее количество слов, включая служебные слова; затем отдельно посчитать и проанализировать имена существительные (или глаголы) и сделать предварительный вывод о том, как часто употребляются существительные (глаголы) в тексте. В результате исследования обучающиеся приходят к выводу о частотности употребления слов разных частей речи в научном тексте.

В упр. 734 нужно поставить глаголы *быть, дать, жить* в форму прошедшего времени, обозначить в словах ударение, проверить ударение по орфоэпическому словарю; затем – поставить к каждому глаголу отрицательную частицу *не*, посмотреть, изменилось ли ударение; вновь проверить свой ответ по орфоэпическому словарю. [3: 123].

Анализ языковых фактов в таких упражнениях часто осложняется необходимостью объяснить, прокомментировать языковое явление, сделать самостоятельный вывод, что собственно и делает данные задания исследовательскими.

Задания, направленные на выработку учебно-исследовательских умений объяснять, комментировать изучаемые явления составляют следующую группу упражнений.

Так, в упр. 367 в разделе «Морфемика» требуется установить внутреннюю форму слов *плетень, землянка, шиповник* и написать об одном из слов по плану, озаглавив работу «Секрет названия». В заключение ответить на вопросы: 1. Какая часть слова помогает нам объяснить это название? 2. Почему мы можем использовать корень для объяснения названия? [2: 177.] На основании установленной мотивации номинаций делается вывод, что корень является главной значимой частью слова, фиксирующей основное лексическое значение всех родственных слов.

Интересно, что упражнение подобного типа 368: «Напишите сочинение «Дни недели рассказывают о себе – о том, почему так названы вторник, среда, четверг, пятница» [2: 177] - включено из класса проектно-исследовательских заданий, хотя также предлагает установить внутреннюю форму слов - названий.

Подобным образом требуется установить мотивацию антропонимов в упр. 483: «Известно, что фамилии нередко отражали род занятий человека. Дан ряд фамилий. Объясните, чем занимались предки этих людей: Кузнецов, Мельников, Плужников, Ситников, Кожедуб, Ямщиков. [3: 18].

Наиболее многочисленную группу проектных заданий составляют творческие исследовательские проекты, которые в соответствии с требованиями ФГОС ООО формируют готовность к самостоятельному планированию и осуществлению учебной деятельности, а также овладение навыками работы с информацией, поскольку многие задания предполагают самостоятельный поиск информации в различных источниках: обращение к словарям русского языка, интернет-сайтам и др.

Данные проекты можно условно разделить на группы.

1. Проекты-сообщения, публичные выступления, презентации.

Приведём примеры.

Упр. 480: «Новые города, посёлки, площади, улицы нередко называют именами учёных, путешественников, героев. Встречаются ли в вашем населённом пункте названия улиц, площадей, скверов в честь знаменитых людей? А может быть, ваша школа носит имя одного из выдающихся людей? Запишите эти названия. Кратко представьте информацию о человеке, в честь которого назван географический объект». [3: 17].

Упр. 342: «Есть ли у вас в школе или дома толковые словари, словари омонимов, синонимов, антонимов, паронимов? Если есть, внимательно рассмотрите один из словарей (на выбор) и подготовьте о нём устное сообщение по плану. Прочитайте любую (на выбор) словарную статью, выделите в ней основные части». Предлагается план:

1. Название словаря и его автор.
2. Место и год издания.
3. Для кого предназначен словарь.
4. Содержание словарной статьи. [2: 165].

Упр. 872: «Разделитесь на группы. Найдите в интернете дополнительные сведения о новгородских грамотах. Составьте план вашего сообщения. Подготовьте электронную презентацию». [3: 186].

Упр. 936: «Подготовьте, используя данный ниже план, сообщение на тему «Изучайте русский язык». Это может быть как устное сообщение – выступление перед классом, так и презентация в электронном виде – демонстрация слайдов на компьютере или проекционном экране». Язык – средство общения.

1. Русский язык неисчерпаемо богат.
2. Культура нашей речи.
3. Язык и речь неразделимы.
4. Тайна русской орфографии и пунктуации. [3: 219].

Упр. 803: «Почему знак препинания точка так называется? В 16 веке учение о знаках препинания называлось учением о силе точек. Почему слово «точка» употреблялось во множественном числе? Как в те времена назывались вопросительный и восклицательный знаки? Подготовьте небольшое сообщение о точке как о знаке препинания». [3: 156].

Упр. 551. «Подготовьте устное публичное выступление о происхождении своего имени. Используйте данные рабочие материалы. Будет ли ваше выступление только информационным или вы постараетесь убедить одноклассников, как интересно изучать происхождение имён?» [3: 44].

2. Проекты-кроссворды. Так, в упр. 272 требуется составить и решить свой кроссворд на любую выбранную тему, при необходимости обратившись за помощью к родителям.

3. Проекты-методические разработки. Например, упр. 958: «Некоторые правила русского языка трудны для запоминания. Предложите свой способ (рифмованный текст, рисунок, схему) для конкретного случая (как запомнить словарные слова, словисключения, правила орфографии и др.)». [3: 227].

3. Проекты-рисунки. Например, в упр. 126 предлагается подготовить серию рисунков на основе текста предыдущего упражнения.

4. Проекты-переводы. В упр. 345 требуется перевести на иностранный язык текст высказывания, четверостишия или пословицы; сравнить полученные варианты и сделать вывод.

Следует отметить, что проектные задания 3-4-го типов реализуют межпредметные связи русского языка с изобразитель-

ным искусством и иностранным языком, что способствует освоению межпредметных понятий и интеграции процесса обучения в целом.

Таким образом, анализ проектно-исследовательских заданий учебника показывает, что он служит примером эффективной реализации метода проектов на практике. В нём содержится разнообразие проектов, включая информационные, исследовательские, творческие и практико-ориентированные, что позволяет охватывать разные аспекты изучаемого материала.

Однако следует отметить недостаточное количество проектно-исследовательских заданий в сравнении с общим количеством упражнений учебника (18 заданий-проектов, что составляет 1,86 % от общего количества упражнений) и их неравномерное распределение в общем содержании курса. Так, в первой части учебника представлено 7 заданий, во второй – 11; в разделе «Фонетика» не представлено ни одного задания проектного типа.

Рассмотрим организацию проектной деятельности в учебнике «Русский язык: 5 класс» Л.М. Рыбченковой, О.М. Александровой и др. [4; 5]: они представлены в рубрике «Проект» - задания для подготовки проектной работы. Как показывает анализ учебника, практически все проектные задания однотипны, объединены группой проект-сообщение, незначительно представлены только в некоторых (не во всех) изучаемых разделах русского языка.

Так, в разделе «Фонетика, графика, орфография, орфоэпия» представлены 4 задания проектного типа, направленные на освоение фонетической транскрипции в сравнении с изучаемым иностранным языком; знакомство с орфографическими словами русского языка; особенностями ударения в русском и иностранных языках. Например, упр. 50: «Проект. Подготовьте сообщение об использовании транскрипции при изучении иностранных языков. Приведите предметы транскрипции слов изучаемого иностранного языка. Есть ли сходство и различия в транскрибировании слов в словарях русского и иностранного языков?». [4: 26].

Упр. 77: «Подготовьте сообщение-презентацию на тему «Наш друг орфографический словарь». Расскажите об орфографических словарях и справочниках для школьников, словарях в

интернете, о том, как построены эти словари. Отличаются ли орфографические словари от известных вам толковых словарей? В чём отличия?». [4: 37].

Упр. 104: «Есть языки, в которых ударение закреплено за каким-либо одним словом. Например, во французском, армянском оно всегда падает на последний слог, в польском – на предпоследний. В чешском и финском – на последний. Подготовьте сообщение об особенностях ударения в иностранном языке, который вы изучаете». [4: 48].

Упр. 112, также представленное в данном разделе, направлено на формирование у обучающихся культуроведческой компетенции, предусматривающей изучение русского языка как хранителя национальной культуры, знание русских народных обычаев, праздничных обрядов: «Знаете ли вы старинные обычаи, праздники, сохранившиеся до наших дней? Если не знаете, расспросите об этом взрослых. Прочитайте в энциклопедиях или найдите информацию в интернете. Подготовьте рассказ об одном из традиционных народных обычаев». [4: 51].

Раздел «Лексикология» включает 2 задания проектного типа, в одном из которых (упр. 233) необходимо сделать сообщение об одном из лингвистических словарей, в другом (упр. 366) – сообщение о русских фразеологизмах на одну из следующих тем: «Фразеологизмы о традиционной русской грамотности», «Как наши предки относились к труду?», «Какие черты характера наши предки одобряли, какие осуждали?».

Из других видов творческих заданий следует отметить учебно-исследовательский проект упр. 28, который должен быть подготовлен с использованием различных словарей русского языка: «Используя словари синонимов, толковые, этимологические и другие словари, подготовьте исследовательской проект «Словарный портрет слов язык. Речь, общение, беседа». [4: С. 14].

В упр. 388 представлен проект-лингвистическая сказка: «Напишите сказку, главными героями которой станут части речи. Работайте в группах. Обсудите сюжет сказки, характер персонажей, продумайте её поучительный смысл. Не забудьте, что сказка должна быть не только волшебной, но и лингвистической». [5: 7].

А в упр. 143 – проект-стихотворение: «Чтобы запомнить правильное произношение слов, можно использовать стихи или рифмованные тексты. Например:

Фёкла любит свёклу. Как у нашей Марфы есть в полоску шарфы.

Составьте рифмованные тексты со словами, правильно произношение которых трудно запомнить». [4: 62].

Сравнительно-сопоставительный анализ двух рассмотренных учебников показывает, что в учебнике Л.М. Рыбченковой и др. проекты представлены в значительно меньшем объёме (9 заданий-проектов из 767 упражнений, что составляет 1,2 % от общего количества упражнений) и не охватывают всех разделов русского языка. Так, в разделах «Морфемика. Словообразование. Орфография», «Морфология», «Синтаксис и пунктуация» не представлено ни одного задания-проекта.

Обратимся к анализу проектных заданий учебника русского языка для 5-го класса С.И. Львовой, В.В. Львова [6; 7].

В данном учебнике проектные задания не выделены в отдельную группу, однако к ним можно отнести упражнения в рубриках «Исследовательские упражнения» и «Проводим конкурс художников». Анализ содержания данной группы упражнений позволяет выделить в них проекты следующих типов:

1. Исследовательские задания, направленные на анализ, разъяснение, комментирование, сравнение языковых явлений. (упр. 12, 13, 16, 29, 56, 62, 73, 102, 205, 271, 279, 312, 388).

Например, в упр. 13 по фонетике необходимо провести мини-исследование в группе и установить, каких звуков в русской речи больше – гласных или согласных. В результате выполнения этого упражнения делается вывод об использовании разных типов звуков в речевой практике носителей языка.

Упр. 16 направлено на наблюдение за работой речевого аппарата при артикуляции некоторых звуков (в, м, о, у, п, б, з, с), в результате необходимо объяснить наименование губных (б, п), зубных (з, с) и дрожащих(р) звуков.

В упр. 102 в разделе «Лексикология» требуется сравнить дефиниции слова *ромашка* в толковом словаре и тексте загадки, дополнить таблицу собственными примерами и сделать вывод,

чем отличается научная дефиниция от художественной и на каком тропе основана загадка (метафора). При выполнении данного проекта реализуются межпредметные связи русского языка и литературы, что специально отмечено в учебнике.

К данному типу проектно-исследовательских заданий относятся и упражнения, направленные на поиск и анализ собственных ошибок. Так, в упр. 127 нужно проанализировать свои письменные работы (диктант, изложение, сочинение) и определить в них наиболее частотные орфографические ошибки; проанализировать причины этих ошибок и исправить их. Упражнения подобного типа развивают важнейшие метапредметные УУД организации и регуляции учебно-познавательной деятельности: самоанализа, самоконтроля и самооценки.

В упр. 232 исследуется лексическое значение слова *спатифиллум* путём анализа его синтагматики с предложенными прилагательными (*эффектный, красивый, многолетний, декоративный, неприхотливый* и др.). В результате проведённого мини-исследования обучающиеся предположительно определяют лексическое значение данного слова и проверяют себя по словарю.

В качестве дополнительного креативного задания предлагается самостоятельно придумать подобное задание-загадку.

В упр. 271, реализующем межпредметные связи русского и иностранного языков, необходимо объяснить, в чём особенность построения предложений в изучаемом иностранном языке и на основании сравнительного анализа показать и доказать на примерах, есть ли различия в вопросительной интонации в русском и иностранном языках.

В упр. 279 требуется сравнить смысл, интонацию и пунктуацию предложенных предложений и доказать, что замена знака препинания в конце предложения меняет его смысл и интонацию, а также привести подобные примеры.

А в упр. 388 – объяснить название текста «Сорока-нумизмат», определив по толковым словарям лексическое значение слова *нумизмат*. На наш взгляд, данное упражнение не относится к проектно-исследовательским, также как и упр. 392, поскольку они направлены на стилистический и лингвистический анализ текста (упр. 388) и его литературное редактирование (упр. 392).

2. Упражнения на подбор, конструирование, описание языковых фактов из словарей, текстов, собственной речевой практики и иных источников, объяснение и доказательство языковых явлений (упр. 120, 253, 303, 331, 332, 336, 340, 348).

Так, в упр. 120 требуется найти в учебнике математики примеры научных определений, которые построены по моделям: «что есть что», «что – это что», «что называется чем», «что является чем» и доказать, что видовое понятие в этих примерах разъясняется через родовое; найти подобные примеры в учебниках по другим предметам и сделать вывод о логико-грамматическом построении научных дефиниций.

Во второй части упр. 340 нужно составить 4 предложения из любого учебника по схеме «сущ. – сущ.», указав частеречную принадлежность предикативной основы.

В упр. 348 – продолжить предложение по схемам, разъяснить различие в построении и пунктуационном оформлении сложных предложений и предложений с однородными членами.

При выполнении данных упражнений актуализируются межпредметные связи русского языка с любыми (в том числе негуманитарными) предметами, формируется научное мировоззрение, расширяется кругозор, обогащается словарь и грамматический строй речи.

В упр. 178 необходимо прочесть слитный текст Я. Козлова, не разделённый на слова («*Разприснился Колесомонкатился колесомисреди травыхухойугодилвкотёлсухой*»); сделать вывод о невозможности чтения и восприятия данных текстов; разделить текст на слова и записать его. Во второй части упражнения предлагается лингвистический эксперимент: записать любой текст без пробелов между словами и предложить его кому-либо для восприятия и осмысления. В результате выполнения упражнения делается вывод о границах слова как номинативной единицы языка и невозможности воспринимать слова в тексте и текст в целом при их слитном написании.

К подобному типу относятся упр. 331, 332 и 336, где необходимо выполнить структурно-композиционный, орфографический и пунктуационный анализ предложенных текстов («Лесной-котенок»; «...кисель там варят из резины...»; «В грозу на самолёте»), разделив их на слова, предложения и абзацы, расставить

необходимые знаки препинания и сделать вывод о необходимости знаков препинания в письменной речи и вариативности их употребления.

В упр. 225 темы «Употребление этикетных слов» нужно наблюдать, какие этикетные слова используются в различных речевых ситуациях с разными коммуникантами (равностатусные, неравностатусные социально-коммуникативные роли); сравнить различные модели этикетных ситуаций и сделать вывод о вариативности формул речевого этикета и правилах их использования в коммуникативных ситуациях.

Упр. 303 предлагает знакомство с повестью Л.И. Лагина «Старик Хоттабыч» с целью установления особенностей речи главного героя и использования в ней правил речевого этикета и обращений.

3. Исследовательские задания на самостоятельное формулирование лингвистических проблем, в том числе путём проведения лингвистического эксперимента. Так, при изучении орфографической темы «Правописание тся- и ться-» в упр. 167 необходимо: 1) с помощью текстов упражнений и справочных материалов определить, какими буквами можно передать на письме звук ц; 2) доказать с помощью транскрипции, что инфинитив *проститься* и спрягаемая форма глагола *он простится* не различаются в произношении; сделать орфографические выводы; 3) высказать предположение, какую орфографическую проблему иллюстрирует представленный рисунок.

К подобному типу относится и упр. 198, предлагающее проанализировать знаменитое предложение Л.В. Щербы «*Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрёнка*», которое позволяет выявить лексические и грамматические признаки языковых единиц. К данной фразе даны проблемные вопросы: «О ком, по-вашему, говорится в удивительной фразе? Попробуйте разобрать предложение по членам, укажите, какой частью речи является каждое слово. Есть ли в данной фразе наречие?». [6: 90].

Интересно, что в следующем упр. 199 предлагается творчески изобразить, о чём говорится в предложении Л.В. Щербы.

4. Исследовательские задания по продуцированию текстов различных функционально-смысловых типов, стилей и жанров представлены в упр. 236, 375, 379, 394.

Например, в упр. 236 из предложенного набора слов необходимо составить 2 предложения и сравнить полученный текст со стихотворением Ф.И. Тютчева «Зима недаром злится». Данное упражнение представляет собой стилистический эксперимент, в результате которого обучающиеся имеют возможность сравнить собственные творческие произведения с великими мастерами слова.

Задание упр. 375 направлено на формирование умения строить текст – рассуждение по схеме: «тезис – аргументы – выводы»: «Устное высказывание. Сначала определите, какие высказывания верны (истинны), а какие неверны (ложны). Затем выберите одно верное высказывание и составьте устное рассуждение. После этого выберите неправильное высказывание и опровергните его». [6: 168].

А в упр. 379 нужно составить три небольших устных текста по данному началу и сделать вывод, чем по содержанию должны отличаться эти тексты: 1) Ребята сажали деревья. Они хотели, чтобы... 2) Ребята сажали деревья. Это были... 3) Ребята сажали деревья. Сначала они... [6: 169].

Наконец, в завершающем первую часть учебника упр. 394 нужно провести групповое мини-исследование, чтобы доказать, что с фразы *До чего любознательны кошки!* можно начать и описание, и повествование, и рассуждение. Данное упражнение направлено на изучение, закрепление теоретических понятий типов текстов и формирование умений продуцировать тексты разных функциональных типов на определённую тему.

5. Проекты по выразительному чтению и инсценированию текстов представлены в упражнениях 237, 242, 269, 270.

Например, в упр. 237: «Попробуйте прочитать каждое предложение, передавая голосом чувства, эмоции, указанные в скобках. Установите, какими интонационными особенностями различаются произносимые варианты, как могут сочетаться интонация, мимика, жесты при произнесении этих фраз.

1. Поеду (*согласие, сомнение, угроза, мечтательное настроение, решимость, страх, радость*). 2. Принесите журнал (*приказ, просьба, мольба, равнодушие, угроза*) и др.» [6: 110].

Упр. 242 направлено на выработку навыков выразительного чтения текста: изменения громкости, интонации, темпа

речи: «1. Прочитайте текст сначала громко, затем тихо, потом шёпотом. 2. Прочитайте этот же текст, изменяя темп речи (медленно, немного быстрее, совсем быстро). Какой вариант чтения, на ваш взгляд, более всего соответствует содержанию стихотворения? Сделайте выводы». [6: 111].

В упр. 269 необходимо обозначить логическое ударение на разных словах и выразительно прочитать каждый вариант, соблюдая вопросительную интонацию (*Ты нашёл альбом? Школьники завтра поедут в Москву?*). В результате выполнения задания делается вывод о смысловоразличительной роли логического ударения в выделении его коммуникативного фокуса.

Упр. 270: «Прочитайте предложение, повышая голос на выделенных словах... Выполнив это задание, сделайте выводы.

Лиза любит самостоятельно рассматривать произведения живописи (Лиза, а не Катя) и др.

2. Проведите подобные наблюдения используя следующее предложение: Вы пойдёте сегодня в библиотеку? Сделайте вывод о смысловой роли логического ударения». [6: 124].

6. Проект-лингвистический эксперимент представлен в упр. 257, 309, 318 и др.

В упр. 257 нужно прочитать предложенный текст о древнеегипетских пирамидах, затем – тот же текст без второстепенных членов предложения. В результате таких прочтений самостоятельно делается вывод о важной роли второстепенных членов для повышения информативности текста, его выразительности, эмоционально-экспрессивной окрашенности.

Упр. 309 нацелено на изучение функционирования вводных слов в языке и речи и установление их роли: «1. Прочитайте предложение без вводных слов. Затем – добавляя каждый раз новое вводное слово. Объясните, как меняется при этом смысл высказывания. Сделайте вывод о том, какую роль выполняют вводные слова в речи». [6: 240].

В упр. 318 при изучении темы «Прямая речь» предлагается записать фразу *Учительница улыбнулась Олег пришёл* как предложение с прямой речью, сравнить полученные варианты и сделать вывод о смысловых и стилистических различиях предложений:

«Олег пришел», - улыбнулась учительница.

«Олег пришёл!» - улыбнулась учительница.

«Олег пришёл?» - улыбнулась учительница. [6: 144].

7. Проектные задания, направленные на самостоятельный поиск информации в различных источниках (интернете) и подготовку сообщений, докладов, отражены в упр. 53, 235, 302.

Так, в упр. 53 необходимо рассмотреть лист из «Малого букваря» Кариона Истомина, подумать, какой букве посвящена страница и обосновать свою точку зрения. Отдельно даётся задание найти информацию об этом словаре в интернете и рассказать о нём.

Упр. 235 «Устное высказывание» предусматривает подготовку коллективного сообщения на одну из проблемных лингвистических тем, например: Какую роль выполняют словосочетания в речи? Что общего у слов и словосочетаний? В чём различие между словом и словосочетанием? и др. [6: 107-108].

В упр. 302 на основании наблюдения за употреблением обращений в устной разговорной речи необходимо подготовить сообщение о роли и функционировании обращений в русской речи.

8. Особую группу составляют проекты-художественные изображения в рубрике «Проводим конкурс художников: упр. 19, 20, 28, 172, 180, 199, 333, 352, 370 (1-я часть) и упр. 481, 505, 509, 595, 633, 713, 769 (2-я часть).

Например, в упр. 19 необходимо изобразить рисунками затранскрибированные номинации предметов; в упр. 20 – определить по рисунку русскую скороговорку («*На дворе трава. На траве дрова*») и проговорить её.

Интересным представляется упр. 28: «Чтобы объяснить лексическое значение слов *замок* и *ирис* требуется нарисовать не две, а четыре картинки. Почему? Попробуйте показать это с помощью рисунков». [6: 16].

Это задание направлено на формирование умения разграничивать слова-омонимы и определять их лексические значения.

Наиболее частотны упражнения, требующие иллюстрировать представленный текст (как правило, художественный): упр. 172, 180, 333, 352, 370 и др.

Сравнительно-сопоставительный анализ проектов в проанализированных нами учебниках русского языка показывает,

что наибольшее количество заданий проектно-исследовательского типа представлено в учебнике С.И. Львовой, В.В. Львова; они содержатся во всех изучаемых разделах русского языка; многообразны, интересны и занимательны по своему содержанию (проект-наблюдение, проект-анализ, проект-объяснение, проект-проблема, проект-эксперимент, проект-творческое произведение, проект-сообщение, проект-рисунок и др.).

Данные представлены в Таблице 1.

Табл. 1. Анализ проектных заданий в учебниках русского языка для 5-го класса

Тип учебного проекта	Учебник Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова	Учебник Л.М. Рыбченковой, О.М. Александровой	Учебник С.И. Львовой, В.В. Львова ¹
Проекты, направленные на анализ, разъяснение, комментирование языковых явлений; подбор и конструирование языковых фактов	8	-	21
Проекты-сообщения, доклады, презентации	6	7	3
Творческие проекты по созданию текстов, кроссвордов	2	2	4
Проекты по выразительному чтению, инсценированию текстов	-	-	4
Проект - лингвистический эксперимент	-	-	3
Проект, направленный на формулирование лингвистической проблемы	-	-	2
Проект-перевод	1	-	-

¹ В таблице приводится количество упражнений только по 1-й части учебника С.И. Львовой, В.В. Львова.

Проект-иллюстрация, рисунок	1	-	9
Общее количество заданных-проектов	18	9	46

Таким образом, анализ учебной литературы показывает, что метод проектов в большей или меньшей степени представлен во всех учебниках русского языка. Данный метод в обучении русскому языку представляет собой конструктивный подход, позволяющий обучающимся погружаться в процесс обучения через активную деятельность.

Список литературы

1. Примерная основная образовательная программа основного общего образования. – М., 2002. – [Электронный ресурс]. – URL:

https://school9bel.gosuslugi.ru/netcat_files/30/69/primernaya_oop_oob_obnovlennyy_FGOS_.pdf (дата обращения 03.10.2025 г.).

2. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 частях. Ч. 1 / Т.А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. – 5-е изд., перераб. – Москва : Просвещение, 2023. – 245 с.

3. Русский язык: 5-й класс: учебник: в 2 частях. Ч. 2 / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. – 5-е изд., перераб. – Москва: Просвещение, 2023. – 277 с.

4. Русский язык: 5-й класс: учебник для общеобразоват. организаций: в 2 частях: издание в pdf-формате. Ч. 1 / Л. М. Рыбченкова [и др.]. – 11-е изд., стер. – Москва : Просвещение, 2022. – 159 с.

5. Русский язык: 5-й класс: учебник для общеобразоват. организаций: в 2 частях: издание в pdf-формате. Ч. 2 / Л. М. Рыбченкова [и др.]. – 11-е изд., стер. – Москва : Просвещение, 2022. – 175 с.

6. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. В 3 ч. Ч. 1 / С. И. Львова, В. В. Львов. – 9-е изд., перераб. – Москва : Мнемозина, 2012. – 182 с.

7. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. В 3 ч. Ч. 2 / С. И. Львова, В. В. Львов. – 9-е изд., перераб. – Москва : Мнемозина, 2012. – 167 с.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Информационно-справочная система Гарант. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (02.10.2025 г.)

81`373

Романов Д.А.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ

**БЫТ И ЗАНЯТИЯ ТУЛЬСКИХ МЕЩАН И КУПЦОВ
В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ В.А. ЛЁВШИНА:
ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ**

Исследование вводит в лингвистический оборот текст «Топографического описания Тульской губернии» В.А. Лёвшина (1803) и реализует цель – представить зафиксированные в источнике лексические и фразеологические единицы региональной локализации из четырех тематических зон, связанных с бытом и родом занятий населения.

Ключевые слова: *региолект, язык города, лексика, фразеология, текст, историческая лексикография.*

Romanov D.A.

Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

**LIFE AND OCCUPATIONS OF TULA PEOPLE AND MERCHANTS
IN THE TESTIMONY OF V.A. LEVSHIN: VOCABULARY AND
PHRASEOLOGY**

The study introduces the text of the «Topographic description of the Tula province» by V.A. Levshin (1803) into linguistic circulation and achieves the goal of presenting the lexical and phraseological units of regional localization recorded in the source from four thematic zones related to the life and occupation of the population.

Keywords: *regiolect, city language, vocabulary, phraseology, text, historical lexicography.*

Источник финансирования: Исследование выполнено в рамках реализации гранта Правительства Тульской области «Фразеология тульских говоров в научном освещении» (договор ДС/158).

В 1803 г. В.А. Лёвшиным было создано развернутое «Топографическое описание Тульской губернии». Являясь трудом преимущественно экономическим, оно вместе с тем содержит интересные сведения этнографического и лингвистического характера, поскольку в четвертом отделении, посвященном «хозяйственному состоянию градских жителей», приводится немало интересных фактов о быте и нравах купеческого и мещанского сословия губернского города, а также отдельных крупных уездных городов (Одоева, Белева, Алексина, Венева, Епифани, Новосиля и др.). Важно то, что произведение Лёвшина написано «живым слогом» рубежа XVIII–XIX вв. и содержит ряд весьма показательных явлений, характеризующих этот период развития регионального городского языка и тульских диалектов. Рукопись «Топографического описания...» длительное время хранилась в Санкт-Петербурге (ныне – в Институте истории РАН), не будучи востребованной, и была впервые опубликована только в 2006 году. Таким образом, перед нами вполне оригинальный письменный документ, отражающий то, что называется «дух эпохи»: рассказывая о нравах сограждан, Лёвшин естественным образом воспроизводит их языковой слог, показательные речевые черты, в число которых входят оригинальное словоупотребление и фразеология. До настоящего времени «Топографическое описание...» не вводилось в оборот как лингвистический источник, а потому способно существенно пополнить наши представления о языке жителей Тулы и крупных уездных городов губернии самого начала XIX в.

Следует указать, что Лёвшин использует в своем обширном тексте неактуальный в настоящее время катойконим *туляне*, что свидетельствует о том, что форма *туляки*, распространенная в настоящее время, устоялась только в XIX в.

Разумеется, ввиду тематической специфики источника его языковые и стилистические черты существенно ограничены географической и экономической сферами. И вместе с тем они включают до того не зафиксированные показательные для эпохи лингвистические явления. В частности, это относится к бытовой и торговой лексике, а также к широко употреблявшейся в Тульской губернии фразеологии, отражавшей хозяйственный уклад и ремесленно-промышленную деятельность горожан.

Анализ четвертого отделения «Топографического описания...» В.А. Лёвшина позволяет выделить четыре основные тематические зоны, в которых проявляется оригинальность тульского региолекта конца XVIII – начала XIX вв. Сделаем обзор этих языковых явлений в соответствии с обозначенными тематическими группами.

1. Устройство жилища и организация хозяйственной (торговой) деятельности.

Из оригинального словоупотребления следует отметить такие лексемы, как *махина*, *маркетантерство*, *рукомесло*, *самопрялка*. Каждая из этих лексем либо не зафиксирована в лексических сводах соответствующего исторического времени, либо имеет специфическое региональное значение или оформление. Так, слова *махина* и *рукомесло* в значениях 'машина' и 'ремесло' являются явно устарелыми для 1803 г. [Мальцева, Молотков, Петрова 1975: 81, 95] и отражают отставание развития провинциального городского языка от языка Санкт-Петербурга и Москвы. Лексема *самопрялка* – новообразование эпохи создания «Топографического описания...», возникшее, очевидно, на тульской территории, которое затем распространится и в других регионах. Слово *маркетантерство* является авторским окказионализмом Лёвшина или локальной тульской лексемой: оно не зафиксировано документами той эпохи, но относится к потенциальным словам на фоне узуальных *маркетантство* (*маркитантство*) [Словарь XVIII в., вып. 12: 125].

Из фразеологии этой тематической группы следует отметить такие устойчивые сочетания:

Чёрная изба – так Лёвшин именует отдельно стоящее строение в купеческом или мещанском дворе, где приготавливали пищу. В качестве синонима к этому устойчивому сочетанию он

приводит лексему *поварня* [Лёвшин 2006: 217]. В подобном значении словосочетание *чёрная изба* не зафиксировано лексикографическими источниками (в частности, самым подробным для такого явления – «Словарем русских народных говоров» [СРНГ, вып. 12: 85–89]), а значит, может считаться регионализмом.

Передний угол – это устойчивое сочетание общероссийского распространения, имеющее значение '*угол в избе, где помещались иконы и ставился стол*' [БАС, т. 16: 96]. Применительно к тульскому быту Лёвшин уточняет, что в переднем углу «обыкновенно стоит длинный стол с выдвижными ящиками, покрытый ковром» [Лёвшин 2006: 217].

Воловые торга – торговля скотом. Региональное устойчивое сочетание. Купцы, осуществлявшие подобную торговлю, обустраивали свои дворы по-иному, чем промышлявшие иным видом торговли (в частности, у них обязательно имелись так называемые *складочные амбары*, в которых размещался корм для скота). В целом, названия амбаров также носили устойчивый характер и приближались к фразеологическим единицам. В устройстве жилищ тульских купцов, помимо названных *складочных амбаров*, бывали *амбары хлебные*, а также *достаточные*. В последних хранились разнообразные продукты (чаще – пищевые), не разделенные на виды в зависимости от торговой специфики.

Красные ряды – торговые лавки на центральной городской площади с обязательными кладовыми. Атрибут городского устройства губернского центра. Устойчивое сочетание имело общероссийское распространение и отмечено в лексикографии (например: [БАС, т. 8: 593]).

Гуртовые купцы – купцы, закупавшие у более мелких торговцев весь приобретенный ими (как правило, в деревнях и селах) товар. Гуртовые купцы не имели специализации, а торговали всем подряд. Это региональное устойчивое словосочетание не зафиксировано в российском лексикографическом фонде.

2. Образ жизни и обхождение. Трапеза.

Лёвшин отмечает, что по образу жизни городские жители Тульской губернии могут быть разделены на тех, кто существует «по нынешнему вкусу», и тех, кто живет «по обычаю предков» [Лёвшин 2006: 217]. Речь идет о тех купеческих и мещанских се-

мьях, которые перенимали самые современные достижения цивилизации (включая пришедшие из столицы и заимствованные из европейских стран), и тех, кто жил в соответствии с традиционными установлениями российской провинции, основанными на обычаях средневековой Руси.

Применительно к первому роду людей Лёвшин использует сравнительно недавние для 1803 г. заимствования, еще воспринимаемые как иноязычные вкрапления: *щегольской, экипаж, берлин*. Лексема *берлин* имела значение ‘четырёхместная крытая коляска, карета’ [Сомов 2003: 40]. Говоря о жителях Тулы «нового вкуса» Лёвшин отмечает, что все «они имеют волосоподвигателей, получают с первою почтою все выходящие вновь модные одеяния...» [Лёвшин 2006: 218]. Лексема *волосоподвигатель* не отмечена словарем той эпохи [Словарь XVIII в., вып. 4: 84–85] и является, очевидно, авторским окказионализмом самого Лёвшина. В лексических сводах XIX века она также не зафиксирована. Вероятнее всего, Лёвшин захотел использовать слово более выразительное, наделенное явной коннотацией ‘*важность, напыщенность*’, которой были лишены уже бытовавшие в языке с начала XVIII в. заимствования *цирюльник* и *парикмахер*, а также переводной эквивалент немецкого оригинала *волосочес* (о нем см.: [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 294]).

Характеризуя образ жизни второго сорта купцов и мещан (живущих «по обычаю предков») Лёвшин активно использует именованя традиционных обрядов, а также церковные и исконно русские лексемы вроде *раскольник, пост, грех, толщеть* и т. д.

Особую роль в этой тематической группе лексики «Топографического описания...» играют слова, называющие кушанья, многие из которых ныне являются устаревшими, а в начале XIX в. имели региональную специфику семантики или функционального употребления. К числу таких слов можно отнести: *постосыток* – ‘*десерт*’; *воронок* – ‘*мед черного цвета*’, приготовленный с добавлением «пчелиных вошин и мертвых тел, выметаемых из ульев при подчищении» [Лёвшин 2006: 221]; *заедки* – ‘*закуски*’.

Из фразеологизмов, относящихся к характеризуемой тематической группе, нужно отметить следующие (все они имеют региональный характер):

Торговая баня – городская общедоступная баня в противоположность индивидуальной, семейной бане, имевшейся в большинстве купеческих дворов.

Огород на выгонах – огород в ближайшем пригороде, а не при доме, имевшийся у тех купцов и мещан, которые владели недостаточной площадью земли возле их городского жилища. Лёвшин отмечает, что многие туляки (у него – *туляне*) имели огороды на выгонах, которые «снабжали их годовым запасом, отчасти же и на продажу» [Лёвшин 2006: 218].

Гусь плавает на воде – устойчивая фраза, которая использовалась во время пиршества, когда подавался жареный гусь, и предполагала обязательное сопровождение этого кушанья горячительными напитками.

Курица воду пьет – устойчивая фраза, аналогичная предыдущей по семантике и используемая как призыв к наполнению чарок при подаче на стол блюд из курицы.

3. *Обряды.*

Лёвшин достаточно подробно описывает традиционные обряды, принятые в городах Тульской губернии, к числу которых, по его мнению, принадлежат «сватанье, помолвка, сговоры, свадьба, родины, крестины, похороны, поминки» [Лёвшин 2006: 218]. Это наиболее обширная по оригинальному словоупотреблению и фразеологическому составу тематическая группа регионального городского языка. Здесь можно выделить достаточно много специфической лексики преимущественно диалектного характера (тульско-орловского и отчасти более южного распространения). Например: *отдаривать* – в ходе свадебного обряда возвращать что-либо посредством подарков; *лады* – завершающая часть помолвки, включающая прояснение всех обязательных условий и атрибутов предстоящего свадебного торжества; *дружка* – один из свадебных чинов, слово с самым широким значением, которым именовали и свата, и друга жениха, и распорядителя свадебного пира; *подклеть* – комната новобрачных. Объясняя значения слова *подклеть*, Лёвшин именует ее на западный манер *браутскамера*, что свидетельствует о том, что в некоторых образованных мещанских и купеческих семьях было распространено немецкое заимствование *Brautkammer* – буквально '*палата невесты*'.

Богата эта тематическая группа «Топографического описания...» и фразеологическими единицами, к числу которых принадлежат как общераспространенные – вроде *посаженная мать, посаженный отец, завивание венков* (на Троицын день), – так и оригинальные по использованию и семантике региональные устойчивые единицы:

Крестная каша – каша, подаваемая повивальной бабкой в обряде крестин, которой «потчевают гостей вместе с вином» [Лёвшин 2006: 222].

Княжой пир – один из элементов свадебного обряда, угощение в доме жениха всех родственников со стороны невесты. Обычно бывал на второй день свадебного обряда.

Тещин пир – завершающий элемент свадебного обряда, угощение в доме невесты родственников жениха. Обычно бывал на третий день свадебного обряда.

4. Внешний вид и одежда.

Лёвшин довольно много места уделяет описанию одежды жителей Тулы и уездных городов. При этом «Топографическое описание...» содержит интересные словоупотребления и иллюстрирует оттенки значения лексем, называющих не только разные виды одежды, но и материалы, из которых она изготовлена, а также ее различные элементы. К числу заслуживающих внимания, с нашей точки зрения, относятся следующие лексемы: *пестрядь, подкапок, телогрея, опашка, запонка, сборник, полуепанечка, сорока, подзатыльник, varega*.

Так, в контексте «Топографического описания...» *пестрядь* – ‘грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток, обычно домотканая’ [БАС, т. 16: 490]. Лёвшин отмечает, что в Тульской губернии пестрядь чаще всего именовали в составе словосочетания *александрійская пестрядь*, тяготившего к фразеологизации. С тульскими иллюстрациями это словосочетание приводят и авторитетные лексикографические издания (например: [Словарь XVIII в., вып. 19: 183]). Аналогичное, близкое к фразеологическому употребление можно констатировать у словосочетания *нагольный тулуп*, хотя, конечно, собственно фразеологизмом оно не является, поскольку каждое из его составляющих могло существовать вполне свободно. Распространенность этого словосочетания общероссийская.

Нужно отметить, что Лёвшин не просто приводит описание одежды туляков, но и, как свойственно настоящему просветителю, пытается производить некую классификацию и анализ видов одежды. В частности, он отмечает, что «женское одеяние в каждом городе Тульской губернии разнообразно и состоит из старинного покрою, общаго и новаго» [Лёвшин 2006: 218]. В обозначенных трех типах женской одежды он выделяет какие-либо своеобразные черты, которые оформляются особыми лексемами. В частности, старинный покрой женской одежды, который был свойствен в основном раскольничьим семьям, включал такие обязательные элементы, как *кокошник*, *черевики*, *фату*, при этом женские головные уборы у раскольников были настолько высоки, что «желающия между собою поцеловаться неминуемо должны искривлять шею на сторону» [Лёвшин 2006: 219]. Лёвшин отмечает, что головные уборы раскольников были богато украшены позументами, а также «золотым вязанием, спусченным на лоб» [Лёвшин 2006: 219].

Общий покрой женской одежды был представлен в первую очередь *полушубком* (одеждой на меху без рукавов), который носили не только зимой, но и летом, что, по замечанию автора, было сопряжено с немалыми физическими неудобствами. Головные уборы при этом типе одежды обязательно включали *окатистый треугольник*, который не просто возвышался над головой, а был, по замечанию Лёвшина, «почти перпендикулярно надеваем» [Лёвшин 2006: 219].

Новый вкус в женской одежде включал разнообразные *кафтаны* и *полушубки*, имевшие большое количество *сборов* (мелких складок ткани), украшенных позументами и нашивными лентами.

Нужно отметить, что многие сочетания слов, называющих в «Топографическом описании...» одежду, являются потенциально фразеологическими, однако в настоящее время не все из них могут быть полностью объяснены. Если *александрійская пестрядь* или *окатистый треугольник* полно реализуют свое значение в контексте лёвшинского произведения и могут быть объяснены исходя из него, то сочетание *вареги для рукавиц* («вяжут шерстяные чулки и вареги для рукавиц» [Лёвшин 2006: 226])

не вполне ясно по семантике, поскольку соединяет лексемы, которые должны быть взаимозаменяемыми, а не сочетаемыми. Здесь можно предположить либо некоторую языковую вольность автора (тогда речь идет о *варегах* и *рукавицах* отдельно), либо возможность именования *рукавицами* самих рук или какой-либо детали рукава верхней одежды, к которой могли пришиваться или прикрепляться *вареги*.

Таким образом, «Топографическое описание Тульской губернии» В.А. Лёвшина можно рассматривать как безусловно полноценный и содержательный источник региональной лексики и фразеологии рубежа XVIII – XIX вв., отражающий многие языковые явления, не зафиксированные другими текстами. В «Топографическом описании...» содержится много интересных замечаний о характере тульских жителей, обусловленном их занятиями. Некоторые черты туляков, отмеченные Лёвшиным в 1803 г., найдут затем дальнейшее воплощение в русской словесности и станут широко известны. В частности, замечание Лёвшина о том, что «все металлические орудия, служащие к рукоделиям, работают в Туле с возможным совершенством» [Лёвшин 2006: 217], несомненно, будет подтверждаться литературными контекстами «Левши» Н.С. Лескова, а также многих исторических романов, посвященных тульскому оружейному заводу и деятельности купцов Демидовых в Туле.

Список литературы

1. Биржакова, Е. Э., Войнова, Л. А., Кутина, Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Ленинград : Наука, 1972. – 432 с.
2. Большой академический словарь русского языка. (БАС). Т. 1–27. – Москва, Санкт-Петербург, 2004–2021.
3. Лёвшин, В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год / В. А. Лёвшин. – Тула : Пересве», 2006. – 392 с.
4. Мальцева, И. М., Молотков, А. И., Петрова, З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. / И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова. – Ленинград : Наука, 1975. – 371 с.

5. Словарь русских народных говоров. (СРНГ). Выпуски 1–44. – Москва, Ленинград, Санкт-Петербург : Наука, 1965–2023.

6. Словарь русского языка XVIII века. (Словарь XVIII в.). Выпуски 1–23. – Ленинград, Санкт-Петербург : Наука, 1984–2024.

7. Сомов, В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – Москва : Астрель, 2003. – 605 с.

УДК 82.3

Самарская С.Н.

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ*

РЕЦЕПЦИЯ ВОЕННОГО КОНТЕКСТА Л.Н. ТОЛСТОГО В РОМАНЕ Д.А. ГРАНИНА «МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ»

В статье рассматривается рецепция Д.А. Граниным военного контекста Л.Н. Толстого. Приводится лингвостилистическое описание языковых элементов, выделенных в эпизодах романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и романа Д.А. Гранина «Мой лейтенант». В ходе сравнительно-сопоставительного анализа были определены языковые единицы, которые позволяют говорить о преемственности художественного изображения военных сцен.

Ключевые слова: рецепция, военный контекст, лингвостилистика Л.Н. Толстого, лингвостилистика Д.А. Гранина.

Samarskaya S.N.

Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

RECEPTION OF THE MILITARY CONTEXT BY LEO TOLSTOY IN D.A. GRANIN'S NOVEL «MY LIEUTENANT»

The article examines D.A. Granin's reception of the military context of Leo Tolstoy. A linguistic and stylistic description of the linguistic elements highlighted in the episodes of Leo Tolstoy's novel "War and Peace" and D.A. Granin's novel "My Lieutenant" is given.

In the course of comparative analysis, linguistic units were identified that allow us to speak about the continuity of the artistic depiction of military scenes.

Keywords: *reception, military context, linguistics by L.N. Tolstoy, linguistics by D.A. Granin*

Даниил Александрович Гранин – писатель, публицист XX века, творчество которого было сформировано благодаря влиянию русской классической литературы. Безусловно, проза Л.Н. Толстого стала для Д.А. Гранина литературным образцом, художественным ориентиром.

Несмотря на столетие, отделяющее писателей друг от друга, их жизненные и творческие пути имеют немало общих черт. Л.Н. Толстой – участник Крымской войны, обороны Севастополя. Его военный опыт имеет художественное воплощение в «Севастопольских рассказах». Впечатления от увиденного послужили основой для формирования взгляда на Отечественную войну, отраженного в романе «Война и мир»: *«...началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие»* [Толстой 1991: Т. 3, с. 4].

Творческий метод Л.Н. Толстого был определен Н.Г. Чернышевским как «диалектика души» – изображение внутреннего мира героев посредством детального представления мыслей, чувств, настроений, ощущений, поступков героев. Уже в ранних произведениях – трилогии «Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольских рассказах» – и, конечно, в произведениях крупных форм позднего периода – «Война и мир», «Анна Каренина» – талант Л. Толстого – психолога, мастера литературных портретов, достигает наивысшего расцвета. *«У Л. Толстого движения, выражения внешнего телесного облика, передавая внутренние состояния души, часто делают глубокими и многозначительными самые ничтожные речи героев, даже нечленораздельные звуки и молчания: от телесного Л. Толстой идёт к душевному, от внешнего — к внутреннему. У Л. Толстого мы слышим, потому что видим»* [Мережковский 2000: 324].

Интерпретация толстовского метода в изображении внутреннего мира героев найдет воплощение в творчестве писателей-классиков XIX и XX веков, в том числе, в романах Д.А. Гранина.

По мнению В. Лопатникова, суть творческого метода Д.А. Гранина состоит в том, чтобы *«понять, прояснить истоки, глубинный смысл всего того, что определяет судьбу личности в реальных жизненных обстоятельствах»* [Лопатников 2019: 8].

Д.А. Гранин (Герман – подлинная фамилия писателя) – участник Великой Отечественной войны, встретивший противника в Ленинграде в качестве ополченца, пройдя курсы в Ульяновском танковом училище, получил боевой опыт в танковой роте; был демобилизован для восстановления энергосети Ленинграда в 1944-ом году, окончил войну в звании капитана. В литературу пришел спустя годы после окончания войны, он хотел говорить устами героев художественных произведений о злободневных проблемах современности. Даниил Гранин пробовал себя в разных стилях, жанрах и формах (художественных рассказах, повестях и романах, документальной хронике, публицистических эссе); он искал свой стиль в большой литературе. *«Уже в первом рассказе [«Вариант второй»] Гранина важнейшей чертой его положительных героев становится уважение ко времени, осознание его ценности и щедрость в его использовании ради нужного дела»* [Лопатников 2019: 97].

Роман Д.А. Гранина «Мой лейтенант» – это поздняя работа писателя, в которой раскрывается военная тема сквозь призму собственного опыта писателя-фронтовика и оценочного взгляда на военное время. В выступлении писателя на вручении премии «Большая книга» за публикацию романа «Мой лейтенант» звучат слова о задумке написать книгу о войне, которая отражала бы личный опыт, собственный взгляд на исторические события: *«...я по-настоящему никогда не писал про свою войну. Откладывал – у нас и без меня была хорошая военная литература, и я не стал конкурировать. Но годы шли, а я так и не написал про свою войну. С годами мне становилось все горше перед своими однополчанами. Они уходили из жизни большей частью в первые полтора года войны, когда мы несли большие потери, когда положение Ленинграда было почти безнадежным. Ушли, так и не узнав, сумели ли мы отстоять город или нет. У меня странное было чувство, как будто я своей книгой мог им дать этот ответ: «Да, ребята, город наш!»»* [Лопатников 2019: 304].

В романе Д.А. Гранина «Мой лейтенант» сюжетная линия представлена в военном и послевоенном контекстах: лейтенант Д. – участник боев под Ленинградом, ополченец, слушатель курсов в Ульяновском танковом училище, командир танкового экипажа, сотрудник энергосети Ленинграда. Писатель создает художественный образ героя, чья личность раскрывается перед читателями на фоне исключительных обстоятельств – войны. Д.А. Гранину писателю и автору интересен ход мыслей, логика поступков своего героя, молодого человека, еще не искушенного жизнью. Исключительность военного контекста наилучшим образом способствует тому, чтобы характер героя был раскрыт наиболее целостно и полно

Художественное своеобразие военных сцен в произведениях Л.Н. Толстого находит воплощение в изображении классиком нового человека в новых условиях, в новых жизненных обстоятельствах, то есть с помощью военного контекста. Изображение человека как участника военных событий – один из контекстов Л.Н. Толстого – становится актуальным и для творчества Д.А. Гранина.

Сравним лингвостилистические средства создания военного контекста в отрывке из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (Т. 3, ч. 2, главы XXX – XXXII) и отрывке из романа Д.А. Гранина «Мой лейтенант» (Ч. 1, глава «Первая бомбежка»).

Л.Н. Толстой изображает Пьера Безухова, смотрящего на Бородинское сражение со стороны и участвующего в нем. Герой наблюдает за ходом битвы с одной из позиций русских войск: *«Пьеру хотелось быть там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движение, эти звуки»* [Толстой 1991: 213]. Восхищение и мальчишеская радость от рассматриваемой им с высоты кургана панорамы начинающейся Бородинской битвы сменяется сильнейшим потрясением. Л. Толстой изображает ход боя глазами героя; Пьер – сторонний наблюдатель и одновременно участник сражения, его внимание обращено на всё окружающее: *«Войдя на курган, Пьер сел в конце канавы, окружающей батарею, и с бессознательно-радостною улыбкой смотрел на то, что делалось вокруг него»* [Толстой 1991: 216].

Эмоциональное состояние героя, обозначенное писателем как *‘бессознательно-радостное’*, сменяется страхом и ужасом от

увиденного: *«Первое его бессознательно-радостное возбуждение, произведенное видом и звуками поля сражения, заменилось теперь, в особенности после вида этого одиноко лежащего солдата на лугу, другим чувством»* [Толстой 1991: 218]; *«...он весь был поглощен в созерцание этого, все более и более разгорающегося огня, который точно так же (он чувствовал) разгорался и в его душе»* [Толстой 1991: 219]; *«Пьер не помня себя от страха, вскочил и побежал назад на батарею, как на единственное убежище от всех ужасов, окружающих его»* [Толстой 1991: 221].

Пьер был поражен стремительностью боя, отчаянными действиями русских солдат, отражающих ежеминутные удары снарядов армии Наполеона; он никогда прежде не слышал оглушающих залпов орудий, свист пуль, вой картечи, не видел, как умирают солдаты от ранений. Беспомощная, бездеятельная фигура героя в белом нелепа среди разворачивающегося кровавого сражения, но изображение необстрелянного, неопытного в военном деле человека необходимо Л. Толстому, чтобы показать, как наблюдение за ходом военного сражения сильно меняет восприятие действительности: *«Тут только Пьер в первый раз увидел раненых, бредущих пешком и несомых на носилках»* [Толстой 1991: 215].

Военный контекст Л.Н. Толстого актуализируется, претерпевает авторскую трансформацию, представляется в виде рецепции в романе Д.А. Гранина «Мой лейтенант». Перед читателями герой, лейтенант Д., который впервые попал под обстрел. Автор акцентирует внимание читателей на восприятии героем первой бомбежки: *«Настоящий страх и ужас, страх жутчайший, настиг меня совсем еще юнца, на войне. То была первая бомбежка»* [Гранин 2023: 7].

Исповедальный характер романа создается благодаря повествованию от первого лица: *«Самолеты пикировали, один за другим заходили на цель. А целью был я. Они все старались попасть в меня, они неслись к земле на меня, так что горячий воздух пропеллеров шевелил мои волосы»* [Гранин 2023: 7]. Герой поработан страхом смерти: *«Я был раздавлен страхом. Бомбежка извлекала все новые и новые волны страха, подлого, по-*

стыдного, всесильного, я не мог унять его» [Гранин 2023: 9]. Интенсивность лексемы усиливается за счет употребления однородного ряда эпитетов. Лексема *‘страх’* повторяется в главе 13 раз; было зафиксировано употребление названной лексемы как самостоятельного члена предложения, в частности, подлежащего, дополнения («Я был раздавлен страхом», «Сколько было этого страха», «Страх на войне присутствует всегда»), так и в составе словосочетаний на основе метафорического переноса *‘пот страха’*, *‘волны страха’* и антитезы *‘страх личный и страх коллективный, массовый страх’* [Гранин 2023: 9 – 11].

Страх человека противопоставлен равнодушному отношению мира природы к летящим снарядам. Герой отмечает слабость своего характера, беспомощность перед лицом смерти: *«Природа возвращалась к своим делам. Ей неведом был страх. Я же долго не мог прийти в себя. Я был опустошен, противен себе, никогда не подозревая, что я такой трус»* [Гранин 2023: 10].

Военному контексту Д. Гранина свойственны черты художественного психологизма Л.Н. Толстого – детально изображать внутренний мир героев, выносить эмоционально-чувственную сторону личности на первый план: *«Пьер, чувствуя себя не на своем месте и без дела, боясь опять помешать кому-нибудь, поспекал за адъютантом»* [Толстой 1991: 214] – *«Небо предало меня, никакие дипломы и знания не могли помочь мне. Я остался один на один с этой летящей ко мне со всех сторон смертью»* [Гранин 2023: 8].

Безусловно, мы не можем поставить знак равенства между приемами создания военного контекста в произведениях Л.Н. Толстого и Д.А. Гранина, однако нами были определены преемственность в художественном изображении человека на войне. Писатели акцентируют внимание на исключительности личности, детально воссоздают эмоционально-чувственный фон героев. Героев объединяет чувство страха, которое постепенно поглощает все иные эмоции. *‘Страх смерти’* – лексемы, которые присущи военным контекстам и Л. Толстого, и Д. Гранина. Являясь участниками военных событий, окружающие предметы по-иному воспринимаются персонажами, поскольку обострено восприятие действительности. Обыденное привлекает внимание, всё новое воспринимается предельно нервно.

Список литературы

1. Гранин, Д. А. Мой лейтенант: Литературно-художественное издание / Д. А. Гранин. – Москва, 2023. – 286 с.
2. Лопатников, В. А., Даниил Гранин. Хранитель времени: Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1765 / В. А. Лопатников. – Москва : Молодая гвардия, 2019. – 341 с.
3. Толстой, Л. Н. Война и мир: роман в 4 т. / Л. Н. Толстой. – Москва : Сов. Россия, 1991. – 736 с.
4. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский / Изд. подгот. Е. А. Андрущенко. – Москва : Наука, 2000. – 587 с.

УДК 82.3

Сафонова Т.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, РФ

ПОЭТИКА ПОСТМОДЕРНА В ЦИКЛЕ «НОВЕЛЛЫ О ПУТЕШЕСТВИЯХ» Д. РУБИНОЙ

В статье анализируются основные постмодернистские приемы организации художественного текста. Материалом для анализа послужил цикл Д. Рубиной «Новеллы о путешествиях». В качестве гипотезы рассматривается тезис о том, что ведущая культурная парадигма прямо или косвенно оказывает существенное влияние на поэтику произведений автора, стоящего тем не менее вне данного направления. В результате проведенного исследования рассказов Д. Рубиной были отмечены следующие характерные черты, свойственные литературе постмодерна: контаминация жанров и стилей, ирония и колизм как основные принципы отражений действительности, переосмысление классических образов, фрагментарность и нелинейность повествования, прецедентность текста, метапрозаичность и метаязык.

Ключевые слова: жанр, поэтика, постмодерн, язык, стиль.

**POSTMODERN POETICS IN THE CYCLE
«TRAVEL STORIES» BY D. RUBINA**

The article analyzes the main postmodernist techniques of organizing a fiction text. The material for the analysis was D. Rubina's cycle "Stories about Travels". As a hypothesis, the thesis is considered that the leading cultural paradigm directly or indirectly has a significant impact on the poetics of the author's works, who nevertheless stands outside this trend. As a result of the study of D. Rubina's stories, the following characteristic features inherent in postmodern literature were noted: contamination of genres and styles, irony and comedy as the main principles of reflecting reality, rethinking classical images, fragmentation and non-linearity of the narrative, precedent of the text, metaprose and metalanguage.

Keywords: *genre, poetics, postmodern, language, style.*

Современный этап развития культуры определяют как период постмодерна. Впервые термин прозвучал в исследованиях Р. Панвица «Кризис европейской культуры» (1914). Особенно активно новое направление стало развиваться во всех сферах искусства со второй половины XX века. Представители складывающейся культурной парадигмы декларировали принципы, отличные от излишне элитарной эстетики модерна и отвергали примитивизм массового искусства. Применительно к литературе термин «постмодернизм» был использован И. Хассаном в 1971 году. А в 1980 в эссе «Литература восполнения» Дж. Барт, по сути, определяет основную концепцию литературы постмодерна: «Идеальный роман постмодернизма должен каким-то образом оказаться над схваткой реализма с ирреализмом, формализма с «содержанизмом», чистого искусства с ангажированным, прозы элитарной – с массовой» [Барт 1989: 46]. Характерные черты: литературы постмодерна: 1) «неклассическая трактовка классических образцов»; 2) ирония и комизм как «смыслообразующие

принципы»; 3) интертекстуальность; 4) «раздробленность» действительности; 5) нелинейное повествование; 6) метапрозаичность и метаязык; 7) объединение жанров и стилей [Чотчаева, Сосновский 2017: 177-182]. Самыми известными писателями-постмодернистами считаются У.Эко, Дж. Барнс, У. Гибс, М. Павич и др. Среди русских авторов называют имена И. Бродского, В. Ерофеева, В. Пелевина.

В данной статье объектом исследования стала малая проза Д. Рубиной. На наш взгляд, даже если произведения писателя нельзя в полной мере отнести к определенному направлению, оно, как ведущее, не может не повлиять на творчество автора в целом.

В самом названии цикла «Новеллы о путешествиях» отражено авторское определение жанра. Согласно словарю литературных терминов, новелла – малый «повествовательный прозаический жанр», основными жанровыми признаками которого является «драматизм, воплощенный и в содержании, и в сюжетных и стилевых особенностях», напряженность сюжета и неожиданный финал [Тимофеев 1974: 239]. Но не отказывается автор и от основных принципов жанра путешествия – передача путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров.

В сборник Д. Рубиной вошли четыре небольших рассказа о ее пребывании в Италии, Германии, Израиле и Нидерландах. В каждом рассказе находится место замечательным зарисовкам с натуры – это живописные уголки городов и портреты людей: *«О, это особое удовольствие – блуждание по улицам немецких городов. Нравятся мне, нравятся – графическая устойчивость факверковых домиков, багряный плющ дикого винограда, выстриженный вокруг мансардного окошка, убранного совсем уже игрушечной решеткой; винные подвалы с рядом горбоносых кранов на тупорылых мордах мореных бочек. Нравятся корзинки с геранью и цветные колпачки петуний на каждом подоконнике, и вот эти их, старательно вымытые с мылом мостовые...»* [<https://www.litres.ru/>]; *«Я с интересом рассматривала эту женщину, ожесточенно-весело растирающуюся полотенцем. Была*

во всей ее фигуре плавная мощь, как в морских конях, несущих раковину Нептуна. Узкое, очень подвижное лицо, тонкая талия и сильные полные бедра, выразительные, как могут быть выразительны только руки. И в диспропорции между плотной силой бедер и неожиданной хрупкостью тонких щиколоток тоже было что-то неуловимо морское. Так в больших розовых раковинах присутствует и строительная мощь кальция, и ломкость закругленных волною завитков» [<https://www.litres.ru/>].

Но главное – это наблюдения автора, его замечания относительно встреч и событий, свидетелем которых стал, судеб, с которым случайно соприкоснулся: «– Вообще, семья у них удивительная! – продолжала она. – Во время немецкой оккупации Мария с отцом прятали в подвале шестерых евреев <...> – Странно ... у нее такое замкнутое лицо, – сказала я, – ни за что не подумаешь...» [<https://www.litres.ru/>].

Краткие наброски и тщательно прорисованные картины, брошенные вскользь замечания и подробные размышления автора составляют основу рассказов. Поскольку носят они преимущественно описательный характер, ход повествования достаточно неспешен. Драматизм, сжатость и напряженность сюжета, необычный финал, свойственные новелле, – суть историй отдельных героев. Интересен способ раскрытия этих сюжетных линий. Здесь также реализуется один из ведущих приемов постмодерна – фрагментация действительности. В рассказе «Школа света» краткое описание копии картины Вермеера «Вид Дельфта» послужило завязкой истории молодого художника, погибшего в годы фашистской оккупации, но о его трагической судьбе и тайне семьи, хранящей эту копию, читатель узнает практически в самом финале рассказа, после ряда эпизодов о буднях путешественников.

Трагическая тональность прошлого соседствует с ироническим освещением настоящего. В основе иронии – эффект неожиданности, разрушение традиционных, стереотипных смыслов. Например: «Подруга долго и дотошно договаривалась с водителем <...>. – Ладно, мы не торгуемся! – сказала подруга. – Но зато уж поедem медленно-медленно... Он сказал, серьезно глядя ей в глаза: – Я понял, сеньора. Похоронным шагом. И всю дорогу гнал во всю прыть. На наши обреченные вопли с заднего сиденья

отвечал меланхолично: – О, я веду так осторожно, сеньоры! Не смотрите вниз, если тревожно на сердце... А если совсем уже страшно, закройте глаза, как это делаю я...» [<https://www.litres.ru/>].

В свою очередь ирония в рассказах Д. Рубиной нередко становится способом реализации еще одного принципа постмодерна – неклассической трактовки классических образцов. Традиция патетики в описании ряда значимых для представителей любой культуры образов нарушается за счет вещественно-бытового, обыденного их представления: «... *Здесь бледный кардинал пронзил себя ножом...*» – *И правильно сделал, сукин сын, – заметила моя подруга, прибавляя шагу, – вымогатель, вор, бандит, вся эта коллекция картин на вилле – несправедное имущество. Я возразила, попевая за ней, что это мог быть и другой кардинал, не Сципионе Боргезе... – Все они одним миром мазаны, – отвечала та, – все бесстыдно обирали художников»* [<https://www.litres.ru/>]; «*Из мягко подсвеченной арки Академии Святого Луки по-хозяйски выступал мужиковатый Нептун, в гигантскую раковину которого впряжены были плавно рвущиеся вперед морские кони Николы Сальви. И вся эта совершенно театральная сцена гудела, жуужжала, рокотала водой...*» [<https://www.litres.ru/>]; «*Альберт Эйнштейн был срисован с чинной канонической фотографии (не с той, с которой он дразнит Вселенную высунутым языком относительности)*» [<https://www.litres.ru/>].

Множественность смыслов, иносказательность, образность через перенос значений представляют собой суть условной реальности художественного текста периода постмодерна: «Постмодернизм – это мир кавычек, отображающих глубоко эшелонированную условность любого утверждения о реальности» [Чотчаева, Сосновский 2017: 179]. Стиль рассказов Д. Рубиной в высшей степени образный, а основным стилистическим приемом можно признать метафору. Метафорический перенос используется как средство характеристики героев, способ описания мест, служит основой для рефлексии автора. Типы метафор разнообразны – это, как правило, развернутые обороты, актуализирующие антропоморфные качества предметов, маркеры культуры и традиции народов, когнитивные метафоры. Например: «*Подследоватая, из-за опущенных жалюзи, виа Систина с медленным*

скрипом приоткрывала то один свой глаз – кондитерскую, то другой – продуктовую лавку» [<https://www.litres.ru/>]; *«Луна, как выяснилось, уже встала – мраморная римская луна, фрагмент археологической добычи»* [<https://www.litres.ru/>]; *«Мне пятьдесят, думала я, осторожно поворачивая так и сяк новую эту, оглушительную дату, я счастливый человек, я написала кое-какие книги... мои дети при мне, и родители живы, и мне пятьдесят, и я – в Риме, я в Риме, я в Риме!»* [<https://www.litres.ru/>].

Диалог культур, эпох, авторское многоголосие на уровне языка реализуется посредством использования прецедентных феноменов. Упоминание название городов, улиц, памятников архитектуры в рассказах Д. Рубиной объясняется, скорее, жанром путевого очерка. Здесь важен характер контекста. Например, эпизод о посещении Еврейского музея Амстердама следует считать таким приемом в силу большого количества экспрессивных единиц, выражающих авторскую оценку: *«Входишь в фойе Еврейского музея Амстердама и как-то теряешься: ты попал в странный лес лиц. Небольшие – 30х30, на высоких металлических подставках портреты выдающихся евреев всех времен и народов расставлены в алфавитном порядке по группкам... Не бог весть как намалеванные маслом на холсте, но вполне узнаваемые... – Во кому-то халтурка обломилась! – заметил мой художник. На каждую букву алфавита теснился небольшой, но плотный отряд великих евреев. Неизвестно, по какому принципу отбирались кандидаты. Ицхак Рабин стоял на подставке, потупив глаза, Шимон Перес бодро смотрел вдаль. Ариэля Шарона, однако, в пантеон не пустили. Да что там Шарона – Спинозы не было!»* [<https://www.litres.ru/>].

К числу специфических черт культуры постмодерна относятся реализацию в созданных произведениях идею полилога искусств. В литературе этот принцип воплощается посредством экфрасиса – описания предмета живописи, архитектуры, скульптуры. В рассказе «Школа света» Д. Рубина не просто описывает картину, он объясняет процесс ее создания, комментирует технику живописи, для чего использует соответствующую терминологию: *«... все написано этой излюбленной кирпично-оливковой гаммой голландцев. Видишь, вся живопись, весь цветовой арсенал зажат между двумя полюсами, заданными определенной*

гаммой. Немного пурпура, немного густой зелени, но в основном – это устрично-приглушенное спокойствие тона, устойчивая бюргерская жизнь цвета... А теперь смотри! – Что это? – спросила я ошеломленно. <...> Мы медленно пошли туда, где продолжалась, длилась на полотне жизнь, более реальная, более наполненная просторным дыханием вечности, чем пейзаж сегодняшней Гааги за окнами дворца. И пока шли, Борис говорил о том, как четко художник разрабатывает фактуру: рыхло написанные облака, вода, дома; о точно найденном соотношении затемненных и освещенных частей, о пуантелистической – задолго до пуантелистов! – технике, которая создает некоторую вибрацию атмосферы и отражений в воде. – ...все взвешено, рассчитано, найдены заполнения пустот, – бормотал он почти влюбленно, то приближая лицо к самому холсту, так что в явной тревоге привставала со стула старушка в дверях зала, то отпрянув назад, словно собирался бежать отсюда без оглядки... – Видишь, суть его искусства в математически точных соотношениях тональных масс, цветов, светотеней» [<https://www.litres.ru/>].

В таком контексте иначе представляется и творческий процесс писателя: разорванный синтаксис, нераспространенные номинативные конструкции записи в блокноте сродни наброскам художника, его первым движениям кисти по полотну: «Жемчужный день – туман – три всадника у моря – широкая полоска песка, как у Вермеера в «Дельфте»... – Разговор об эфтаназии – девочка и молодой художник... – как и когда успели они... – голландская сдержанность в горбоносом лице их сына – (продумать)...» [<https://www.litres.ru/>].

Таким образом, цикл Д. Рубиной «Новеллы о путешествиях» далеко выходит за рамки простого «путеводителя» по странам, это история людей, история их судеб. Такая задача определяет и поэтику рассказов: прекрасное сочетание разных приемов организации текста в духе постмодерна позволяет создать сложное, насыщенное деталями и яркими образами более зримое художественное пространство.

Список литературы

1. Барт, Дж. Смерть автора / Дж. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Москва : Прогресс, 1989. – 615 с.

2. Рубина, Д. Новеллы о путешествиях / Д. Рубина // Литрес [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/search/?q=новеллы%20о%20путешествиях> (дата обращения 20.03.2025).

3. Словарь литературоведческих терминов. Сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 509 с.

4. Чотчаева, М. Ю., Сосновский В. Т. Постмодернизм в культуре и литературе современности / М. Ю. Чотчаева, В. Т. Сосновский // Вестник АГУ. – 2017. –Выпуск 2 (197). – С. 177–182.

УДК 81.26

Сенкевич В.И.

*Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина, г. Брест, Республика Беларусь*

КУЛЬТУРНЫЙ ПЛАН И АСПЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию антиномии проявленных в речевой деятельности явлений культуры, противопоставленных воплощенным в живом слове феноменам цивилизации. Язык сущности составляет антитезу языку как средству целепологающей коммуникации. Рассматривается антиномия агентивного субъекта («я») и самости автора («сам»), идентификации и аутентификации, речевой волеизъявительной деятельности и мотивированного характером говорящего вербального поведения. Постулируется необходимость видеть в языке не только знаковую систему, но и усматривать в нем феномен и черты иероглифичности.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, антиномия, соответствие, совпадение, речевая деятельность, живое слово.*

CULTURAL PLAN AND ASPECT OF CIVILIZATION OF LANGUAGE

The article is devoted to the description of the antinomy of cultural phenomena manifested in speech activity, opposed to the phenomena of civilization embodied in the living word. The language of essence is the antithesis of language as a means of goal-oriented communication. The antinomy of the agentive subject ("I") and the author's self ("himself"), their identification and authentication, verbal volitional activity and verbal behavior motivated by the character of the speaker is considered. The necessity of seeing in language not only a sign system, but also of discerning in it a phenomenon and features of hieroglyphicity is postulated.

Keywords: *culture, civilization, antinomy, correspondence, coincidence, speech activity, living word.*

В любом языке надо видеть не только проявление культуры, но и стоит замечать аспект цивилизации – «смерти духа культуры» (Н.А. Бердяев). В лингвистике обычным является употребление словосочетания «культура речи». Однако человек не только носитель речевой культуры и ее институтов, но еще и цивилизованный пользователь живым словом – инструментом воплощения смыслов и интенций своего сознания.

Любая культура связана с деятельностью. Цивилизация же подразумевает поведение пользователя (*цивилизованный пользователь; вести себя цивилизованно*). Культура противопоставляется дикости. Цивилизация противостоит варварству. Субъект культуры может ошибаться – делать не так, как надо; не различать. Варвар заблуждается – путает, не замечая разницы (*абы что, абы как, абы где, абы с кем, абы-куда* и т.д.).

Приветствуется «не абы», выговариваемое с чувством превосходства: бел. – *У мяне не абы якая нявестка – гарадская* (К. Каліна); *А ўсё ж абы-каго ўзяць – не гонар. Возьмем не абы-каго!...* (І. Мележ); *Хустку дак канешне купіць трэба! І не абы-*

якую, а кашаміравую, з кветкамі! (І. Мележ); *Праўду кажуць, што касіць – справа не абы-якая, мужчынская справа, тут трэба і сіла, і спрыт, умець трэба* (І. Мележ)

Стоимостью для каждого обладает то, что «не абы». К чужому человек равнодушен (бел. *абыкавы*). Неселективными смыслами вызвана к жизни инвективные высказывания: бел. *Знайшоў каго?.. Ету сучку!.. Якая яшчэ ў дзеўках лезла пад уся-кага!.. Якой толькі адно наўме!.. Толькі адно – што б склешчыцца!.. Абы з кім!.. Абы кныр!.. Абы склешчыцца... Суку завугольную!.. Якая ля кожнага вугла!.. Ля кожнага плоту!.. Абы з кім!..* (І. Мележ).

В культуре выбирают материал, соответствующий нормам и правилам. Выбор связан с деятельностью. Цивилизованный человек не выбирает, однако постоянно находится в состоянии (не) свободного поиска – ищет подходящее («мое»), знакомится с чужим и, осваивая неизвестное, превращает его в «свое». В культуре не встречается «эффект неожиданности». Нечто регулярно происходит по ожидаемому результату. («Сделаю *то-то и то-то*, будет *то-то и то-то*). В сфере цивилизации все осуществляется «по ходу» – периодически проходит (аналог.: *ход занятий, ход урока, ход мысли, ход жизни* т.д. Удачный ожидаемый результат сменяется неожиданными итогами, характеризующимися переменным успехом.

Кто-то что-то говорит... Можно ли сказать, что он что-нибудь делает? Очевидно, нет. Это состояние занятости. Человек в состоянии говорить (либо не в состоянии – «язык заплетается»). Аналогично – слушать, читать, писать, думать. Иначе с действием по глаголу «сказать»: *Вор должен сидеть в тюрьме. Я сказал!* (киноцитата из фильма «Место встречи изменить нельзя»). Чтобы что-нибудь делать, требуется причина. А для «поговорить» нужен повод. Это уже не речевая деятельность, а вербальное поведение. Говорить – не значит производить коммуникативный акт, как иногда считают. Это, прежде всего, владение инструментальным по сути словом и обладание собеседником.

Нередко звучит: «*Мы говорим с вами (с тобой) на разных языках*». Интенция здесь – «досадно, что у нас не получается договориться, достичь консенсус». На каких это «разных» языках? На русском, немецком, английском, польском и т.д.? Нет. Языки

не только различаются, но и разнятся. Существует язык «дела Закона» (ап. Павел). Другое его название – дискурс. Однако есть язык творчества. Один язык представляет собой функционирующую систему (*делать добро*). Другой воплощает гармонию (*творить благо*). Это не язык права, а правды и справедливости.

Ср.: *Ваше право, а правда наша*; польск. *usprawiedliwić* ‘оправдать’. По сути, это язык жизни – проходящего поточного состояния. Этот язык не причастен к жизни, а есть сама жизнь. На вопрос «*Чем ты сейчас занимаешься?*» оправдан ответ: «*Живу*».

Язык, где не видят различие, однако замечают разницу, есть совершенно Другой язык (другой не по порядку, а в принципе). В нём идентификация уступает место аутентификации – не различают, а узнают (признают, распознают). Распознавание осуществляется не по специфическим признакам, а по характерным чертам. Это язык сущности (*essentia*), а не существования (*existentia*). Он не предназначен передавать информацию и формировать картину мира (сказать, показать, дать видеть). Это язык, служащий для того, чтобы, осуществляясь, извещать и посвящать в сущность вещей.

Кроме сказанного и подлежащего объяснению, есть несказанное и не подлежащее дискурсивному (рассудочному) истолкованию – только интерпретации: *несказáнное блаженство, несказáнное великоление, несказáнное очарование, несказáнное удовольствие* и т.п.; **Несказанное**, *синее, нежное...*, ...*тот весенний несказанный свет* (С. Есенин). **Несказáнное** *величие этого зрелища меня сразило...* (В. А. Жуковский). Грамматика знает подлежащее. Однако есть неподлежащее: **Приказ не подлежит обсуждению** *Мои слова не подлежат обсуждению!* (М. Спринг). Ничему не подлежащее и ни от кого не зависящее – свободное.

Антиномию «сказать (vs говорить)» встречаем в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (5, 27, 28); Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему [...] (5, 38, 39); Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я

говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф 5:27).

В коммуникации (*сказать*) выделяется план данного (тема) и нового (рема). В общение (*говорить*) присутствует мотив известного и еще не известного – не познанного. Эмическими являются понятия «система», «проблема», «единица» (фонема, морфема, лексема, предложение), «различительный признак» т.д. Этической сущностью обладают слова «гармония», «вопрос», «элемент» (звук, слово), «высказывание», «характерная черта» и др.

Язык цивилизации феноменальный [Сенкевич 2020]. Феномен – «несуществующая сущность» (Э. Гуссерль). Звучит алогично и парадоксально «Не существует, однако есть»: «...*będąc, już nie jesteś*» (Е. Cioran). – *Его /Бога/ нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти* (Ф.М. Достоевский «Старцы»). Ключевым словом языка сущности выступает слово «есть» («суть»). Есть то, чего не бывает – небывалое, и не может быть – невозможное: «...*to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, nie podległe wolnym wyborom, nie odstępne od najlepszości, nie ludzko konieczne*» [Bańkowski 2020: 3].

Институциональный по определению дискурс начинается с утверждения «*Значит так!*». Однако человеческая сущность всецело противится «таковству»: – *Ах ты такая?! – Я не такая! – А какая? – Другая* (разг.). В языке мудрецов и поэтов – «все не то» и «все не так»: «*Все не то, чем кажется и не наоборот*» (Конфуций). «...*Ничего не свято! Нет, ребята, всё не так! Всё не так, ребята...*» (В. Высоцкий). В «нетаковстве» не проявляется именная личность. Здесь манифестируется архетип титулованной самости: бел. *Народ то быў усё не такоўскі: Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўскі і Гоголь шпарка каля нас Прайшлі, як павы, на Парнас* (Анонимная поэма «Тарас на Парнасе»).

Самое есть подлинное (а не настоящее!). Самость (нем. Selbst 'сам') – «архетип сознания» (Д. Юм), глубинный центр и манифестация человека, высшая власть. *Архетип* – из ἀρχή «исход» + τύπος – отпечаток, образец. Самость – архетип, т.к. известен человечеству очень давно. Это распознавание себя самого,

каждый раз меняющегося в восприятии (*Сам себя не узнаю*), образец восприятия самого себя. Д. Юнг называл самость «Богом в нас». (Не случайно: *Сам Бог...*). Мифологизируя что-, кого-либо, обожествляем и несказанно величаем его: *Сам декан, Сам ректор, Сам президент* и т.д.

Самости нет в системе, в которой нечто происходит соответственно (правильно, соответствующим образом). Её манифестации встречаются в реальности абсолютного и близкого совпадения: «*В самый раз...*» – подходит, гармонирует. Самости не бывает в деятельности и истории, происходящей по системе выборности. Самость обнаруживается в археологии поведения, осуществляющегося по принципу поиска. Выбор бывает заданным, а человек решает Сам. В противном случае его самость игнорируется: *Без меня женили* (разг.)

Самость не образ «Я». Человек уже «смертельно устал от образа собственного «я», которого везде видел все одного и того же и надоевшего, в зеркале...» [Бахтин 1986: 231]. Образ (и инвариант – прообраз) связан с предположением (*иметь в виду*) и сравнением (*как*): *вроде бы, вроде как, как будто, вроде Володи* (ирон.). Тип подразумевает сопоставление («словно»): *типа, как бы, похоже, аналогично: ...Словно ищет в потемках кого-то И не может никак отыскать* («Одинокая гармонь»).

Самость не порождает культ личность, ср.: *задаваться, заниматься, «Шо то Я»* (диал.). Здесь чревато нарциссизмом (самовлюбленностью) и манией величия: «*Пушкин любил осень. И я очень люблю осень*» (Из сочинения ученика начальных классов). *Мы все глядим в Наполеоны* (А. Пушкин). Познавая самость, познают подлинную сущность самого себя. *Nosce te ipsum* («Познай самого себя») – надпись на вратах Дельфийского храма («заповедь Дельфийского оракула»). Слово «Сам» (без «Я») – величающий титул человека, мотив познания и инструмент творчества.

Самость не только источник величания и возвеличивания (*Сам ректор*), но и чувство уверенности (*Сами с усами*). Не следует считать ее свойством, проявленным в отношениях. Вопрос о самости находится в ведении феноменологии, изучающей опыт познающего сознания. Есть самочувствие и имеются собственные ощущения. «Ощутимость вещи является одним из способов

ее данности в окружающем инобытии, но – не она сама. Это – иное, инобытие вещи, а не она сама» [Лосев 2025].

В сущности воплощается рефлексивный логос. Гераклит называл «логосом» вечную и всеобщую необходимость. С одной стороны, Логос означает «мысль» и «слово» («слово, есть та же „мысль“, но выпущенная наружу, на свободу»), а с другой стороны, – «смысл». В христианском учении логос – это Христос («Бог-Слово»). Логос – ключ к глубинам человеческой мудрости, воплощенной в искусстве. Дискурс – код, открывающий сокровищницу мировой культуры. «*λόγος* есть лозунг, зовущий философию от схоластики и отвлеченности вернуться к жизни и, не насилуя жизнь схемами, наоборот, внимая ей, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного смысла, ее скрытой радости, ее глубоких задач» [Эрн 2000: 3]. Логос – воплощение Сущности, или Вечной Женственности, Вечного Возвращения, Вечной Жизни, Вечной Божественности, Неотраженного Света.

Язык сущности беспредметный. Им охватывается неизбирательное и абсолютное «Всё» и его отсутствие – «Ничего». «Все в одном. Одно во всем» (школа «Хуаянь цзун»). Мотив «всего» звучит в песенном творчестве. *«Всё, что в жизни есть у меня,...»*; *«Всё для тебя рассветы и туманы Для тебя – моря и океаны Для тебя – цветочные поляны. Для тебя (песен.)*. По сути, тот, кто говорит *«Ты для меня всё...»* мифологизирует (обожествляет) адресата, мнит себя чуть ли не Богом.

«Ничего» – идеальное состояние всего реально проходящего: – *Как жизнь? – Ничего. – Что случилось? – Ничего* (разг.). В рассказе А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» описан день жизни («от звонка до звонка») обыкновенного «зэка». Этот день прошел для него благополучно: [...] *в карцер не посадили, на Соцгородок (работа зимой в голом поле) бригаду не выгнали [...]* на шмоне *не попался ... И не заболел. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый.*

Культивируя дискурсивную идеологию, люди добровольно отказываются от своей подлинной сущности цивилизованного пользователя и становятся носителями культуры. Целое подменили общим, восприятие – отражением, размышление – рассуж-

дениями. Однако издавна известно, что путь к мышлению пролегал через незнание. Чем меньше человек знает, тем больше он думает. Сущность всего познается в состоянии медитативного «ничего-не-знания»: *Льер/*: *Знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это высшая степень человеческой премудрости.* (Л. Толстой «Война и мир»).

Развитие средств массовой информации и внедрение массовой культуры способствует тотальной семиотизации жизни. В постмодернизме этот процесс называется термином «симуляция». Люди любят всему придавать значение; всё у них что-нибудь да значит: *Человек идет, улыбается – значит человеку хорошо!* (песен.) Действительно ли улыбка что-нибудь значит? Существует ли «знаковая улыбка»? Оказывается, «милая твоя улыбка» для реципиента абсолютно ничего не значит, однако говорит о многом, а по сути, об одном – о милости. Использовать скобку вместо улыбки впервые догадался русский писатель Владимир Набоков.

Скобка не знак, а метка (*nota*). Познаваемый в опыте контент жизненного мира человека, воплощаемый в слове, не обозначается, а отмечается: *Все живое особой метой Отмечается с ранних пор* (С. Есенин). Смысл метки доступен только для создателя («для себя пометить») либо его близким – посвященным. Метка – иероглиф. Феноменом иероглифичности обладает текст. Слово ведь не читается по буквам, а схватывается целиком. Этому благоприятствуют другие слова, составляющие его контекст. Так, если смешать в словах буквы, то все равно смысл их интуитивно угадывается читателем: *По результатам илссеовадний одонго английсокго унвиертисета, не иеемт занчнения, в кокам прякоде рсапожолены бкувы в солве.*

Каждый текст и его элементы характеризуются своим прочтением. Например, В. Березин слово «путешествие» в названии романа изобразил как «Путь и шествие» и через свое авторское решение «сиять заставил заново» (В. Маяковский) привычное для всех слово. На языке сущности пытается говорить профессор Н-ского университета, прозванный студентами «Профессор по имени "Не могу"» (аллюзия – песня И. Аллегровой «Девочка по имени Хочу»). Вот образцы его рефлексии: *«Не могу отсутить*

вас с занятий. Как я могу отказать себе в удовольствии позаниматься с вами». «Не могу знать, да и не хочу. Однако что мешает мне познакомиться с вами поближе – познать вас до известного предела». «Видеть вас не могу, однако смотрел бы с удовольствием с утра до вечера». «Никто не обращает на вас внимание? Не беда. Зато все только и смотрят в вашу сторону».

Итак, существует языковая личность (Я), порождающая речевой дискурс и культуру. Однако есть цивилизованный Homo loquens (Человек говорящий). Благодаря ему воплощаются разные агрегатные состояния логоса – говорить, слушать, читать, писать. Воплощение, в отличие от именного выражения, нуждается в Другом (подлинном) языке – языке сущности. Всегда можно поставить вопрос: что перед нами и с чем мы имеем дело – с концептуальной единицей языка как системы, или феноменом подлинного языка, где твердое убеждение уступает место очевидной достоверности.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; [примеч.: С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 444, [1] с.
2. Лосев, А. Ф., Самое само / А. Ф. Лосев [Электронный ресурс]. – URL: <https://omiliya.org/article/samoe-samo-a-f-losev> (дата доступа: 09.05.2025).
3. Сенкевич, В. И. Феноменологическая лингвистика. Этические начала и принципы языка / В. И. Сенкевич. – Седльце : W-wo Nauk. Un-tu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2020. – 369 с.
4. Эрн, В. Ф. Борьба за логос; Г. Сковорода. Жизнь и учение / Владимир Эрн. – Минск : ООО «Харвест»; Москва : АСТ, 2000. – 589, [2] с.
5. Bańkowski, A. Etymologiczny słownik języka polskiego / Andrzej Bańkowski. – Warszawa: PWN. – 2000. – Т. 1: A–K. – 1850 s. – На пол. яз.

Сизых У.А.

*Государственный университет просвещения,
г. Москва, РФ*

СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АКУСТИЧЕСКИХ ОНОМАТОПОВ В ПОЭЗИИ А.Е. КРУЧЁНЫХ

*Статья посвящена рассмотрению акустических онома-
топов в поэзии А.Е. Кручёных. В работе представлено три
класса звукоподражаний: инстанты, континуанты и
фреквентативы.*

Ключевые слова: *фоносемантика, инстанты, звуко-
изобразительная система языка, континуанты, фреквента-
тивны.*

Sizykh U.A.

State University of Education, Moscow, Russia

STRUCTURE, SEMANTICS AND FUNCTIONING OF ACOUSTIC ONOMATOPE IN THE POETRY OF A.E. KRUCHENYKH

*The article is devoted to the consideration of acoustic ono-
matopes in the poetry of A.E. Kruchenykh. It presents three classes
of onomatopes: instants, continuants, and frequentatives.*

Keywords: *phonosemantics, instants, sound system of lan-
guage, continuants, frequentatives.*

Введение. «Объектом фоносемантики является звукоизоб-
разительная система языка (ЗИС), единицы которой обладают
необходимой, существенной, повторяющейся и относительно
устойчивой произвольной фонетически мотивированной свя-
зью между фонемами слова и денотатом» [Шляхова, 2003: 50].
Однако соблюдение принципов детерминизма, отражения и не-
произвольности перестаёт быть основополагающим за рамками
звукоизобразительной системы, поскольку в процессе усвоения
слова теряется очевидность примарной мотивированности язы-
кового знака, с течением времени всё больше отдаляющегося от

первоначальной установки и разрывающего тесную связь означаемого и его формального выражения. Происходит это вследствие вполне естественного для развивающегося языка смещения акцента на семантическую и морфологическую мотивированность слов, что, впрочем, не может в полной мере удовлетворить представителей русского авангарда, речь о которых пойдёт далее.

Центральным для поэтов кубофутуристического направления, к числу которых примыкал и «one of the pioneers of the absurd» («один из пионеров абсурда») [Markov, 1973: 9] А.Е. Кручёных, всё же остается обращение к реконструкции протоязыка, выражающейся в повышенном внимании к звукоморфемной структуре слова. С.С. Шляхова отмечает, что «А.Е. Кручёных в роли "первочеловека" создает собственную проторечь, где связь означаемого и означающего очевидна, где не происходит деэтимологизации слова в результате его длительного существования в языке, где разрушается асимметричный дуализм языкового знака; при этом значимой в слове становится семантика звука, его первоначальная чистота» [Шляхова, 2003: 95], то есть примарная мотивированность, ставшая основным принципом фоносемантики.

Поскольку русские футуристы пропагандируют использование слова «как канонизированного обнаженного материала» [Якобсон, 1984: 274], то наиболее близким для них явлением становится звукоподражательная подсистема ЗИС, то есть ономотопеи, оказывающиеся «возможной универсальной моделью мотивированного языкового знака, который находится в прямой связи с референтом и не нуждается в "рациональном" посреднике» [Импости, 2000: 470]. Иначе говоря, в ономотопеях прослеживается прозрачная связь между фонемами слова и звуковым признаком денотата, положенным в основу номинации. Именно к таким словам довольно часто апеллируют представители «лингвистического модернизма, или, точнее, языковедного андерграунда» [Нерознак, 2001:14], как в одной из работ называет авангардистов В.П. Нерознак.

К числу элементов звукоподражательной подсистемы ЗИС С.С. Шляхова относит акустические и артикуляторные ономотопы, подзывные слова и подражания голосам животных и птиц,

а также онематопы говорения. Данная статья посвящена непосредственно акустическим онематомам, под которыми «понимаются слова, воспроизводящие фонемными средствами неартикуляторные акустические звучания внешней среды» [Шляхова, 2003: 59–60], поскольку они составляют значительную часть ЗП подсистемы ЗИС. Притом интерес для нас будут представлять только три основных класса: инстанты, континуанты и фреквентативы.

Класс А. Инстанты. Тип 1. Инстанты. Под инстантами принято понимать класс (и одновременно с этим тип) звукоподражательных слов, обозначающих «удар, то есть "сверхкраткий" ("мгновенный") шум или тон, одинаково воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар [Воронин, 2006: 46]. Выражаясь схематично, структура инстантов представляет собой гласный, заключенный между двумя взрывными согласными или аффрикатами. Следует сказать, что слова данного типа могут служить для обозначения целого спектра резких звучаний: стука, щелчка, треска, звукоизображения лопающегося предмета и др. Например, в уголовном романе «Разбойник Ванька-Каин и Сонька-маникюрщица» (1924–1927 гг.) инстант использован в качестве средства выражения звука удара при прыжке:

Каин-мстец спохватился

*клещами — **скок**,*

Соньку — в землю!

Там же встречается глагол *тикать*, образованный от звукоподражательного элемента *тик*, воспроизводящего звук часового механизма:

...белая роза

отвисла до-полу

*возле меня **тикает**...*

Пример из другой области находим в «Балладе о фашисте» (1928 г.), где редуцированный акустический онематоп соотносится со звуком падения капель:

по пальцам четками

мил-ли-он-ны

***кап-кап**...*

Класс Б. Континуанты. «Континуанты как класс онематопов обозначают неудар, т.е. "длящееся" ("немгновенное") слитное тоновое или шумовое звучание» [Воронин, 2006: 48]. С.В. Воронин выделяет тоновые и шумовые континуанты, последние из которых, в свою очередь, представлены чисто шумовыми и тоношумовыми континуантами.

Тип 2. Тоновые континуанты. Наиболее распространены в поэзии А.Е. Кручёных тоновые континуанты, обозначающие тоновый неудар, или тоновое звучание в наиболее чистом виде. Важнейшей составной частью и, по выражению С.В. Воронина, «единственным звукоизобразительно валентным компонентом модели» [Воронин, 2006: 49] тоновых континуантов является гласный звук. При этом разнообразие выражаемых значений, базирующееся на характеристиках гласного, крайне велико: от подражаний высокочастотным звукам вроде звонка телефона (*бис! бис!*) до низких звучаний, таких как гудение поезда в стихотворении «Митя» (1928 г.):

*Благодарю всех
за вниманье,
От похорон сохраню
приятное воспоминанье
А все же боюсь опоздать
к поезду! —*

...Ту-ту-у-у...

Или вой в «Мароженице богов» (1923 г.):

*Никола угодник —
буксирной сиреной завыл:*

В-в-в-в-ву!..

Наиболее часто тоновые континуанты используются А.Е. Кручёных для изображения писка животных и птиц:

*как скрипка
вскрикивает
ночная
птичка (свист: пи-чунь)*

«Баллада о фашисте» (1928 г.)

В поэме «Пустынники» (1913 г.) использование акустического онематопа с этим значением усиливается соседством с

производным от той же звукоподражательной основы глаголом *пищит*:

Слышит кто то как цыпленок

Тонко жалобно пищит:

— ***Пить! Пить! Пить!..***

Тип 3. Чисто шумовые континуанты. Весьма широкое распространение получили чисто шумовые континуанты, обозначающие шумовой неудар, то есть непосредственно шум без примесей тона. Особенностью данного типа ономастопов является обязательное содержание фрикативного компонента, что обусловлено самим характером его звучания, пригодного для изображения шуршания, шороха, шипения, шелеста и других сходных явлений:

Сошлись черное шоссе с асфальтом неба

И дождь забором встал

Нет выхода из досок водяного плена

— ***С-с-с-ш-ш-ш-ш*** —

Сквозят дома

Сипит и ширится стальной оскал!

«Осень (Ландшафт)» (1926 г.)

С.С. Шляхова отмечает, что «специфичной чертой звукоизобразительных слов является их "свободное" существование в уровненом пространстве языка: один и тот же тип ЗИ-слова может быть выражен, например, и фонемой (о-о-о "вой, плач"), и лексемой (вой, выть)» [Шляхова, 2003: 54]. Закон кросс-уровневой контактности, подразумевающий, что единицы разных уровней звукоизобразительной системы могут составлять единый класс, реализуется и в поэзии А.Е. Кручёных, поэтому передача, к примеру, звуков шипения может осуществляться как посредством использования редуцированной фонемы (*Ш-ш-ш-с!*), так и через введение звукоподражательных по происхождению глаголов:

У плащаницы ямы адамовых глаз засверкали

Налились кровью,

Шипят

— *Что же на место любви?*

«Мароженица богов» (1923 г.)

Тип 4. Тonoшумовые континуанты. Весьма немногочисленным типом ономатопов в творчестве А.Е. Кручёных являются тоношумовые континуанты, представляющие собой «тоношумовой неудар, в котором одновременно с чисто шумовым неударом наличествуют осязаемые элементы тонового неудара» [Воронин, 2006: 52]. Выражаясь проще, тоношумовые континуанты содержат в себе элементы тона, передающегося, как правило, гласным звуком, и шума, обозначенного звонким фриктивным согласным. В качестве примера можно привести изображение завывания бурана в стихотворении «Мизиз» (1922 г.):

Зыз — з — з

Глыз — з — з

Мизиз — з — з

з — з — з — з!..

К этому же типу акустических ономатопов следует отнести звуки жужжания насекомых:

Чарджуйных дынь золотое темя

И снежная мяхкоть

Медоле-е-ейным запахом пчелу увлечет

— Жь — ж — ж — !..

«Лето деревенское» (1926 г.)

Класс В. Френкентативы. В качестве класса ономатопов фреквентативы «обозначают очень быстрые последовательности (серии) ударов (импульсов), в которых каждый удар уже почти не ощущается отдельно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание ещё нет, и очень быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха» [Воронин, 2006: 54]. Охват выражаемых фреквентативами значений довольно широк: хруст, треск, грохот, стрёкот кузнечика, звук пулемётной очереди, скрежет, рокот мотора и др. Впрочем, единство слов этого класса звукоподражаний очевидно: оно обусловлено тем, что их общим элементом является вибрант [р] или один из его аллофонов, поэтому, в силу резкости и дробности звучания, фреквентативы также называют ономатопами-диссонансами.

Нельзя сказать, что класс фреквентативов в поэзии А.Е. Кручёных занимает центральное положение, однако определённая склонность автора к использованию рваных, отрывистых

звуков очевидна, что прекрасно согласуется с избранной кубофутуристами манерой инструментовки, в которой, как отмечал К.И. Чуковский, превалировали «срывы, диссонансы, угловатости и хаотическая грубость» [Чуковский, 2012: 50].

Тип 5. Фреквентативы-квазиинстанты. Наиболее часто из звукоподражаний данного класса встречаются фреквентативы-квазиинстанты, одновременно передающие диссонанс и удар. В стихотворении «Чисто по женски нежно и ласково...» (1919 г.) ономотопу соответствует звенящий звук от столкновения металлических предметов:

*Кину им пачку улыбок золотых рыбок
Будут пораженные плясать до утра **бряцая** воистину
ложками...*

Многokrатно встречаются примеры употребления фреквентативов-квазиинстантов для отображения звука падения:

Из толпы баба вывалилась

Голошенная:

— Мой! Убей бог, мой! —

*На зeмь **брякнулась.***

«Дунька-рубиха» (1926 г.)

Или:

*Нагромыбахают упавших горы аэро
с туч | тычком |*

Хрыч!..

«Зудуса» (1922 г.)

Тот же тип акустических ономотопов используется А.Е. Кручёных при описании звуков ломания, треска:

***Хряк!** туфлей ответа*

Придушена хляча!

В зеркале треснула трость,

Ноги — врозь!

«Похибель хильяка» (1924 г.)

Тип 6. Чистые фреквентативы. Подкласс чистых фреквентативов обозначает уже чистый диссонанс, то есть «звучание, ощущающееся как собственно серия ударов, дрожание» [Воронин, 2006: 55]. Как правило, данный тип ономотопов используется при изображении вибрирующих звуков: тарактения, трелей птиц, серии выстрелов (*Тра-ра-ра-ра!*), стрекотания, гула

рупора (*Ру-у-у-ур! Рупор побед!...*), дребезжания, треска (*Треснул крещенский водоем / Грр! Крака! / Гр-р-р-р-р!...*) и др. Например, в стихотворении «Лето городское» (1926 г.) с помощью чистого фреквентатива передано бурление, движение жидкости:

Афтомобиль бурло

бурлюкотит

в желтой горчке...

С.В. Воронин также отмечает, что именно на примере чистых фреквентативов «хорошо виден переходный, "промежуточный" характер класса диссонансов и обозначающих их онематопов ("между" ударами и неудачами, "между" инстантами и континуантами)» [Воронин, 2006: 55].

Типы 7-9. Фреквентативы квазиконтинуанты. Принято различать тоновые, чисто шумовые и тоношумовые фреквентативы-квазиконтинуанты, однако, в силу немногочисленности примеров их употребления в поэзии А.Е. Кручёных, нам представляется целесообразным опустить подробное рассмотрение и представить данные типы лишь обзорно.

Фреквентативы тоновые квазиконтинуанты можно охарактеризовать как «тоновый квазинеудар, в котором с чистым диссонансом присутствует элемент тонового неудара» [Шляхова, 2003: 123]:

Трам, трам, трам, гам,

визг, бой

Ваньку бьют по мордам

на ярмарке вой.

«Катерина Измаилова» (1928 г.)

Чисто шумовые квазиконтинуанты, напротив, представляют собой «чисто шумовой квазинеудар, в котором одновременно с чистым диссонансом наличествуют элементы чисто шумового неудара» [Воронин, 2006: 57]. Иначе говоря, шумовое звучание (в большинстве случаев выраженное глухим фрикативным согласным) сочетается с чистым диссонансом:

Пес все нюхает и лает

Пол царапает, скребет

Или чутко засыпает...

Ровно в полночь он встает...

«Пустынники» (1913 г.)

Тоношумовые фреквентативы-квазиконтинуанты совмещают чистый диссонанс с тоношумовым неударом, то есть одновременно включают в себя элементы тона, шума и диссонанса. Примером может послужить обозначение звука резкого движения при ударе в стихотворении «Конмир» (1921 г.):

*Бромичик
на диване
уселся
— **раз раз**
резь резь! —
ухлопал мои глаза.*

Выводы. Необходимость решения проблемы мотивированности языкового знака и попытки установить соответствие между означаемым и означающим привели футуристов к поиску форм, «сохраняющих языковую архаику» [Шляхова, 2003: 89] вопреки общей тенденции развития системы языка, для которой звукоизобразительность является лишь начальной стадией на пути перехода к секундарной мотивированности. Именно в силу этого обстоятельства оноματοпея стала явлением, регулярно сопровождающим поэтические опыты А.Е. Кручёных. В частности, внимание автора было обращено к акустическим ономатопам, представленным рассмотренными выше классами: инстантами, континуантами и фреквентативами, – наиболее близкими к проторечи ввиду их очевидности для носителя языка.

Список литературы

1. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
2. Импости, Г. Роль звукоподражания в поэтике итальянского и русского футуризма. Маринетти, Крученых и Хлебников / Г. Импости // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева / Под ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 848 с.: ил. – (Язык. Семиотика. Культура).
3. Кручёных, А. Е. Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. С. Р. Красицкого / А. Е. Кручёных. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2001. – 480 с.

4. Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / под общей редакцией проф. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 2001. – 576 с.

5. Фоносемантика: Опыт междисциплинарного исследования. Монография. – Москва : Мир науки, 2022. – Сетевое издание. URL: <https://izdmn.com/PDF/69MNNPM22.pdf> – Загл. с экрана (дата обращения: 15.09.2025).

6. Чуковский, К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 8: Литературная критика. 1918-1921 / Предисл. Е. Ивановой; Коммент. Е. Ивановой и Б. Мельгунова / К. И. Чуковский. – 2-е изд., электронное, испр. 664 с. – Москва : Агентство ФТМ, Лтд, 2012.

7. Шляхова, С. С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий / С. С. Шляхова / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2004. – 226 с. – Библиогр.: с. 219–224.

8. Шляхова, С. С. Семиотика звука в повести В. Пелевина «Желтая стрела» / С. С. Шляхова // Вестник ОГУ. – 2005. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-zvuka-v-povesti-v-pelevina-zheltaya-strela> (дата обращения: 15.09.2025).

9. Шляхова, С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику : учебное пособие / С. С. Шляхова; М-во образования Рос. Федерации, Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь : ПГПУ, 2003. – 217 с.; 21 см. – Библиогр.: с. 202–216.

10. Якобсон, Р. Работы по поэтике: Переводы / Р. Якобсон / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – Москва : Прогресс, 1987. 464 с., [12] л. ил. – (Языковеды мира).

11. Markov, V. Kručnych, Russia`s greatest non-poet // Kručnych A.E. Selected works / Ed. and with an introduction by V. Markov. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1973. – P. 7–12.

Сильванович Н.Л.

Учреждение образования «Лепельский государственный аграрно-технический колледж; Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Данная статья посвящена исследованию прецедентных имён в современной молодёжной среде. Рассматриваются различные категории прецедентных имён, их функционирование в молодёжной коммуникации и влияние на формирование идентичности молодых людей. Анализируются источники возникновения прецедентных имён и их связь с социокультурными изменениями в обществе.

Ключевые слова: *прецедентное и абстрактное имена, молодёжная среда, идентичность, аксиология, социолингвистика.*

Silvanovich N.L.

Educational institution "Lepel State Agrarian and Technical College; Educational institution Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

PRECEDENT NAMES IN THE MODERN YOUTH ENVIRONMENT

This article is devoted to the study of precedent names in the modern youth environment. Various categories of precedent names, their functioning in youth communication and their influence on the formation of identity of young people are considered. The sources of the occurrence of precedent names and their connection with socio-cultural changes in society are analyzed.

Keywords: *Precedent and abstract names, youth environment, identity, axiology, sociolinguistics.*

Современная молодежная среда, находящаяся под постоянным влиянием глобальных информационных потоков и динамичных социокультурных изменений, характеризуется специфическим языковым кодом, в котором значительную роль играют прецедентные имена (ПИ). Прецедентные имена, обладающие высокой степенью известности и повторяемости в определенной культуре, становятся важным элементом коммуникации, позволяя выражать широкий спектр смыслов, формировать групповую идентичность и осуществлять социальную категоризацию.

Актуальность исследования прецедентных имен в молодежной среде обусловлена необходимостью понимания процессов формирования языковой картины мира молодого поколения, особенно в эпоху развития цифровых технологий и социальных сетей, а также для эффективной коммуникации с молодежью в различных сферах жизни. Молодежь активно использует прецедентные имена для выражения своей позиции, формирования групповой идентичности и установления социальных связей.

Термин «прецедентность» в лингвистике был впервые употреблён в XX веке, когда Ю. Н. Караулов ввёл понятие «прецедентный текст». По его мнению, текст или имя становятся прецедентными, когда они значимы для человека в эмоциональном и познавательном отношениях, когда не только этот человек, но и всё его широкое окружение (в него должны входить не только современники, но и предшественники) знает этот текст или имя и использует в своей речи [Караулов 1987: 25].

Прецедентные имена – это не только широко известные имена собственные, которые используются в тексте для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), но и своеобразные культурные знаки, символы определённых качеств, событий, судеб. Прецедентные имена относятся к единичным именам, специфика которых заключается в том, что «отражение признаков референта закрепляется в значении на уровне языка, когда смысловая структура имени обогащена дескриптивным компонентом в рамках самой широкой коммуникативной сферы – всего языкового коллектива» [Гудков 2003: 74].

Прецедентные имена могут использоваться в функции вторичной номинации, входить в состав стилистического приёма. Кроме того, прецедентное имя обладает такими компонентами

коннотативного значения, как эмоциональный, оценочный, социальный, экспрессивный [Слышкин 2000: 79].

Для проведения исследования нами было выбрано несколько методов: анкетирование и анализ социальных сетей. Задействовали молодежь в возрасте от 16 до 25 лет, чтобы выяснить, какие прецедентные имена они используют и в каком контексте.

Выяснилось, что источники прецедентных имен в молодежной среде весьма разнообразны. Основными являются: 1. Поп-культура: имена известных музыкантов (например, Билли Айлиш, Трэвис Скотт, Тейлор Свифт), актеров (например, Киану Ривз, Анджелина Джоли); 2. Кино и сериалы: имена персонажей популярных фильмов и сериалов (например, Гарри Поттер, Джон Сноу, Уэнсдей Аддамс); 3. Литература: книги, которые читают молодые люди (например, трилогии, фэнтези или молодёжные романы, авторы, которых становятся культовыми среди молодёжной аудитории); 4. Игры: имена персонажей компьютерных игр (например, Minecraft Steve, Master Chief, Kratos); 5. Социальные сети: влияние блогеров, стримеров, тиктокеров (например, MrBeast, Charli D'Amelio), интернет-мемы и вирусные видео: имена персонажей, ставших популярными благодаря интернет-мемам (например, Grumpy Cat, Distracted Boyfriend, Pepe the Frog); 6. История и мифология: имена исторических личностей (например, Цезарь, Наполеон) и мифологических персонажей (например, Зевс, Афродита); 7. Мода и стиль: тренды в одежде, аксессуарах и общем стиле, ассоциирующиеся с определёнными личностями; 8. Межличностное общение: общение с друзьями, сверстниками, членами семьи и т.п.

Изучение ПИ в молодежной среде требует учета особенностей коммуникации в интернете, где формируются и распространяются новые культурные коды. В работах М.А. Кронгауза отмечается, что интернет-язык характеризуется игровым началом, использованием мемов, отсылок и цитат, что способствует активному использованию прецедентных имён [Кронгауз 2014: 87].

Прецедентные имена можно классифицировать по несколькими критериям:

По степени известности: широко известные (например, Гарри Поттер) и локально известные (например, персонаж популярного блогера, известного только в узком кругу).

По эмоциональной окраске: положительные (например, Киану Ривз как символ доброты и щедрости) и отрицательные (например, имя исторической личности, ассоциирующейся с жестокостью).

По сфере влияния: Политические (например, Грета Тунберг), спортивные (например, Криштиану Роналду, Дэвид Бекхэм, Александр Овечкин), научные (например, Илон Маск).

Выбор и использование ПИ в молодежной среде отражает ценностные ориентации молодежи. Анализ используемых прецедентных имён позволяет понять, какие качества и достижения ценятся в молодежной среде, какие исторические события и личности вызывают уважение или неприятие. Например, использование имени Илона Маска может свидетельствовать об интересе к технологиям, инновациям и предпринимательству. Упоминание Греты Тунберг может отражать обеспокоенность экологическими проблемами и стремление к социальной активности. Исторические личности: (например, Наполеон – для обозначения человека с амбициями, Эйнштейн – для обозначения умного человека). Использование этих имен часто иронично и служит для гиперболизации определенных черт характера. Политические деятели: (например, Трамп – как символ эпатажа и непредсказуемости). Использование политических прецедентных имен тесно связано с текущими политическими событиями и отражает отношение молодежи к власти. Деятели культуры и искусства: (например, Шекспир – для обозначения гениального писателя, Ван Гог – как символ творческой личности, страдающей от непонимания). Эти имена используются для выражения восхищения или иронии по отношению к определенным культурным явлениям. Блогеры, стримеры, тиктокеры: (например, Ивангай, Моргенштерн – как символы определенного стиля жизни и популярности в интернете). Эта категория прецедентных имен наиболее динамична и отражает текущие тренды в онлайн-пространстве. Музыканты: (Например, Билли Айлиш – как символ альтернативной культуры, Дрейк – как символ успешного и богатого чело-

века). Музыкальные прецедентные имена часто связаны с определенным музыкальным жанром и отражают музыкальные предпочтения молодежи. Персонажи художественных произведений: литература: (например, Гарри Поттер – как символ избранности и магических способностей, Ромео – как символ влюбленного). Использование литературных прецедентных имен позволяет создать образ, отсылающий к определенному произведению и его смысловому контексту. Кино и сериалы: (например, Шерлок Холмс – как символ дедукции и интеллекта, Дэдпул – как символ цинизма и самоиронии). Кинематографические прецедентные имена чрезвычайно популярны в молодежной среде благодаря широкому распространению фильмов и сериалов. Компьютерные игры: (например, Марио – как символ приключений и победы, Ведьмак – как символ борьбы со злом). Компьютерные игры оказывают значительное влияние на формирование молодежной культуры, что отражается и в использовании прецедентных имен из этой сферы. Бренды: бренды: (например, Apple – как символ инноваций и престижа, Nike, Adidas, Puma – как символ спортивного стиля). Использование брендовых прецедентных имен отражает потребительские предпочтения молодежи и их стремление к определенному статусу. Мемы: (например, Гарольд, скрывающий боль – для обозначения ситуаций, когда человек пытается скрыть свои истинные чувства). Мемы являются важной частью интернет-культуры и часто становятся источником прецедентных имен, используемых для юмористического комментирования ситуаций. Использование мемов с персонажами аниме, например, может говорить о принадлежности к определенной субкультуре.

Прецедентные имена выполняют ряд важных функций в молодежной коммуникации:

Экономия языковых средств: прецедентные имена позволяют передать сложную информацию в краткой форме, опираясь на общие знания и ассоциации.

Экспрессивность: прецедентные имена усиливают эмоциональную окраску высказывания, придают ему выразительность и оригинальность.

Оценочность: прецедентные имена выражают отношение говорящего к объекту высказывания, его оценку и мнение.

Идентичность: использование определенных прецедентных имён может указывать на принадлежность к определенной социальной группе или субкультуре, формируя групповую идентичность.

Социальная связь: обмен прецедентными именами укрепляет социальные связи между членами группы, демонстрируя общие знания и ценности.

Самовыражение: выбор прецедентного имени позволяет молодежи выразить свою индивидуальность, свои убеждения и взгляды на мир.

Исследование прецедентных имен в современной молодежной среде является важным шагом к пониманию особенностей языковой картины мира молодого поколения. Прецедентные имена являются важным элементом современной молодежной культуры. Они выполняют ряд важных функций в молодежной коммуникации, способствуют формированию идентичности, установлению социальных связей и выражению ценностных ориентаций. Использование ПИ отражает интересы, предпочтения и взгляды молодежи, а также позволяет понять, какие ценности и идеалы являются значимыми для молодого поколения.

Список литературы

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 263 с.
3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и культура. Курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 288 с.
4. Кронгауз, М. А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт реконструкции / М. А. Кронгауз // Русский язык и новые технологии / Рук.: Г.Ч. Гусейнов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014. – С. 87–95.
5. Крюкова, И. В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект / И. В. Крюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 10. – С. 261–266.
6. Кушнерук, С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: автореф.

дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / С. Л. Кушнерук. – Екатеринбург, 2016. – 61 с.

7. Меджидова, Х. М. Неофициальная ономастическая система как объект научного исследования / Х. М. Меджидова // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6 (67). – С. 531–534.

8. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 128 с.

УДК 811.161.3

Скачкова В.А.

Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»
г. Гомель, Республика Беларусь

НЕОПРЕДЕЛЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ СЛОВА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цель работы состоит в исследовании лексического наполнения слов с неопределённо-количественной характеристикой на материале лексикографических описаний семантики слов. Автор даёт этимологический анализ некоторых распространённых лексем, выделяет семы неопределённого количества как средства выражения количественной оценки, раскрывает коннотативную природу их значений. Получены выводы о том, что значение 'множество, большое количество' развивается постепенно, чаще на основе метафорического переосмысления основного значения слова; большинство единиц представленной группы имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, придают речи образность и выразительность.

Ключевые слова: неопределённо-количественные слова, лексико-семантическая группа, метафоризация, коннотация, эмоциональность, образность.

INDEFINITE-QUANTITATIVE WORDS IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

The purpose of the work is to study the lexical content of words with indefinite quantitative characteristics based on the material of lexicographic descriptions of the semantics of words. The author gives an etymological analysis of some common lexemes, identifies semes of indefinite quantity as a means of expressing quantitative assessment, and reveals the connotative nature of their meanings. Conclusions have been drawn that the meaning of 'many, many' develops gradually, more often based on a metaphorical re-interpretation of the basic meaning of the word.; Most of the units of the presented group have a pronounced emotional coloring, they give imagery and expressiveness to speech.

Keywords: *indefinite-quantitative words, lexico-semantic group, metaphorization, connotation, emotionality, imagery.*

Слова с метрическим значением древние по своему происхождению, потому что уже в первобытном обществе люди нуждались в определении размеров предметов и явлений. На протяжении исторического развития человечеством разработаны разнообразные системы измерения. Для определения размеров предметов люди использовали части своего тела (сажень, пядь), части строений (стена), различные приспособления (аршин, верста). Многие меры утратили свою актуальность, перешли в разряд устарелых, например – *аршин, локоть, верста*. В настоящее время мы используем все известные меры *метр, километр, грамм, килограмм*, входящие в современную метрическую систему мер.

Но еще издревле существовал и поныне существует ещё один способ выражения неопределённого, приблизительного количества. Это переходные меры, они усложняют и одновременно обогащают систему языка. Они не могут выражать точную меру.

По своему образованию они вторичны, возникли способом переосмысления основного значения, имеют определенную экспрессию, могут передавать и усиливать эмоциональность высказывания.

Слова *рой, грамада, плойма, безліч, гібель, навала* образуют лексико-семантическую группу на основе общности их метафорического значения ‘бесчисленное множество, большое количество чего-н.’.

В говорах Беларуси находим множество таких единиц, проанализируем происхождение и значения некоторых из них.

Слово *рой* ведет свою историю с праславянской эпохи (**rojь* ‘течение, поток’), связано со словами *рака, рынуць* [Фасмер, т. 3: 496]; сравним русск. *рой*, укр. *рій*, польск. *roj*, болг. *рой*, хорв. *roy*. В древнерусском языке эта единица выявлена в значении ‘семья пчёл’ [Материалы для Словаря древнерусского языка, т. 3: 162]. В старобелорусском языке слово имело аналогичное значение [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, т. 2: 186].

В говорах Беларуси северо-западного, северо-восточного языковых массивов Беларуси обозначенная единица наиболее известна в значении ‘семья пчёл’ *Сяньні ў маю борць зыляцеў рой* [Бялькевіч 1970: 389]; Но на основе ассоциативных связей с признаком ‘множество’ возникли и другие значения. ***Рой*** для белорусов – это не только ‘семья пчёл’, это ‘большое количество насекомых’: *Мух рой бызыкае ў хаце* [Тураўскі слоўнік, т. 4: 309]; ‘большое количество животных’: *Цэлы рой ваўкоў* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 4: 302] и даже ‘большое количество людей’: *Цэлы рой дзяцей* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 4: 302].

Обратимся к классике белорусской литературы. Янка Купала использует это слово приблизительно с таким же объёмом значений. В значении ‘большое количество людей’ встречаем слово в таких строчках: *Натхненна гэтак пеў, заводзіў Рой чалавечы на свій лад, – Рака шуміць так ў разводдзе, Так стогне ў буру сосен рад* (Урывак з паэмы).

Производное прилагательное *ройны* поэт включает в строчки своих произведений со значением ‘полный, наполненный чем-либо’: *Мая песня сёння будзе радасцямі*

ройнай, Аб любімых кандыдатах У Савет Вярхоўны (Нашым кандыдатам...).

Современному белорусскому литературному языку слово *рой* известно с тем же объёмом значений, что и в диалектном языке, и в языке Янки Купалы [Глумачальны слоўнік беларускай мовы 1977-1984, т. 4: 714].

Грамада для белорусов – это традиционная форма социальной организации, некоторая группа людей, объединённая общностью положения и ставящая перед собой определённые задачи.

Слово *грамада* достаточно древнее по своему происхождению, встречается буквально во всех славянских языках, сравним: укр. *грома́да* ‘община’, блр. *грамáда*, сербск.-цслав. *грамада*, болг. *грамáда*, *гръма́да*, сербохорв. *грамáда*, словен. *gramáda*, *grmáda*, чеш., словц. *hromada*, польск. *gromada*, в.-луж. *hromada*, н.-луж. *gromada*, является родственным лит. *grāmatas* ‘куча’, *gramantas* ‘ком’, др.-инд. *grāmas* ‘толпа, деревня, община’ [Фасмер 2007, т. 2: 460-461].

Древность подтверждает и многозначность слова в старобелорусском языке, где *громада*, *грамада*, *громада*, *кгромада* было известно в значениях ‘купа, куча’, ‘группа людей, толпа, множество’, ‘круг людей, сообщество (съезд членов)’, ‘полк, войско, группа вооруженных людей, свита’, ‘нечто огромное’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, т.7: 170].

В говорах северных регионов Беларуси наблюдаем варианты слова *грамада* – *грамазда*, *громада*, *грумада*, *грымада*, *гормада*, *румада*. Кроме того, слово сохранило многозначность и известно в значениях ‘группа людей, совокупность’, ‘стадо’, ‘устар. административная единица, район’. Слово активно используется и в значении ‘большая куча чего-л.’: *Зелье лепшэ выбырают для свынэй, а потым складают у гронаду. Шчо гормада, шчо куча – то одно.* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т.1: 475], а также в значении наречия ‘очень много, в большом количестве’: *Громада дров, пыску, каміння, буракы. Грымада буравікоў. Насэпала гормада картопля. На яблыні румада была бубяшкоў. Як сена солім, румада вадэ п’е карова. Рабілі так, каб румада хлеба было*

[Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т.1: 475].

В современном белорусском литературном языке слово также известно как многозначное: ‘что-то большое, массивное’, ‘множество чего-нибудь, собраного в одном месте’ (*Грамада камяніц, раскінутых на вялікіх прасторах, вельмі прыгожа спускалася да даліны* Свіслачы. Якуб Колас.), а также в значении ‘группа людей, толпа’ [Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977-1984, т. 1: 214]. В этом значении находим слово *грамада* в известном стихотворении Янки Купалы «А хто там ідзе?», количественную характеристику слову усиливает эпитет *агромністы*:

*А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
— Беларусы.*

Возникновение слова *плойма* ‘большое количество детей’ связано со словами *плодить, плод* [Фасмер 2007, т.3: 284]. Единицу находим во многих славянских языках, сравним: русск., укр., серб. *плойма*, польск. *płojta*, харв. *plojta*.

В белорусских говорах находим слово также в значении ‘много детей’: *Плойма гэта ўсе гуркі з хаты вынісла* [Бялькевіч 1970: 333]; *Уставайце, дзеткі, ды скарэй бягіце ў грыбы, а то вунь Ляксея павёў ужо сваю плойму* [Каспяровіч: 244], а также для выражэння большого количества иных живых существ (не детей): *У сыбакі блох плойма* [Бялькевіч 1970: 333]; *Эта ня жарты: етая плойма курэй – дзіва што выдзяруць грады!* [Шатэрнік 1929: 218]. В речи белорусско-литовско-польского пограничья выявлены фонетические варианты *плуйма, плэйма*: *Цэлая плуйма коней; Плэйма – вельмы многа* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 4: 14].

Обратимся к произведениям белорусской художественной литературы. В языке Янки Купалы *плойма* – это также ‘бесчисленное количество, множество’ (не про детей): *Покуль іх бандаў рынецца плойма, Покуль на трупах нашых хто стане, На барыкады, Камуна, Да зброі, грамадзяне!* (Парыжская камуна). Приложение *чарада*, присоединенный автором к слову *плойма*, придает ему неповторимую экспрессию, усиливает образность,

точнее раскрывает количественную характеристику: *Ой, бяда ж, бяседа, была Вельмі гучная бяседа! – Не адходзіла ад стала Плойма-чарада суседаў* (Безназоўнае).

В современном белорусском литературном языке единица фиксируется как *разговорная* [Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977-1984, т. 4: 276].

Слово *гібель* является родственным глаголу *гібнуць*, фиксируется только в восточнославянской и южнославянской языковых подгруппах (русск. *гибель*, укр. *гибель*, *гибіть*, ст.-слав. *гыбѣль*, балг. *гібел*, серб.-харв. *гибель*) [Фасмер 2007, т. 2: 404]. В древнерусском и старобелорусском языках оно выражало понятие ‘гибель, пагуба’ [Материалы для Словаря древнерусского языка, т. 1: 618; Гістарычны слоўнік беларускай мовы, т. 6: 278].

В народных говорах Беларуси слово *гібель* имеет значения ‘гибель, пагуба’: *Тамацькі ён гібель сабе знашоў* [Каспяровіч 2011: 79], ‘несчастье’: *Якая гібель – двух хлопцаў згарэла* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1: 441], а также отмечается в значении наречия для выражения ‘бесчисленного количества, множества чего-либо’: *У Платона засталася гібель дроў* [Каспяровіч 2011: 79] и ‘бесчисленного количества, множества кого-либо’: *Качок дзікіх было гібель* [Тураўскі слоўнік, т. 1: 199]; *Там іх гібаль гэтых макрушак* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 1: 441].

Значение ‘бесчисленного количества, множества чего-н.’ развилось, вероятно, с представления о том, что чрезмерное множество каких-либо предметов, явлений может быть в таком количестве, что приведёт к значительному повреждению, к урону, краху, даже к определённой катастрофе. Сложно сейчас предполагать, в каком из восточнославянских языков образовалось такое вторичное значение слова *гібель*. Потому что находим в русском языке, например: *Прильнув к стволам, на проезжего глядели пушистохвостые белки, — гибель в лесах была этой белки.* (А. Н. Толстой, *Петр Первый*); *На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий?* (Н.В. Гоголь, «Мёртвые души»). Или обратимся к произведениям классика белорусской литературы Янки Купалы:

[Марыля]: *Лета не за гарою, скоро касьба пачнецца, жніво, работы гібель* (Раскіданае гняздо).

В современном белорусском литературном языке эта единица сохраняется в первичном значении ‘гибель, пагуба’, а также вторичном – ‘большое количество, множество’, которое классифицируется лексикографами как *разговорное* [Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977-1984, т. 2: 48].

Слово *навала* является производным от глагола *валіць* ‘стремительно идти, двигаться толпой, потоком’. Родственными являются также слова *вал* ‘высокая волна; сомкнутый плотный строй людей’ и *наваліць* ‘чрезмерно наложить чего-л.’. Эту единицу не находим в других славянских языках. Сравним аналогичные по значению в русском языке *скопление* и украинском языке *скупчення*. В старобелорусском языке выявлено слово *навалность* ‘порывистая буря, гроза (навальніца)’, ‘стремительность, порывистость’, ‘множество кого-либо, толпа’, ‘беда, несчастье’ [Гістарычны слоўнік беларускай мовы, т. 18: 307].

В диалектном языке северо-восточной, северо-западной частей Беларуси *навала* – это ‘беда, годе, напасть’: *Навала ў іх хату нейкая ўвалілася – усё гініць* [Касьпяровіч 2011: 196]. На северо-западной территории находим слово *навалач* с пометой *пренебрежительное* ‘сброд’; ‘не коренной житель, приезжий человек’ *Прыцягнулася навалач на нашу галаву!* [Шатэрнік 1929: 163]. На Туровщине замечено употребление однокоренного слова *валом* в значениях ‘много, большое количество’ (*Валом там ягод*) и ‘большой массой, толпой’ (*Отчыні хату, так мухі валом у хатъ лецяць, так лецяць!*) [Тураўскі слоўнік, т. 1: 105].

В языке Купалы слово *навала* по своей семантической структуре является многозначным: ‘большое количество кого-л., скопище’: *А паноў навалу, Іх карэнняў жудзі Помніш ты, Барысаў, – Павек не забудзеш* (Барысаў); ‘чрезмерность чего-л.’: *Мінула пракляццяў навала, год дваццаць у шчасці жыву я* (Паклон мой народу за песні); ‘беда, несчастье’: *Ты зноў сюды лезеш, няшчасны! Ха-ха-ха! Вось так навала!* (Сон на кургане). С аналогичными значениями эта единица фиксируется также в современном белорусском литературном языке [Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977-1984, т. 3: 211].

Очевидно, что значение ‘много, большое количество’ развилось метафорическим способом с образно-ассоциативных представлений о том, что чрезмерность каких-либо явлений может угрожать мирному сосуществованию людей.

В современном русском языке с пометой *просторечное* фиксируется производное от *навала* наречие *навалом* в значении ‘о наличии чего-л. в большом количестве, в избытке’: *Разве это рыбалка? Вы приезжайте к нам на Алтай, у нас тайменей навалом.* (Горышин, Лица встречающих); *Дров в тайге навалом.* (Марысаев, Рыжий черт) [Словарь русского языка 1999, т. 2: 330]. Вероятнее всего слово проникло на территорию России и активно употребляется там в бытовой сфере, даже находим в литературных произведениях, благодаря белорусам, активно переселявшимся в минувшие столетия на территорию соседней страны.

В белорусском языке слова с общим значением неопределённого количества чего-либо достаточно распространённые. Чаще мы встречаем их в бытовой сфере, в разговорной речи. Это или отдельные номинации (*лавина, бездаль, лес, мора* и г.д.), или устойчивые словосочетания (*па горла, дай божа, да чорта, да халеры, як бобу, як грыбоў, як сабак, цэлы воз* и г.д.) с различными оттенками значений и различные по способу образования. Эта лексическая группа открытая, она постоянно пополняется за счёт народных говоров, разговорной лексики и заимствований из других языков.

Диахронический анализ показывает, что в семантическом объёме проанализированных единиц значение ‘множество, большое количество’ развивается постепенно на протяжении исторического развития языка на основе ассоциативных семантических параллелей.

Обращение к произведениям художественной литературы обусловлено теми факторами, что именно в литературных произведениях писатели и поэты отображают те процессы и жизненные реалии, которые происходили в прошлом и происходят в настоящее время.

Список литературы

1. Бялькевіч, І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І. К. Бялькевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.
2. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. М. Булькі: Нац. акад. навук Беларусі; Цэнтр даслед беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск : Беларуская навука, 1982-2017. Т. 1–37. – (https://knihi.com/none/Histarychny_slounik_bielaruskaj_movy_zip).
3. 4. Каспяровіч, М. І. Віцебскі краёвы слоўнік (матар’ялы) / М. І. Каспяровіч. Пад рэдакцыяй М.Я. Байкова й праф. Б.І. Эпімаха-Шыпілы. Выданьне другое, стэрэатыпнае. – Менск : Інстытут беларускай культуры, 2011. — 371 с.
4. Матэрыялы для Словаря древнерусского языка / труд И. И. Срезневского. – Москва : ГИС, 1958. Т. 1–3.
5. Словарь русского языка : В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – (http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/14/ma_233001.htm?cmd=0&istext=1).
6. Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча [Тэкст]: У 5-ці т. / Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч і інш.; Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч / Мінск : Навука і тэхніка, 1979-1986. Т. 1–5.
7. Сцяшковіч, Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 618 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / Пад агульн. рэд. акадэміка АН БССР К. К. Атраховіча (Кандрат Крапіва): У 5-ці т. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. Т. 1–5.
9. Тураўскі слоўнік : У 5-ці т. / [Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–1987.
10. Шатэрнік, М. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчына [Тэкст] / М. Шатэрнік. Беларуская Акадэмія навук. Аддзел гуманітарных навук. Камісія для ўкладання слоўніка жывой беларускай мовы. Пад рэд. М. Я. Байкова і Б. І. Эпімаха-Шыпілы. – Менск : Выданьне Беларускае Акадэміі навук, 1929. – 328 с.
11. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 томах / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп.

О.Н. Трубачева; 4-е изд., стер. – Москва : Астрель: АСТ, 2007.
URL. – (<https://lexicography.online/etymology/vasmer>).

УДК 82.09+82'282+81'42

Старцева И.Л., Шаравин А.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия*

АРХЕТИП МЕДВЕДЯ В РОМАНЕ «ОТРЕЧЕНИЕ» П. ПРОСКУРИНА

В статье анализируется архетип медведя, реализованный в романе «Отречение» П. Проскурина. Обращение к данному тотемному образу русской культуры и литературы определяется социально-культурной ситуацией в русском обществе в связи с соотносительностью медведя и России, а также особой роли медвежьей персонификации в формировании русской ментальности.

Ключевые слова: архетип, тотем, медвежья персонификация, ментальность, П. Проскурин.

Startseva I.L., Sharavin A.V.

*Bryansk State University named
after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

THE ARCHETYPE OF THE BEAR IN THE NOVEL «ABNATION» BY P. PROSKURIN

The article analyzes the archetype of the bear, realized in the novel "Renunciation" by P. Proskurin. The appeal to this totemic image of Russian culture and literature is determined by the socio-cultural situation in Russian society in connection with the correlation of the bear and Russia, as well as the special role of the bear persona in the formation of Russian mentality.

Keywords: archetype, totem, bear personosphere, mentality, P. Proskurin.

Роман «Отречение» (1987-1990) П. Л. Проскурина – завершающая часть трилогии писателя, начатая произведениями «Судьба» (1972), «Имя твое» (1978). Третья книга, по замыслу автора, должна была расставить все акценты в судьбах героев и прежде всего в судьбе Захара Дерюгина. В третьей книге «Отречение» Захар Дерюгин уезжает в глухие зежские леса. Герой находит там работу по призванию, по складу души. Теперь он лесник, защитник и охранник зеленого царства, а, значит, и России. В романной концепции П. Проскурина единственная возможность спасения России – философско-метафизический подход к вопросам жизни. Историософия писателя строится на обновлении христианства славянскими языческими верованиями, которые трактуются автором «Отречения» как возвращение к истокам. Образ Захара Дерюгина – сосредоточение мифологических зооморфных кодов, несущих тайные знания о спасении России. Через весь роман проходит мотив оборотничества главного героя, обретения им медвежьей ипостаси. Исторически образ медведя рассматривался как неофициальный национальный символ России. Исследователи отмечают, что «ассоциирование России с медведем» возникло «в западных культурах около 500 лет назад» [15]; [10]; [15]; [2]; [4]; [14]. В статье «Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь» автором сделано наблюдение о медведе как о «главной и основной тотемной фигуре в русском фольклоре, в связи с этим название данного животного было табуировано» [12, с. 165]. «С приходом христианства медведь в русском фольклоре получил христианские имена, как бы вводящие его в семейную структуру патриархальной семьи русской сказки: Потапыч, Михайло Иваныч, Михаил Потапыч, Топтыгин», – развивает свою мысль исследователь [12, с. 165]. Автор статьи приходит к следующим выводам: «Символ медведя имеет положительную и отрицательную коннотацию и используется для характеристики крупного, сильного, пожилого, доброго и хозяйственного, но и также грузного, глуповатого, неуклюжего человека и даже дурака» [12, с. 167]. Среди положительных коннотаций медведя – «аккумуляция мощи, власти, воли, знания, опыта, природной силы», медведь «считается символом божества, полноправным хозяином леса». Особо отметим, что медведь – воплощение власти и властности. Эти представления корнями

уходят в славянские поверия о животном «как о божестве, сыне верховного небесного божества, человеке-предке, культовом герое» [12, с. 165]. По мнению ученых, в мифологии восточных славян медведь являлся одной из ипостасей бога Велеса [13]. Если в русских представлениях медведь – символ власти, «то в западной культуре медведь лишён своей власти и статуса короля животных. Образ медведя был заменен львом. Это объясняется появлением христианства в Европе, которое уничтожало языческие культы» [12, с. 168]. В русской литературе во многом образ медведя обусловлен фольклорным воздействием. Это «Сказка о медведихе», сон Татьяны о встрече с медведем в романе в стихах «Евгений Онегин», роман «Дубровский» А. С. Пушкина, многочисленные басни (в том числе и И. А. Крылова), сказки «Медведь на воеводстве», «Дикий помещик» М. Е. Салтыкова-Щедрина, стихотворение «Генерал Топтыгин» Н. А. Некрасова, рассказ «Медведи» В. М. Гаршина, шутка-комедия «Медведь» А. П. Чехова. В XX веке – стихотворная сказка «Краденое солнце» К. Чуковского, медведь-кузнец из повести «Котлован» А. Платонова, «Обыкновенное чудо» Е. Шварца о превращении героя Медведя в медведя после поцелуя принцессы, переложение русской народной сказки «Медведь – липовая нога» в одноименную А. Н. Толстым, роман «Школа для дураков» Саши Соколова со вставкой хорор-римейка русской народной сказки о медведе с липовой ногой под названием «*Скирлы, скирлы*», стихотворения русских поэтов от полностью «медвежьих» («Медведь» В. Луговской) до упоминания «хозяина леса» в одной, двух строчках («Зверинец» О. Мандельштам; «Есть земля на севере...» М. Светлов и т.д.).

Образ медведя в произведениях несхожий, воплощающий взаимоисключающие тенденции, амбивалентный. Однако при всех его разнообразных функциях и коннотациях исследователи выделяют тотемную, связанную «с культом группы людей», «считающих его своим покровителем и верящим в общее происхождение и кровную близость с ним» [5, с. 9]. Концепция «медведя – человека и сверхчеловека» заложена еще в древних воззрениях славян [11, с. 272]. Составитель и автор М. Забылин фиксирует: «Данная концепция была связана с верой в существование

родственной связи между человеком и медведем, что также в сознании древних людей «подкреплялось» результатами наблюдений за этим животным, поскольку своим «поведением» медведь напоминал человека: он может передвигаться на двух лапах, умываться, кормить грудью; он нянчит и любит своих детей, молится, печалится, радуется» [11, с. 272]. Так что изображение Захара Дерюгина-медведя-Оборотня не художественный вымысел писателя, а воплощение мифологических воззрений славян.

В романе «Отречение» П. Проскурина лейтмотивной является тотемная функция медведя. Захар Дерюгин, уехав в заповедные зежские леса, обрывает социальные связи. Зато у героя активизируются связи с родом, архетипические, природные. Персонаж П. Проскурина, как уже отмечалось, государственный. Однако обреченность страны на развал и уничтожение, имплицитно ощущаемая им, приводит к усилению взаимодействия с архетипическим на родовом, ментальном уровне. Для крестьян деревень в зежских лесах Захар Дерюгин – человек-оборотень, умеющий превращаться в медведя. Такая легенда презентует по сюжету образ героя в молве и быличках местных жителей. В волшебной сказке медведь – один из главных героев, выполняющий функцию превращения. В. Пропп отмечает, что в сказке персонаж всегда получает помощника, который рассматривается «как персонафицированная способность героя» [6]. Исследователь отмечает: «Герой, превращенный в животное, – древнее героя, получающего животное. Герой и его помощник есть функционально одно лицо. Герой-животное преобразовался в героя плюс животное» [6]. Этой способностью к превращению и награждают Захара Дерюгина жители окрестных сел, для которых он становится мифом, легендой («Судачили о многом: и о том, что... сам Захар в определенные дни, перескочив трижды сам через себя, бродит по чащобе медведем, и лучше в такие моменты ему не попадаться — становится он кровожаден и никого не щадит, ни старого, ни малого; а то часто, стоит ему только захотеть и взглянуть — и любой встречный тотчас каменеет, ни рукой ему не двинуть, ни пальцем шевельнуть; и что с этим он ничего не может поделать, лишь страшно кричит по ночам от звериной тоски; и что определено ему такое за старые грехи и за то, что пошла от него порода,

решившая вознестись выше самого неба, и что его самого ожидает совсем уж нечеловеческий конец: без смерти обратиться в ночного зверя и до скончания земли бродить и томиться в лесной чаще, пугать и доводить до умоисступления сбившихся с пути и блуждающих по лесу, и особенно девок и молодых баб, до которых в своей жизни был он неугомонный охотник. Само собой, мало кто верил в всем этим шушуканьям сельских краснощеких пенсионерок... Но кое-что и прилипало, усиливая и без того множившиеся круги, тем более что именно в год появления Захара на кордоне зежские леса облюбовал молодой, уже начинавший матереть медведь; когда и как он появился, никто не знал, но со зверем в самых неожиданных местах встречались, и он уже получил уважительное прозвище хозяина» [7, с. 9]. Миф о страхе и умоисступлении, которые медведь-Дерюгин вызывает у девок и молодых баб, имеет эротическую подоплеку (она подсказана поведением Дерюгина-человека) и восходит к древним обрядам, определившими «необходимый рубеж, когда становился возможным брачный союз между девушкой и мужчиной, и в которых определенную роль играло мифическое существо» [3, с. 49-66]. В фольклоре сибирских народов зафиксирована сюжеты о сожительстве женщины и медведя. В авторской концепции также акцентирована тотемность медведя, которая в романе «Отречение» подчеркивается и табуированностью его названия. Герои уважительно именуют его «хозяин», что гораздо частотнее употребляется в тексте, чем медведь. «— Парень пошел *хозяина* искать, — лесник незнакомо жестко усмехнулся в седые, неровно выправленные усы и, встретив непонимающий взгляд внука, пояснил: — К нам на пасеку зверь повадился, улья грабит, медок любит... Старый знакомец... Медведь... В округе *хозяином* жалуют. Позавчера два улья разорил, а Денис осерчал, за ружье да в лес. Зелен еще парнишка, горяч... Он *хозяина* по глухомани где-то нашаривает, а тот нынче в ночь опять на пасеку забрел — больно уж медок по душе пришелся. Придется по порткам всыпать *хозяину*... — Прости, дед, — не удержался Петя. — Говоришь, мальчик ушел... зверя убить? Медведя? — Ну да, что тут непонятного? — Убить медведя? — Мало ли что кому в голову втемяшится! — усмехнулся лесник. — С чем пошел, с тем и вернется. — Так спокойно говоришь, — рассердился Петя. — Медведь же, не заяц! — Вот, вот,

не заяц — медведь, *хозяин!* — подтвердил лесник с каким-то особым, одному ему ведомым значением. — Парню и за версту к нему не подступиться! Стар да умен *хозяин...*» [8, с. 22]. Табуированное название медведь заменено на почтительное и уважительное *хозяин*, к тому же выделенное автором курсивом. Именование отсылает к древним языческим истокам, к существовавшему с незапамятных времен медвежьего культа. В табуированном названии медведя отразилась и вера славян в его человеческое происхождение. Кстати, можно отметить еще одно табуированное имя медведя в словаре В. И. Даля — «лесник», еще раз имплицитно подчеркивающую связь «хозяина леса» с Захаром Дерюгиным. Герой обладает сверхзнанием о медведе, так он ощущает, что его правнуку еще не суждено встретить зверя: «От нерассуждающего сознания собственной силы *хозяин* шел напрямик; он знал о присутствии Захара в своем, принадлежавшем только ему мире и давно примирился с этим обстоятельством — между этими двумя, столь разными существами уже давно установилась, и оба об этом знали, и никогда не обрывалась своя особая внутренняя связь; по сути дела она не обрывалась и в холода, когда *хозяин* залегал на зимовку. Таких укромных мест у него было несколько, и всякий раз лесник не мог успокоиться, пока не определялось место очередной зимовки *хозяина...*» [8, с. 23-24]. Также и зверь осознает эту двухстороннюю связь, для него лесник — часть леса, органичная составляющая его мира («Лесника нужно было избегать и бояться, но именно этот человек для хозяина уже давно стал жизнью леса, и хозяин уже не разделял леса и человека с кордона, как не разделял зимы и лета; все было всем, переходило из одного в другое без границ и потрясений») [8, с. 24]. Захар Дерюгин в своих представлениях о хозяине леса исходит не из современных научных теорий, а из древнейших тотемных отношений с животным как прародителем и основателем славянского племени. По верованиям родов, почитавших культ медведя, его нельзя было убивать без особых ритуалов. И Захар Дерюгин усыпляет медведя, разорвавшего его пасеку, подсыпав в бочонок с медом две больших ампулы снотворного. Показательны две противоположные позиции героев: Петр, городской житель, внук лесника, видит в заснувшем медведе добычу, охотничий трофей, а Захар Дерюгин понимает, что без такого зверя

русский лес потеряет свою субстанциальную основу, и хочет заключить с ним договор о сосуществовании: «... он лежал на боку, прикрыв круглую голову передней лапой, с полуоткрытой пастью, с притупленными желтыми клыками и слегка высунутым языком; сон у Пети сразу пропал. Он обошел вокруг, присел, с недоверием, осторожно потрогал громадную темную подошву зверя. — Махина! — от души восхитился он. — Такой шкуры на весь кабинет хватит, никакого ковра не надо... До чего же хорош, бандит! Дед, что теперь с ним делать? — спросил он хрипловатым шепотом. — Где у тебя топор? Давай сбегая... Топором его... Топором! Топором по башке

— Ух, прыткий, — с некоторой досадой и неодобрением осадил внука лесник. — Ишь, сразу топором! Кровь-то хоть живую видал? А ты знаешь, в зежских лесах осталось пять или шесть таких зверей? А без зверя какой же лес? Нет, я его сейчас свяжу своим способом, от пасеки оттащим, к дереву приторочим, вот очухается, я с ним по-свойски, скажу нехорошо, мол, хозяин, своих грабить, у нас с тобой такого уговора не было... Давай столкуемся, мир или война... Жалко с ним так-то, а по-другому не уговоришься, ничего, притерпится...» [8, с. 24]. Договор, который заключает лесник со зверем, — отражение архаического обряда. Обращении Захара Дерюгина к животному подчеркнуто антропологично, он называет его или табуировано шатун, или обращаясь как к человеку (гостек, попенял, разбойничать, не столкуемся, по-соседски, ладить, лесной мужик, при этом нарушивший договор с лесником медведь не назван Дерюгиным хозяином): «— Так-то, гостек, — тихо попенял лесник окончательно выбившемуся из сил зверю, неподвижно и затравленно глядевшему маленькими бурыми глазками. — Будешь, шатун, разбойничать? Уж по нужде бы, а то ведь от прихоти ломишь... Нехорошо, так-то мы с тобой жить не столкуемся... Тебе лес нужен, мне нужен, вот и давай по-соседски ладить...»; «— Больше не припожалует, теперь ему до конца наука, озоровать не станет, умен лесной мужик...» [8, с. 25]. Во время заключения договора происходит перерождение лесника в зверя, он становится человеком-медведем, преобразается в хозяина леса («Он часто поглядывал на деда, продолжавшего не отрываясь смотреть на зверя, на его попытки освободиться, и ему

начинало казаться нечто невероятное: и дед, и зверь как бы слились в одно целое. Петя чертыхнулся и потряс головой — дед разделился с медведем, начинавшим обессиливать...» [8, с. 25]. П. Проскурин использует фантастический прием, однако его задача — заставить читателя поверить в реальность этого слияния медведя и человека. Писатель не объясняет происходящее ни сном, ни гипнозом, ему важно в единстве человека и зверя передать живую связь русских с изначальными истоками славянской ментальности, с родовым тотемом, синкретичность всего живого в мире природы. П. Проскурин художественно фиксирует: в связи с умиранием российского государства происходит вечное возвращение нации к родовым началам через тотемность, вечное обновление русской ментальности для нового круга истории.

Слияние медведя и Захара Дерюгина в едином антропо-зооморфном образе П. Проскурин еще раз воплотит в романе после схватки его правнука с хозяином леса: «У основания каменного выроста с затухающим, утробным ревом, разрывая влажный под слоем мха известняк конвульсивными беспорядочными ударами когтистых лап, пытался приподняться и еще не упускал из вида своего врага старый, матерый зверь; хозяин лежал на боку, мучительно поводя большой круглой головой, из раскрытой пасти у него била какая-то липкая, с черными сгустками пена; под левой передней лапой тускло поблескивала медная рукоятка ножа, ушедшего в косматую тушу на всю глубину... И затем наступил совсем уже непереносимый момент; горячая пелена с радужными проблесками заструилась у него перед глазами, и в облике издыхающего зверя на какое-то горячее мгновение проступил облик старого лесника; Денис даже уловил взгляд деда, его скупую усмешку и вслед за тем ясно услышал слабый, далекий голос. Он заставил себя удержаться, не провалиться в затягивающий омут и, обессиленно цепляясь за ствол дерева, сполз на мох. По большому, уже как бы уходящему в землю телу хозяина последней волной прошла дрожь, он слабо шевельнул лапами, затих, и тогда медленная, убивающая тоска вошла в Дениса; свершилось нечто не подвластное никакому объяснению, невозможное, непоправимое» [9, с. 61].

Сцена смерти медведя имеет в романе многогранное значение и акцентирует несколько ключевых аспектов, создающих дополнительное смысловое и эмоциональное финальное напряжение в романе. Начинается заключительная часть «Отречения», несущая развязку действия, с мотива единения Дениса и хозяина леса, медведя. Код взаимосвязи обусловлен родством героя с Захаром Дерюгиным, ипостасью зверя. Да и из его воспоминаний становится понятно, что дух медведя приходил к нему в детстве. Дениса зовет лес, он слышит его и ощущает неодолимое притяжение («Готовясь ко встрече с самым сокровенным в себе, к открытию в себе чего-то самого тайного и необходимого, Денис ушел с кордона в редкостном напряжении — в нем уже безраздельно жил зов леса...») [9, с. 58]. Взаимосвязь с природой предсказывает герою и открытие какой-то тайной сокровенной части самого себя. Денис обретает особое состояние, его охватывает чувство леса, он становится частью зеленого царства («Что-то, словно толкнув его изнутри, заставило на минуту приостановиться; он уловил отдаленный гул, почувствовал слабое движение душной и влажной тьмы вокруг. Глубоко втянув в себя воздух, отдающий лесной прелью, он... окончательно забывая обо всем, неслышным, быстрым шагом скользнул дальше, безошибочно определяя нужное направление. Сразу же вернулось прежнее, глубоко свое, единственное ощущение близости с лесом, казалось, уже потерянное навсегда; он шел, не задевая даже случайно ни одной ветки, ни одного куста; он уходил от подступавшей грозы, стараясь опередить ее и укрыться в надежном месте раньше, чем она разразится в полную силу в старом, большом лесу... во много раз как бы увеличенная самим лесом» [9, с. 58]. Герой обновляется физиологически: «... радость движения в нем, физическая радость самого тела усиливалась» [9, с. 58]. Ощущаемая Денисом полнота бытия – ожидание перехода в новое состояние бытия, сакрального перерождения от предвещаемого общения с хозяином леса. Предчувствуемая встреча с медведем – это инициация, которую проходит герой. Необходимым ее условием становится обретение героем нового мироощущения своего я в окружающем растительном мире. Инициация всегда пересечение какой-то границы, для Дениса это пресечение границы между ци-

вильзованным и архаичным обществами. Этот ритуал всегда сопровождается символической смертью проходящего испытание, которая открывает ему переход от профанного к сакральному, вхождение в мир мертвых и обратное возвращение из него, связь с прошлым и одновременное нахождение в архаичном и цивилизованном обществах. Перед первой встречей-общением с хозяином леса и происходит символическая смерть Дениса («Он хотел сесть, не смог, лишь едва шевельнулся — что-то держало его. Он удивился еще больше, тело было чужим и мертвым, оно не слушалось и не отзывалось. Скосив глаза, стараясь рассмотреть что-нибудь рядом и увидев крошево камня, покрытое густой сиреновой изморосью, он растерянно прислушался: стояла невероятная даже для гор, мертвая, пугающая тишина, такой тишины никогда не бывает в жизни. «Нет, нет, — сказал он себе, — я жив, я не умер, так ведь не умирают или действительно есть тот, потусторонний мир и в нем своя безмолвная жизнь? Редкие, смутные тени... Что же с того? Зачем пугаться, если так положено? Пугаться ничему нельзя, даже самому невероятному, пусть все свершается по своим законам» [9, с. 58]. Умирание Дениса переносит его в мир духов-предков, где он и увиделся с тотемным образом медведя: «Он оторопел, из густого тумана вышел сам *хозяин*, сел рядом и, угнув лобастую голову, с каким-то человеческим, осознанным любопытством, но по-звериному пристально глядел на него, и глаза у него влажно поблескивали... что сейчас нужно хозяину и каким образом он здесь появился? До дрожи обрадовавшись, Денис смотрел на *хозяина* без прежнего страха; в чуждом враждебном мире появилось земное родное сейчас существо и принесло с собой знакомые запахи, исчезнувшие было звуки. И тогда у Дениса, помимо его желания, появилась слабая улыбка... И *хозяин*, приоткрывая пасть, засмеялся. Денис оторопел и только во все глаза глядел, ожидая теперь уже любых чудес. «Ну, вот видишь, как оно получается, — сказал *хозяин*, сложив лапы на груди крест-накрест, точь-в-точь как старая уставшая женщина. — Помнишь, ты хотел меня убить, а теперь вот тебя самого...» «А ты? Тебя, значит, тоже убили? Конечно, зачем же я спрашиваю, — подсадовал Денис, — все и без того ясно...» «Ничего тебе не ясно, — возразил *хозяин*. — Я совершенно не убитый...» «Ничего не понимаю, — поразился Денис. — Как же ты здесь?» «Я не

здесь, — опять не согласился *хозяин*, — я дома, я далеко... очень уж жалко тебя стало... Поиграть не с кем». «Поиграть? — озадачился Денис. — Постой, постой! — затосковал он. — Куда же ты?» [9, с. 59]. Мир, в котором произошла встреча с хозяином, воспринимается героем как реальный, и только медведь подсказывает ему о потусторонности континиума. Зверь говорит о нем как о далеком доме, общем для животных и людей, однако Денис не может разгадать эту загадку, и его состояние умирания продолжается. Герой в своих воспоминаниях, воспринимаемых им как реальность, снова оказался в схватке с наркоторговцами и заново пережил ощущение подступающей смерти. Второе умирание героя прервано его возвращением в привычную действительность, и опять помощником в переходе из потустороннего выступает медведь («Откуда-то из сиреневой тьмы опять вышел *хозяин*, сел рядом, грустно посмотрел, добродушно заворчал, толстым, большим языком облизал ему лицо, затем поднял его, прижал к себе и, встав на задние лапы, понес... Прижавшись к мохнатой, пахнувшей зверем груди, Денис закрыл глаза и ощутил упруго свистящий воздух — его словно освободили наконец от тяжелого и бессильного тела, взяли, подняли высоко в небо и стремительно понесли; он уже знал, что это его последний полет и ничего другого уж не будет. И тогда он открыл глаза, из которых ушла боль, и ясно увидел землю внизу; темная, притихшая, она сливалась в какую-то одну бесконечную массу, мелькали внизу горы, пустыни, неровные вздутия морей, и скоро он понял, что под ним проносится уже Россия с ее реками, равнинами и лесами» [9, с. 60]. Полет Дениса над Россией — отсылка к гоголевскому «вдруг стало видимо далеко во все концы света», когда пред «бывальыми людьми» открывается вся южная Малороссия [1, т.1-2, с. 239]. Сворачиваемость пространства у Гоголя, способствующая его визуальному охвату, в романе П. Проскурина выступает как расширение русского хронотопа (для чего писатель и выбирает вид сверху во время полета), как вхождение ментального оттиска-кода России в душу героя. Дальнейшее развитие сюжета кажется противоречащим предыдущим ситуациям встречи-общению героя с тотемом хозяина леса. Медведь внезапно нападает на Дениса, и он убивает зверя. Смерть хозяина

леса ощущается героем как собственная: «... несколько мгновений Денис смотрел... с каким-то невыразимым чувством и своего собственного исчезновения, не сводя расширенных, налитых зеленой тьмой глаз с хозяина» [9, с. 61]. Ощущение своего умирания обусловлено убийством Оборотня (и символическое прадеда Захара Дерюгина, и реальное медведя) и рождением нового антропо-зооморфного Дениса, замещающего в единении с тотемом предков лесника. П. Проскурина дает намек на это перерождение героя, в несобственно-прямой речи называя произошедшее «предвестием подлинной жизни»: «Большие, тупые и стершиеся за долгую и трудную жизнь когти хозяина почему-то особенно болезненно действовали на Дениса, и он, до последней встречи с хозяином, вообще-то, счастливый, уверенный в себе человек, даже определивший уже, пожалуй, чуть ли не весь свой дальнейший путь, нашел, что стоит лишь в каком-то преддверии и совершенно ничего не знает, что все до сегодняшнего дня было для него лишь слабым, безобидным предвестием подлинной жизни» [9, с. 61]. Нападение медведя на героя обусловлено безумством зверя, вызванного ядерной катастрофой в заповедном лесу. Медведь для древних славян, по Забылину, был носителем клятвы, гарантом общего мироустройства. Им заключен договор с человеком на охрану зежских лесов, и ядерная катастрофа воспринимается животным как нарушение договоренностей. Поэтому медведь и нападает на Дениса, тот для зверя является представителем человечества и должен быть наказан за нарушение клятвы. Однако кроме логики развития действия в романе, в смерти медведя-предка-тотема заложен и особый архаический обряд. Денис не понимает ритуальную сторону произошедшего: Захар Дерюгин обретает новую ипостась русского странника (этот образ в его глубинных связях с Россией писатель раскрывает в романе «Число зверя») и покидает зежские леса, а правнук, получая антропо-зооморфный образ, сливаясь с предком-тотемом, замещает прадеда в функции хранителя русского зеленого царства. Неслучайно в конце произведения рукопись академика Обухова о спасении зежских лесов, за которой охотятся спецслужбы, оказывается у Дениса. А роман завершается строками, провозглашающими целью и единственным смыслом жизни героя защиту русского леса: «— Жить все равно надо, ничего другого нет, у тебя

есть твои русские леса... Кому же ты их оставишь? Ничего другого просто нет, Денис... Как же по-другому? Быть русским не только право, жизнь — обязанность» [9, с. 77].

П. Проскурин в романе «Отречение», разочаровавшись на данном этапе в возможностях социальных преобразований, разрабатывает оригинальную историософию России. Его проекция мифологического обусловлена возможностью начать исторический процесс собирания-единения русских как нации заново на основе перекодировки их родовой, ментальной сущности в сторону взаимосвязи с природным началом, предками, стихиями земли, огня, воды и воздуха.

Список литературы

1. Гоголь, Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17-ти т. Т.1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород / Н. В. Гоголь. — Москва : Изд-во Московской Патриархии, 2009. — 664 с.

2. Жаковска, М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX-XX вв. / М. Жаковска // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1. — С. 15–19.

3. Кернер, В. Ф. Медведь в обрядах перехода / В. Ф. Кернер // Образы и сакральное пространство древних эпох. — Екатеринбург, 2003. — С. 49–66.

4. Клещенко, Л. Л. «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе / Л. Л. Кернер // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 3. — С. 806–822.

5. Леонтьев, А. И., Леонтьева, М. В. Истоки медвежьей Руси / А. И. Леонтьев, М. В. Леонтьева. — Москва : Алгоритм, 2007. — 240 с.

6. Пропп, В. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=4678> (дата обращения: 11.05.2025).

7. Проскурин, П. Отречение / П. Проскурин // Роман-газета. — 1989. — № 19 (1121). — 129 с.

8. Проскурин, П. Отречение / П. Проскурин // Роман-газета. — 1990. — № 21 (1147). — 81 с.

9. Проскурин, П. Отречение / П. Проскурин // Роман-газета. — 1990. — № 22 (1148). — 79 с.

10. Россомахин, А., Хрусталеv, Д. Россия как медведь / А. Россомахин, Д. Хрусталеv // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 1. – С. 132–140.

11. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / сост. М. Забылин. – Москва : Березин, 1880. – 629 с.

12. Сиссе Кумба. Тотемный символ, персонаж русских сказок – медведь / Кумба Сиссе // Неофилология. – 2020. – Т. 6. – № 21. – С. 164–169.

13. Славянский пантеон. Велес. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://myfhlology.info/gods/slavyans/veles.html> (дата обращения: 11.05.2025).

14. Спутницкая, Н. Ю. Образ «русского медведя» в комиксах США и его медиарепрезентации / Н. Ю. Спутницкая // Мир комиксов – 2021: диапозитивы, комиксы жанра хоррор и военной тематики / под ред. Ю. А. Магеры. – Москва; Екатеринбург : Фабрика комиксов, 2021. – С. 95–101.

15. Hudabiunigg I. Der «Russische Bär» – redivivus? // Narrative Konstruktion nationaler Identität / ed. by E. Reichmann. St. Ingbert, 2000. – P. 251–281.

16. Riabov O. The birth of the Russian bear? The bear symbol in the satirical journals of the 1905 Russian Revolution // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. – 2020. – № 1. – P. 139–168.

УДК 81`37

Стародубец С.Н., Головачева О.А.,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ
Колегова О.Ю.
МГИМО МИД РФ, г. Москва, РФ

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ СЛОВООБРАЗ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

В статье исследуются особенности индивидуально-авторского словообразования в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева. Цель исследования – выявить характерные

особенности и функции уникальных лексических единиц в его поэзии. Результаты исследования показали, что наиболее продуктивной группой окказионализмов являются адъективные композиты (78 единиц, по данным Голованевского, 2009). Индивидуально-авторские композиты Тютчева отражают его мироощущение и служат экспрессивно-эмотивным целям. Новообразования создают яркие образы и содержат многослойную семантику, что раскрывает идиостиль поэта.

Ключевые слова: индивидуально-авторский словообраз, композиты, Ф.И. Тютчев, поэтический дискурс, адъектив.

Starodubets S.N., Golovacheva A.O.

Bryansk State University

named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

Kolegova O.Yu.

MGIMO University, Moscow, Russia

INDIVIDUALLY-AUTHORED WORD FORMATION IN THE POETIC DISCOURSE OF F.I. TYUTCHEV

The article explores the features of individually-authored word formation in the poetic discourse of F.I. Tyutchev. The aim of the study is to identify the distinctive characteristics and functions of the poet's unique lexical units. The results show that the most productive group of occasionalisms are adjective compounds (78 items, according to Golovanevsky, 2009). Tyutchev's idiolectic compounds reflect his worldview and serve expressive-emotive functions. These neologisms create vivid imagery and contain multilayered semantics, revealing the poet's idiosyncrasy.

Keywords: *individually author's word formation, compound words, F.I. Tyutchev, poetic discourse, adjectives.*

Лирику великого русского поэта Ф.И. Тютчева отличает особое чувство языка. На эту специфическую особенность обращали внимание исследователи его творчества: А.Л. Голованевский [Голованевский 2009], Н.В. Атаманова [Атаманова 2012], А.В. Иванов [Иванов 2019], С. Н. Стародубец [Стародубец 2022] и др.

В художественном тексте *словообраз* – это значимое слово, которое приобретает новые смыслы и выполняет эстетическую функцию.

«Словообраз является следствием особого осмысления реалий мира, воплощением творческого его познания, а значит, мир видится преобразованным, субъективно воспринимаемым, представляя собой отражение отражения» [Туктангулова 2007: 106-107].

Словообраз и *ключевое слово* – смежные, но не идентичные понятия. Полагаем, что ключевое слово может не быть словообразом, например, продуктивный термин в произведениях Даниила Гранина об учёных.

В поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева, как упорядоченной поэтической системе, все слова обладают образной нагрузкой, эксплицитной либо имплицитной.

При этом окказиональное слово вдвойне реализует свой образный потенциал посредством «аномальной» структуры.

В «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» А.Л. Голованевского [Голованевский 2009] нами зафиксировано 94 индивидуально-авторских языковых единицы, которые являются композициями.

Наиболее продуктивная группа – адъективные композиты (78); образованные на основе сочинительной связи компонентов: *безлюдно-величавый, божеско-всемирный, блаженно-равнодушна, блаженно-рокового, воздушно-светозарный, гордо-милые, гордо-молодой, грозно-боевые, грозно-милые, грустно-бледная, грустно-молчалив, грустно-сиротеющий, звучно-ясный, изящно-дивные, кроваво-роковые, кроваво-тусклое, ласково-ручной, лукаво-смирный, мглисто-золотой, мило-благодатна, мило-невозможное, мирно-боевой, младенчески-живой, молодо-прекрасный, мучительно-отрадные, мучительно-старинную, небесно-голубиной, нежданно-милых, незабвенно-дорогим, незримо-роковая, неопытно-младые, нетленно-чисто, неугасимо-пламенного, огненно-живые, опально-мировой, отверсто-пламенное, пасмурно-багровый, пламенно-живые, пламенно-чудесной, признатьельно-свободных, примерно-христианскую, притворно-беспечный, пышно-золотой, родственно-знакомо, свое-равно-весел, сизо-темно, сочувственно-глубокой, таинственно-*

волшебных, торжественно-угрюмый, тревожно-пустой, тускло-рдяным, удушливо-земное, умильно-бледного, царственно-прекрасный, целомудренно-свободный, холодно-бесцветно, человечески-благое, человечно-искренний, черно-пламенное (59).

Адъективы, образованные на основе подчинительной связи компонентов: *вольнорождённых, бессмысленно-нема, бешено-игривый, болезненно-яркий, волшебнo-немой, вседвижущий, градо-зизждущий, градо-рушащей, гроздоносящий, громокипящий, животрепетный, младенчески-беспечный, огнецветной, правоправящий, праздно-изумленным, пророчески-неясный, пророчески-прощальный, пророчески-слепой, ужасно-строги, умильно-бледного, усыпительно-безмолвны* (21).

Композиты-субстантивы: *предтеча-истребитель, Север-Чародей, сладкогласья, провозвестница-жена, сладкопевность* (5).

Адвербиальные композиты: *богохульно-добродушно, дымно-легко, мглисто-лилейно, опрометчиво-безумно, туманисто-бело; круговращаясь* (6).

Композиты – слова категории состояния: *грустно-безответно, пусто-необъятно, родственно-легко, холодно-бесцветно* (3).

Индивидуально-авторские адъективы первой группы первой подгруппы, как правило, фиксируют семантическую интерференцию входящих компонентов посредством сближения сем: *Я пил восторга дикий пламень, / И пил, и млел, и трепетал, – / И с кротостью небесно-голубиной / Твои уста улыбка обвевала* («Кораблекрушение», 1827-1829).

Небесно-голубиный – адъектив, обозначает признак, символизирующий исключительно возвышенное осмысление качества объекта (кротость), отсылающего к образу голубя как олицетворению Святого Духа; буквально – «неземной, возвышенный, одухотворённый». Способ образования окказионализма – сложение. В тексте композит имеет высокую степень окказиональности, т.к. выполняет функцию олицетворения, однако названным свойством автор наделяет абстрактное существительное (*кро-*

тость), которому вместе с тем приписываются качества не человека, что было бы типично для художественных текстов, а Святого Духа.

И мне казалось, что меня / Какой-то миротворный гений / Из пышно-золотого дня / Увлёк, незримый, в царство теней («Ещё шумел веселый день», 1848).

Пышно-золотой – адъектив, номинирует и характеризует признак объекта (день) как роскошного (= пышного) и ярко-жёлтого (= золотого); буквально – «великолепный в сиянии золота». Способ образования окказионализма – сложение. Полагаем, что в смысловом наполнении композита присутствует гиперсемантизация, мотивированная вторым компонентом (*золотой*), в имплицитной зоне которого во всех лексико-семантических вариантах заключены семы не только колористики, но и дороговизны.

Гиперсемантизация характерна, на наш взгляд, и для номинаций *неопытно-младые, нетленно-чисто, примерно-христианскую, родственно-знакомо, тревожно-пустой, царственно-прекрасный, человечески-благое, человечно-искренний*.

В лирике Ф.И. Тютчева зафиксированы адъективы-компози́ты с противоположной семантикой компонентов: *Увёл тебя под кров родной / От всех маневров и учений, / Казарм, тревог и заточений, / От жизни мирно-боевой* («Послание к А.В. Шереметеву», 1823).

Мирно-боевой – адъектив, обозначает признак, фиксирующий пограничное состояние объекта (жизнь); буквально – «нестабильный, сложный, противоречивый, переходящий от спокойного (мира) к беспокойному (учениям, боевым действиям)». Способ образования окказионализма – сложение. Композит выполняет экспрессивную и стилистическую функцию.

Но тебя, твой стан эфирный, / Сих ланит волшебный цвет, / Этот взор лукаво-смирный / – Не создаст сего поэт («Друг, откройся предо мною...» («Из Гейне»), 1823-1829).

Лукаво-смирный – адъектив, обозначает двусмысленный признак, объединяющий неискренность, изворотливость (= лукавство) и кротость (= смирение); буквально – «обманчивый, притворный». Способ образования окказионализма – сложение. Функция лексической единицы оценочная.

Первая группа вторая подгруппа.

*Лучом поднявшись к небу, / он Коснулся высоты заветной
– / И снова пылью **огнецветной** / Ниспасть на землю осуждён*
(«Фонтан», 1836).

Огнецветный – адъектив, номинирует признак, ассоциативно соотносящийся с «цветом огня», «игрой языков пламени»; буквально – «огненный, огненно-оранжевый с многочисленными переходами в желтый, красный с их различными оттенками». Способ образования окказионализма сложно-суффиксальный. Композит выступает средством развертывания и в то же время концентрации информации.

*Черней и чаще бор глубокий – Какие грустные места! Ночь
хмурая, как зверь **стоокий**, Глядит из каждого куста!* («Песок
сыпучий по колени», 1830).

Стоокий – адъектив, обозначает признак, ассоциативно соотносящийся с мотивационной базой «сто ок (=очей)»; буквально – «всевидящий, пронизательный». Способ образования окказионализма сложно-суффиксальный (с участием нулевого суффикса).

Вторая группа.

*О Север, **Север-Чародей**, / Иль я тобою околдован? / Иль в
самом деле я прикован / К гранитной полосе твоей?* («Глядел я,
стоя над Невой...», 1844).

Север-Чародей – субстантив, фиксирует предметную и качественную составляющую имени, по модели приложения; буквально – «чарующий Север» (в стихотворении лирический герой таким образом выражает свою любовь к Петербургу). Композит создает оценочную перспективу текста.

*Воспой и силой **сладкогласья** / Разнежь, растрогай, пре-
врати / Друзей холодных самовластья / В друзей добра и красоты*
(«К оде Пушкина на Вольность», начало 1820-х).

Сладкогласье – субстантив, номинирует и характеризует предмет, который одновременно обозначает и качество его самого; буквально – «сладкий голос», однако контекст демонстрирует возникновение новых смыслов: прежде всего, мощную силу воздействия на собеседников, силу, которая может глобально изменить человека. Способ образования окказионализма сложно-суффиксальный (с участием суффикса «-j»).

Третья группа.

*Гроза, нахлынувшая тучей, / Смутит небесную лазурь / И **опрометчиво-безумно** / Вдруг на дубраву набежит...* («Как весел грохот летних бурь...», 1851).

Опрометчиво-безумно – наречие, фиксирует образ действия («набежит» как? каким образом?); буквально – «необдуманно в самой высокой степени, граничащей с безрассудством». Способ образования окказионализма – сложение полюсных единиц синонимического ряда, при этом актуализируются семантические связи единиц одной семантической парадигмы.

*<...> Когда чужим страстям послушный, / Игранице и жертва темных сил, / Так **богохульно-добродушно** / Он божеством себя провозгласил...* («Ватиканская годовщина», 1871).

Богохульно-добродушно – наречие, номинирует противоречивый образ действия («провозгласил» как? каким образом?); буквально – «лицемерно, притворно, неискренне и равнодушно, оскорбительно и непочтительно в первую очередь по отношению к Божественному критерию духовности и нравственности» и в то же время *добродушно* – «мягко, душевно, приветливо незлобиво». Здесь сема лицемерности присутствует во втором компоненте композита, который без сцепления с первым такой смысловой нагрузки не имеет.

Четвёртая группа.

*Всё лучше там, светлее, шире, / Так от земного далеко... / Так разное с тем, что в нашем мире, – / И в чистом пламенном эфире / Душе так **родственно-легко*** («Е.Н. Анненковой, 1859).

Родственно-легко – слово категории состояния (= безлично-предикативное наречие), обозначает состояние субъекта (душе); буквально – «непринужденно, естественно». Способ образования окказионализма морфолого-синтаксический: переход наречия в слово категории состояния.

*И всё для сердца и для глаз так было холодно-бесцветно, Так было **грустно-безответно**, – Но чья-то песнь вдруг раздалась...* («Сентябрь холодный бушевал...», 1863).

Грустно-безответно – слово категории состояния, обозначает состояние субъекта; буквально – «печально, одиноко, не находя ответа». Способ образования окказионализма морфолого-синтаксический: переход наречия в слово категории состояния.

Таким образом, с помощью индивидуально-авторских композитов Ф.И. Тютчев отражает свое видение мира, свое настроение, состояние, транслируя экспрессивно-эмотивное посредством уникальных лексических единиц, которые стимулируют возможность разной дешифровки читателем сложного слова. В процессе текстового «развертывания» композита, комбинаторики эксплицитного и имплицитного проявляются новые смысловые составляющие, стилистические нюансы, авторская интенция.

Новообразования Ф.И. Тютчева выполняют как функции, характерные для художественной речи в целом (экспрессивную, оценочную и др.), так и функции, свойственные слову только в идиостиле автора: олицетворения, развертывания или свертывания информации и т.д.

В процессе создания новых слов идет и процесс возникновения новых, нередко парадоксальных, ярких образов, что привлекает внимание читателя и репрезентирует творчество удивительного мастера слова в необычном ракурсе.

Список литературы

1. Атаманова, Н. В. Звукообраз гул в русской лингвокультуре и поэтической звуковой картине мира / Н. В. Атаманова // Казанская наука. – 2021. – № 1. – С. 32–35.

2. Атаманова, Н. В. Изучение поэтической языковой личности Ф.И. Тютчева в истории и современности / Н. В. Атаманова // Ф.И. Тютчев и русская культура : Материалы Национальной научно-практической конференции, посвященной 220-летию со дня рождения Фёдора Ивановича Тютчева, Брянск, 05 декабря 2023 года. – Брянск : Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2023. – С. 14–28.

3. Атаманова, Н. В. Предложно-падежные конструкции с предлогом от в поэзии Ф. И. Тютчева / Н. В. Атаманова, Н. В. Трошина // Русский язык в школе. – 2024. – Т. 85, № 4. – С. 70–78.

4. Атаманова, Н. В. Ф. И. Тютчев как поэтическая языковая личность: от истории к современности (к 220-летию со дня рождения) / Н. В. Атаманова. – Брянск : Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – 188 с.

5. Атаманова, Н. В. Исследование феноменальности и уникальности Ф. И. Тютчева как языковой поэтической личности / Н.В. Атаманова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-fenomenalnosti-i-unikalnosti-f-i-tyutcheva-kak-yazykovoy-poeticheskoy-lichnosti> (дата обращения: 22.07.2025).

6. Голованевский, А. Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева / А. Л. Голованевский. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – 962 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-fenomenalnosti-i-unikalnosti-f-i-tyutcheva-kak-yazykovoy-poeticheskoy-lichnosti> (дата обращения: 21.07.2025).

7. Голованевский, А. Л. Ф.И. Тютчев как «реставратор» русского слова / А. Л. Голованевский // Русская речь. – 2012. – № 3. – С. 3–6.

8. Иванов, А. В. Мысль и ее диалектика в поэзии Тютчева / А. В. Иванов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mysl-i-ee-dialektika-v-poezii-tyutcheva> (дата обращения: 22.07.2025).

9. Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя : избр. ст. / Б. А. Ларин. – Ленинград, 1974. – 285 с.

10. Туктангулова, Е. В. Ключевое слово - словообраз - художественный концепт как универсальные текстообразующие константы художественного текста / Е. В. Туктангулова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 8. – С. 105–109.

11. Тютчев, Ф. И. Стихи / Ф. И. Тютчев. – URL: <https://www.culture.ru/literature/poems/author-fedor-tyutchev> (дата обращения 21.07.2025)

12. Стародубец, С. Н. Философский план содержания в эстетическом дискурсе / С. Н. Стародубец // Текст. Язык. Человек : Сборник научных трудов XI Международная научная конференция в рамках Недели русского слова в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина. В 2-х частях, Мозырь, 18–19 ноября 2021 года / Редколлегия: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Том Часть 1. – Мозырь: установка адукацыі «Мазы́рскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна» = учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина», 2021. – С. 121–125.

13. Стародубец, С. Н. Экспрессивное «как» в идиостиле Ф.И. Тютчева / С. Н. Стародубец // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022. – № 1 (72). – С. 104–110.

УДК 811.161.1

Степанов Е.Н.

*Хунаньский педагогический университет,
г. Чанша, Китай*

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «АУДИОВИЗУАЛЬНОГО КУРСА РУССКОГО ЯЗЫКА» В РАБОТЕ С БАКАЛАВРАМИ-РУСИСТАМИ КИТАЯ

Аудиовизуальный курс русского языка является обязательной дисциплиной при обучении китайских филологов-русистов. В данной статье акцент делается на воспитательной составляющей в период третьего и четвёртого семестров изучения этого курса. Рассматривается методическая и воспитательная роль материала, отбираемого для прослушивания, просмотра и озвучивания, в том числе дубляжа по ролям, для будущей профессиональной деятельности гида-экскурсовода, педагога, переводчика, менеджера фирмы, журналиста, диктора. Учитываются возрастные особенности студентов, современные политические, экономические, эколого-климатические процессы в мире в воспитании гражданской позиции, поведения личности в обществе, в коллективе, в семье и др. На основе письменно выполненных студенческих изложений о прослушанном и просмотренном как на занятиях, так и самостоятельно, сделаны выводы о способах и путях воспитательного воздействия изученного материала.

Ключевые слова: *аудиовизуальный, аудирование, озвучивание, профессиональное воспитание, воспитание гражданской позиции, русский язык как иностранный.*

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE «AUDIOVISUAL COURSE OF THE RUSSIAN LANGUAGE» IN WORK WITH BACHELORS OF RUSSIAN STUDIES OF CHINA

The audiovisual course of the Russian language is a compulsory discipline in the training of Chinese philologists. This article focuses on the educational component during the 3rd and 4th semesters of this course. The methodological and educational role of the material selected for listening, viewing and dubbing for the future professional activity of a tour guide, teacher, translator, company manager, journalist, announcer is considered. On the basis of written student statements about what they have listened to and watched both in the classroom and independently, conclusions are made about the methods and ways of the educational impact of the studied material.

Keywords: *audiovisual, listening, voicing, professional education, civic education, Russian as a foreign language.*

В основе понимания неродной устной речи, умения говорить на иностранном языке и записывать на слух сказанное лежит формирование навыков аудиального осознанного восприятия речи на этом языке и соотнесения звучащего слова или фразы с визуально воспринимаемым изображением и/или невербальным поведением. Несмотря на методические трудности соблюдения в необходимых пропорциях обучающих действий, направленных на развитие всех видов речевой деятельности (далее – РД), преподаватель-русист должен не забывать и о воспитательном процессе по отношению к студентам. Мы выделяем несколько направлений данного воспитательного процесса: воспитание гражданской позиции и гуманизма, воспитание личных человеческих качеств и воспитание профессиональных качеств специалиста в области выбранного направления работы. Для филолога-русиста в Китае важно быть готовым к работе гидом-экс-

курсоводом, педагогом, переводчиком, менеджером фирмы, развивающей отношения с Россией и другими странами бывшего СССР, журналистом-международником, диктором, дипломатом.

При планировании воспитательного процесса в обучении навыкам аудирования важно, прежде всего, учитывать мотивацию студентов к получению выбранной профессии и связанные с мотивацией социально-возрастные и социально-профессиональные и социально-гендерные факторы. Эти факторы и мотивы, несомненно, обуславливают отбор и варьирование изучаемого материала, обеспечивающего выполнение учебной программы. Среди мотивов усердной работы студенты называют стремление получить престижную работу, стажировку, дальнейшее обучение в Китае и/или за рубежом; успех прямого общения с бизнес-партнёрами своей компании; желание совместить туризм с изучением истории и культуры стран пребывания; популяризация китайской истории и культуры среди носителей русского языка и др.

В современных научных работах некоторые авторы раскрывают специфику воспитательной дидактики при обучении разным видам РД в описании методик работы, применения моделей и технологий обучения, напр., технологии использования научно-популярных и других фильмов [Дмитриева 2021], программы PowerPoint, программы распознавания речи (Speech Recognition Software) [Nguyen, Pham 2022] и др. Современный процесс цифровизации образовательного и воспитательного процессов требует новых подходов и оценок, качественных изменений технологии подготовки специалистов-филологов, создания интерактивных учебников.

Основная цель представленной статьи – описание того, как учитывалась нами воспитательная составляющая в ходе лингводидактического эксперимента в рамках дисциплины «Основной аудиовизуальный курс русского языка» при обучении китайских студентов-русистов аудированию в сочетании с другими видами РД. Задачи эксперимента, в целом, были направлены на улучшение и оптимизацию обучения китайских филологов на продвинутом этапе навыкам аудирования устной русской речи. Одна из задач формулируется так: предложить и апробировать материал

для аудирования, наиболее оптимальный для воспитания у студентов гражданского сознания, гуманизма и профессионально ориентированных качеств филолога-русиста.

Эксперимент проводился в 2023 и 2024 гг. со студентами-филологами 6-го и 7-го семестров бакалавриата, соответственно, четвёртый и пятый семестр изучавших русский язык как будущую специальность. Количество участников: 81 человек. Продолжительность: по 10+10 недель в семестр. Место проведения: Хунаньский педагогический университет. 84 % участников назвали аудирование речи носителей русского языка самым трудным для себя видом РД. Причины этого сами студенты видят: 1) в привыкании к тембру, интонации, скорости речи преподавателей и сокурсников на предыдущих этапах обучения (64,5 % участников); 2) в непонимании многих фраз из-за неполного знания лексического состава языка (55 %) и неустойчивого владения некоторыми грамматическими формами (называли разные формы; 50 %); 3) в устойчивой привычке переводить всё услышанное на китайский язык, пропуская сквозь призму родного языкового сознания (37 %). Были также ответы, которые можно свести к таким причинам: растерянность и неумение собраться после услышанных незнакомых слов; отставание в прослушивании от говорящего при желании проговаривания и/или зрительного представления услышанного на письме; непонимание из-за отсутствия специальных знаний в рамках специальных дискурсов: медицинского, промышленно-технологического, автотехнического, строительного, исторического, религиозного и др., – ошибочное представление о значении заимствования, этимологически общего с одним из знакомых слов параллельно изучаемого английского языка.

В имеющемся учебнике «Основной аудиовизуальный курс русского языка. Часть 3» [Основной аудио-визуальный курс... 2022], который используется на занятиях, много устаревшей информации, имеются лингвокультурологические погрешности, которые не способствуют успешной воспитательной работе студентов. Ведь как раз на студенческий возраст приходится обострённое отношение ко всякой фальши. С целью подготовки нового учебника, а именно интерактивного учебника, и был задуман этот описываемый нами лингводидактический эксперимент.

Весьма невыразительными и малополезными нам видятся творческие задания и некоторые из материалов для прослушивания по первой теме: «По городам и странам». В целях профессиональной подготовки гидов-экскурсоводов мы предложили логико-содержательный анализ полутораминутных (в среднем) отрезков видеогидов, которые знакомят с достопримечательностями и промышленными достижениями разных городов Китая и России. Аудиогиды выбирались студентами с помощью искусственного интеллекта по заданным параметрам. Каждый анализировал свой текст самостоятельно. Комплексная цель задания заключалась в активизации навыка логико-содержательного анализа на основе аудирования познавательного текста. Студенты выделяли микротемы и микротексты. Основной смысл каждого микротекста следовало выразить в вопросе. Вопросные планы представлялись в виде графического ключа (письмо и чтение) на мониторах перед началом первого просмотра и прослушивания текста другими студентами. В ответах активизировался и совершенствовался, кроме навыка аудирования, навык говорения.

Аудирование и визуализация текстов аудиогидов развивает интерес к культурному наследию разных народов и стран, прежде всего России и Китая, помогает правильно оценивать значимость исторических событий и цивилизационных завоеваний человека. В работе студентов с аудиогидами обращалось их внимание как будущих педагогов на необходимость соблюдать в педагогическом процессе методический принцип «от менее сложного к более сложному». Они поняли, что последующие задания будут усложняться. В последующих темах базой комплексных заданий на основе аудирования и визуализации явлений, действий, процессов, состояний являются аудио- и видеотексты, в которых используются разнообразные художественные приёмы, научная терминология, элементы просторечия, сленга.

Материал второй темы «Всё начинается с любви» выявил ошибочность подачи авторами учебника основного учебного текста – песни «Снег» в исполнении Ф. Киркорова – как песни о любви для возраста 20–23 лет. По нашему мнению, слова этой песни содержат элементы трагизма, поэтому предлагать её входящим в зрелую жизнь студентам, оценивающим любовь как сча-

стве, весьма нелепо. Кроме того, Ф. Киркоров в 2015 году исполнил эту песню в память о Ж. Фриске, после чего песня стала восприниматься в русскоязычном сообществе как поминальная. Ключевые слова текстовой ремы воспринимаются русскими как слова о смерти: *...Только знай, что в конце пути никого уже не вернуть.*

Исходя из этого, мы предложили студентам цикл стихов о любви и дружбе «Красивые стихи о любви до мурашек! Стихи для любимых» в исполнении Владимира Фёдорова: Владимир Ток «Обнимайте любимых людей!», Александр Туганов «Нас тянет к тем, кто душу обнимает...», Омар Хайям «Время тихой любви», Марина Шуршакова «Торопитесь любить!» [Красивые стихи]. Эти стихи наполнены размышлениями о том, как нужно беречь любовь, если она есть, о соразмерности чувств и разума, о необходимости поддержки любимого человека, о том, что настоящему любящие люди всегда должны быть дружны. Эти стихи вселяют уверенность в чистоте любви, выполняя важное значение в воспитании личных качеств человека. Видео сопровождается кино- и фотокадрами, романтической мелодией Александра Лосева, русскими субтитрами, которые помогают безболезненному переходу студентов от прослушивания текстов, избегающих метафоризации, сравнений и других художественных приёмов, к текстам, где эти приёмы необходимы.

После этого задания у 87 % студентов до конца семестра появлялись рецензии на прослушанные ими другие стихотворения о любви. Студенты самостоятельно находили на китайской видеоплатформе Bilibili аудиофайлы стихов о любви В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Блока, С. Есенина, А. Ахматовой, М. Цветаевой, К. Симонова, В. Тушновой, И. Бродского, Б. Пастернака, Р. Казаковой, Б. Ахмадулиной. Рецензировалась и переведённая на русский язык любовная лирика Дж. Байрона, Р. Бернса, Р. Гамзатова, О. Хайяма, Р. Тагора.

Третье комплексное задание вне учебника заключалось в аудиовизуальном анализе коротких мультфильмов и юмористических детских миниатюр, нацеленных на воспитание универсальных ценностей у детей младшего и среднего школьного возраста. Кроме анализа, студенты озвучивали эти тексты по ролям.

Наиболее эффективной в аспекте лингводидактики оказалась серия миниатюр «Про семью» юмористического киножурнала «Ералаш» [Ералаш]. Так, не менее половины студентов осмысленно в аналогичных жизненных ситуациях начали использовать некоторые имена и высказывания как недолговечные мемы, понятные учебному коллективу; среди еженедельного самостоятельно выбранного для просмотра и аудирования материала у 37 % студентов с разной частотой были представлены рецензии на другие миниатюры киножурнала «Ералаш» со списками усвоенных новых слов; 8 % студентов в своих рецензиях на тексты домашнего прослушивания написали о том, что их родители с интересом смотрят эти миниатюры и дают оценку действиям персонажей, поучая на этих примерах своих детей. Работа с этими и последующими текстами способствует корректировке норм личностного поведения студентов в обществе, в коллективе, в семье.

Четвёртым по степени сложности стало экспериментальное задание, связанное с темой учебника «Об Интернете». Тексты, данные в учебнике, студенты сами оценили как неинтересные и устаревшие. Поэтому на роль базового аудиовизуального текста при помощи искусственного интеллекта была выбрана первая часть сценической телезарисовки «Типичная мама за компьютером» (2015) концертной студии «Дизель Студио» [Типичная мама... 2015]. Время звучания 8 мин. 46 сек. Это дольше предыдущих аудиовидеотекстов. Реплики этой телезарисовки успешно усвоились студентами. Участники эксперимента прекрасно справились с приёмом игры слов (*папка, мышь, хвостик мышки, крестик, стрелочка, архив, открыть удалённый доступ, отправить по почте файл* и др.), поскольку являются активными пользователями компьютера, а визуальный ряд снимает многие трудности аудирования. Слушая текст, глядя на экран без субтитров, студенты записывали реплики, уточняли новые слова и выражения, обращаясь к словарю (читали, выбирая нужные толкования, и записывали их). Затем они разучивали выбранные роли, совмещая чтение и говорение. Формой контроля за результатами выполнения задания стало многократное исполнение сценической зарисовки по включённому видеоряду при отключённой звуковой дорожке. При выполнении этого задания активизировались навыки

работы диктора, актёра, переводчика. Данный аудиовидеотекст заинтересовал студентов, поскольку породил в их речи коллективные мемы: *вкл. и выкл.; не открыт удалённый доступ* (= я занят / занята); *форматируй жёсткий диск* (= нельзя).

Последним, пятым экспериментальным заданием стала работа по визуализированному аудированию и анализу короткометражного фильма «Уроки экологии» [Уроки экологии 2019]. Выбор этого аудиовидеотекста вполне логичен: фильм дополняет тему учебника: «Планета Земля – наш общий дом». Время звучания – 19 мин. 25 сек. Степень сложности высокая, так как актёры говорят быстро, некоторые высказывания упрощаются грамматически, много неполных предложений, реплики и монологи персонажей эмоциональны. Фильм имеет важное значение для воспитания у студентов гражданской позиции и экологической культуры; основные персонажи — школьные учителя и старшеклассники, то есть знакомая для студентов учебная сфера; видеоряд фильма снят правильно, а поэтому кадры помогают правильно определить значения слов. Аудирование выступает в комплексе с письмом (запись реплик и монологов персонажей), чтением (выбор толкований незнакомых слов и выражений в словарях, их перевод и выучивание ролей с опорой на графический ключ) и говорением (проговаривание текстовых отрывков при их выучивании, а также озвучивание по ролям включённого видеоряда при отключённой звуковой дорожке).

Выводы. В целом, описанный лингводидактический эксперимент, оказался весьма эффективным как в методическом, так и воспитательном аспектах. Его результаты указали на актуальность поиска путей снятия трудностей понимания китайцами русской речи на слух; на необходимость соблюдать принцип соразмерного комплексного обучения всем видам РД с самого начала изучения русского языка как иностранного, а также принцип постепенного усложнения заданий не только при обучении чтению, письму и говорению, но и аудированию; на потребность соблюдать принцип актуальности прослушиваемого материала, заботясь о его постепенном обновлении и пропорционально регулируя классические тексты и новые тексты «на злобу дня». Кроме того, необходимо уделять внимание ознакомлению будущих филологов с прикладным характером их знаний и навыков,

воспитывая личные и профессиональные качества. Аудиовизуальный курс русского языка несёт на себе большую познавательную, лингвокультурную и воспитательную нагрузку. Аудиовидеотексты знакомят китайских студентов-русистов с российской историей, культурой, литературой, театром, кино, со спецификой сочетания в жизни общества традиций и инноваций, с отношением россиян к Китаю, его традициям, культуре, языку, экономике, политике, качеству жизни граждан.

Список литературы

1. Дмитриева, Д. Д. Использование научно-популярных фильмов при обучении говорению на занятиях по русскому языку как иностранному / Д. Д. Дмитриева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – Т. 10. – № 4 (37). – С. 80–82.
2. Ералаш: детский юмористический киножурнал. Сборник про семью [Электронный ресурс]. – URL : https://vk.com/video-81058206_456240022/ (дата обращения: 15.05.2025).
3. Красивые стихи о любви до мурашек! Стихи для любимых [Электронный ресурс]. – URL : <https://yandex.ru/video/preview/1197762999071975962/> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Основной аудио-визуальный курс русского языка. – Пекин, 2022. – Ч. 3. – 152 с. ISBN 978-7-5213-3446-3.
5. Типичная мама за компьютером: сценическая зарисовка. – Киев : Дизель Студия, 2015. [Электронный ресурс]. – URL : <https://yandex.ru/video/preview/18424519696236450324/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Уроки экологии: короткометражный фильм. – Москва : Студия «Дядя Ваня», 2019. – URL : https://vk.com/video-43571491_456240621?ysclid=lxptfisjra884758145/ (дата обращения: 15.05.2025).
7. Nguyen T., Pham V. Effects of Using Technology to Support Students in Developing Speaking Skills [Text] / T. Nguyen, V. Pham // International Journal of Language Instruction. – 2022. – Vol. 1. – P. 1–8.

Супряга С.В., Головина В.С.
Курский государственный университет,
Детский сад № 5, г. Курск, РФ

ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КУРСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье представлены методические аспекты изучения краеведческого материала в начальной школе. В частности, анализируются адаптированные для младшего школьного возраста фрагменты из произведений курских авторов и предлагаются различные формы работы с такими текстами.

Ключевые слова: краеведческий материал, начальная школа, произведения курских авторов, младший школьный возраст.

Supryaga S.V., Golovina V.S.
Kursk State University,
Kindergarten No. 5, Kursk, Russia

STUDYING THE WORKS OF KURSK POETS AND WRITERS IN PRIMARY SCHOOL

The article presents methodological aspects of studying local history material in primary school. In particular, fragments from works by Kursk authors adapted for primary school age are analyzed and various forms of working with such texts are proposed.

Keywords: local history material, primary school, works by Kursk authors, primary school age.

Курские края и куряне упоминаются и в памятниках древнерусской литературы, и в произведениях русских классиков, и в поэзии XX–XXI века. Курская земля богата талантами. Ее уроженцы известны по всей России и за ее пределами. Нашими «курскими соловьями», как мы по праву называем наших выдающихся земляков, чье творчество так или иначе связано с нашим

краем и которые прославили литературным талантом свою малую Родину, написано немало проникновенных строк о курянах и родном крае.

Курская земля всегда была богата на таланты: это и поборник отечественного просвещения известный на Руси поэт и писатель монах Сильвестр Медведев, автор труда «Оглавление книг и кто их сложил», и стоящий у истоков русской литературы автор проповедей, педагогических трудов, поэт и переводчик иеромонах Карион Истомин, создатель первого иллюстрированного Букваря, и критик, публицист, и основатель журнала «Московский телеграф», романист, драматург, переводчик, критик и журналист Николай Полевой, и его сестра Екатерина Авдеева, издатель русских народных сказок, автор книг по домоводству и этнографии, автор известной стихотворной повести «Душенька» И.Ф. Богданович; и автор многотомного сочинения «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И.И. Голиков; и гениальный поэт А.А. Фет, и, конечно же, поэты и писатели XX века А.П. Гайдар, Н.Н. Асеев, К.Д. Воробьёв, Е.И. Носов, В.В. Овечкин, Ю.П. Герман, В.П. Детков, Ю.Н. Асмолов, Е.А. Благинина, А. Харитановский, Е. Полянский, М. Еськов и многие другие.

К сожалению, изучение произведений курских поэтов и писателей в начальной школе не уделяется должного внимания. Анализ учебников показывает, что обучающиеся на уроках литературного чтения знакомятся только с творчеством А.А. Фета и совсем немного со стихами Е.А. Благиной. Произведения А.П. Гайдара в последнее время практически вовсе исчезли со страниц учебников для детей младшего школьного возраста, хотя еще относительно недавно всеми любимы и популярны.

Чтобы восполнить этот пробел, преподаватели кафедры теории и методики дошкольного и начального образования Курского государственного университета подготовили и издали хрестоматию «Край родной, навек любимый...», в которой содержатся произведения курских писателей, рекомендуемые для детского чтения [Край родной... 2021].

Как известно, каждое литературное произведение обладает удивительным свойством проявлять не только духовный, но и физический облик автора. Каждый мастер художественного

слова черпает творческие силы в родных краях. Именно об этом писал великий писатель Н.В. Гоголь: «Поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это – огни, из него же излетевшие, передовые вестники сил его» [Гоголь 1952: 373].

Если мы вчитаемся в произведения К. Д. Воробьева, Е. И. Носова, В. Овечкина, Н. Асеева, Ю. Германа, В. Деткова, М. Еськова и других писателей, чье творчество так или иначе связано с курским краем, мы, конечно, увидим много общего, и прежде всего – трепетное отношение к русской природе, проникновенное описание внутреннего мира и переживаний простых людей. «Моей неизменной темой по-прежнему остается жизнь простого деревенского человека, его нравственные истоки, отношение к земле, природе и ко всему современному бытию», – писал Носов в своей автобиографии [Носов URL]. А вот строки из записной книжки Евгения Ивановича Носова, переданной в Литературный музей его сыном: «Летать я не могу, но о полете мечтаю, и чтобы осуществить это, – я пишу. Я хочу, чтобы мои слова и мысли хотя бы немного парили над землей...».

Кто они, наши выдающиеся земляки – курские «соловьи», поэты и писатели нашей малой родины? Все ли мы о них знаем? И что знают о них наши дети?

Мы разработали цикл внеурочных занятий, дополняющих уроки, проводимые в рамках регионального компонента образовательной программы для начальной школы, на которых знакомим обучающихся с интересными фактами биографии выдающихся курских авторов. Это повышает познавательный интерес детей и обогащает их краеведческими знаниями.

Например, мы рассказываем младшим школьникам о том, что известный поэт А.А. Фет в 1876 году стал владельцем имения Воробьевка (недалеко от Коренной пустыни – ныне м. Свобода). Этот период был самым плодотворным в его творчестве. Об этом времени поэт пишет: «...Муза пробудилась от долгого сна и стала посещать меня также часто, как на заре моей жизни». В результате появились четыре выпуска его лирических стихотворений (с 1883 по 1891 год) под общим названием «Вечерние огни». Многие из этих стихотворений связаны с природой Курского края (например, «Чудная картина, / Как ты мне родна...»).

А еще мало кто знает о том, что Афанасий Фет до 14 лет он носил фамилию отца – богатого помещика Афанасия Шеншина. Однако брак Шеншина с Шарлоттой Фет был признан в России незаконным, поэтому Афанасия лишили привилегий потомственного дворянина, и он стал носить фамилию первого мужа своей матери – Иоганна Фета. Только в 1877 году по императорскому указу за ним наконец-то утвердили фамилию Шеншин и вернули дворянский титул.

А поэт Николай Асеев страстно увлекался охотой и большим теннисом, даже участвовал в крупных соревнованиях.

Псевдоним «Гайдар», оказывается, расшифровывается так: «Г» – первая буква фамилии Голиков; «АЙ» – первая и последняя буквы имени; «Д» – по-французски – «из»; «АР» – первые буквы названия родного города Арзамас: Г–АЙ–Д–АР: Голиков Аркадий из Арзамаса.

Когда Евгению Носову было 16 лет, Курск оккупировали немецкие войска. После восьми лет обучения в школе он ушел на фронт и стал наводчиком орудия. В 1945 году Е.И. Носов получил ранение и долго лежал в госпитале. После войны вернулся в школу.

Своим творчеством Евгений Иванович заслужил мировую славу, стал Лауреатом Государственной премии России. Его произведения переведены более чем на двадцать языков, общий тираж книг составил более ста миллионов экземпляров. Известный писатель В.П. Астафьев сказал удивительные слова о Е.И. Носове: «Песнь моего друга, как цветок чабреца, некорыстна с виду, но чист и высок ее тон».

Евгений Иванович Носов обратил внимание режиссера Сергея Никоненко на книгу Владимира Павловича Деткова «Три слова». В 1984 г. на экраны нашей страны вышел художественный фильм «Люблю. Жду. Лена.», снятый по мотивам этой повести.

15 ноября 2024 года исполнилось бы 85 лет Алексею Федосеевичу Шитикову, поэту, общественному деятелю, Почетному работнику культуры и искусства Курской области, члену Союза писателей, «Человеку года-2003» в номинации «Творчество», лауреату премии имени Евгения Носова, премии общественного

признания «Курская антоновка», имеющему награду «За укрепление государства Российского». Этот выдающийся курянин оставил после себя богатейшее наследие пронзительных и трогательных лирических произведений, которые, бесспорно, войдут в сокровищницу русской поэзии.

Конечно, о Курских «соловьях» можно рассказать детям еще очень много удивительного и трогательного: вклад курских поэтов и писателей в отечественную и мировую литературу огромен... И можно с уверенностью сказать, что питала их творческие силы именно Курская земля!

А в каких произведениях упоминаются куряне? – Это тема отдельного разговора с младшими школьниками.

Так, мы сообщаем детям, что в «Слове о полку Игореве», памятнике древнерусской литературы, курские воины занимают почетное место. Славит курян и князь Всеволод Святославович, в удел которого входили курские земли: «Мы куряне – опытные воины». Всеволод, курский князь, говорит: «Один брат, один свет светлый – ты, Игорь! / Оба мы – Святославичи! / Седлай же, брат мой, своих борзых коней, / А мои-то готовы, оседланы под Курском заранее».

Еще одно произведение Древней Руси – «Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского», автором которого является летописец Нестор, свидетельствует о том, что Настоятель Киево-Печерского монастыря Феодосий, о котором идет речь в этом произведении, именно в Курске X века овладел грамматикой настолько хорошо, что поражались все, как смышлен он и разумен. Как известно, Феодосий Печерский также обладал литературным талантом и был автором многих духовных произведений.

О рыльском купце и мореплавателе, описавшем свои приключения в литературном труде «Странствования купца Григория Шелихова к американским берегам», в числе первых заговорил М.В. Ломоносов. А Г.Р. Державин напротив известной строчки М.В. Ломоносова «Колумб российский через воды спешит в неведомы народы» сделал пометку, изменив слова М.В. Ломоносова так: «Колумб наш Шелихов чрез воды...». На памятнике Г.И. Шелехову начертаны слова Г.Р. Державина: «Колумб здесь русский погребён: проплыл моря, открыл страны безвестны...»

М.С. Щепкин, известный актер XIX века, хоть и не считал себя писателем, но с легкой руки великого русского поэта А.С. Пушкина написал великолепные мемуары «Записки актера Щепкина», увидевшие свет в 1864 г.

В 1961 г. Н.Н. Асеев посвящает «землякам-курянам» свою «Богатырскую поэму», где есть слова: «... Я ж поверил в своих курян – сведомых кметей! Что же это за «сведоми кмети», что в поход подымали стяги? А по-моему, это были курские работяги».

В «Богатырской поэме» прославляются Курская земля, ее жители:

Хоть, я знаю, неволю
Всех курян назвать поименно,
Поднимаю на высоту
Нашей области Курской знамена.

В 1957 году поэт шлет своим землякам новогоднее послание «Счастья вам, дорогие куряне!»: «Кланяюсь я Тускари и Сейму, / Кланяюсь я людям и полям. / Радости, здоровья и веселья, / Земляки мои, желаю вам!». Поэт видел опору в родной земле и курянах: «Стойте крепче. Вы мое оплечье, / Вы мои деды и кумовья, / Вы мое обличье человечье, / Курские края».

В. Н. Корнеев (р. 1948 г.) в 2001 г. стал лауреатом сразу двух первых премий конкурса «Любимый город» в номинациях «Лучшее стихотворение о городе Курске» и «Лучшая песня о городе Курске».

Есть у поэта и большое стихотворение о Курске, где есть слова:

Город был – стало поле голое,
кто остался в живых – полонен.
Выжжен Курск мой
татаро-монголами,
только Русь не забыла о нем...

В 1989 года в «Курской правде» опубликовано стихотворение В.Н. Корнеева о писателе-земляке К. Д. Воробьеве «Баллада о лейтенанте».

В 1997 году в «Курской правде» выходит подборка стихов поэта под названием «Стрелецкий цветет материк» (стихотворения «На Тускари», «Боева дача» и др.); в сентябре 1997 под общим названием «Покуда жива наша речка» напечатаны стихи,

объединенные темой лета и природы родного края: «Лето», «Мокрый песок у реки», «Имена цветов и трав», «Месяц» и другие.

13 октября 2001 года «Городские известия» на первой странице публикуют большое стихотворение В. Корнеева «Курск родной»:

Курск родной! Под вечер ветер нежно
Крон коснётся – и по листьям дрожь.
Ты и летом, и зимою снежной
Для меня пленительно хорош.
...Я с тобой всю жизнь не расставался,
Никогда расстаться не смогу!

Еще в одном стихотворении В. Корнеева говорится о судьбе Прохора Мошнина – Серафима Саровского: «Светит это имя... Ты нам силы дашь, Старец Серафиме, Чудотворец наш!...».

В. Корнев написал и гимн Курска, но он, к сожалению, он не победил в конкурсе. Еще в одном стихотворении В. Корнеева о Курске, говорится: «...Старый Курск с деревьями, домами, С Тускарью и Сеймом – навсегда».

А С.В. Михалков написал стихотворение о львовском писателе «Аркадий Гайдар»:

...Любимых детских книг творец
И верный друг ребят.
Он жил, как должен жить боец,
И умер, как солдат.

У курского поэта Ю.Н. Асмолова есть такие стихи, как «Песня о Курске», «Черноземная полоса» и «Башня Шамяля», где воспеваются курская земля.

В романе «Хождение по мукам» Алексея Толстого упоминается работа курских цирюльников. Михаил Булгаков упоминает Курск в «Путешествии по Крыму», Илья Ильф и Евгений Петров – в романе «Золотой теленок». В романе «Наши знакомые» Ю. Германа во внешности героев, в чертах их характеров, в самих ситуациях отразились воспоминания писателя о курских товарищах по школе, по драмкружку. К.Г. Паустовский в «Беспокойной юности» дает свое описание Курска.

В итоге мы с обучающимися делаем вывод о том, что не только курские авторы, но и те писатели и поэты, кто был волею

судьбы как-то связан с нашим городом или курянами, так или иначе отразили Курск и его жителей на страницах своих произведений.

Если мы вчитаемся в произведения К. Д. Воробьева, Е. И. Носова, В. Овечкина, Н. Асеева, Ю. Германа, В. Деткова, М. Еськова и других писателей, чье творчество так или иначе связано с курским краем, мы, конечно, увидим много общего, и прежде всего – трепетное отношение к русской природе, проникновенное описание внутреннего мира и переживаний обычных людей.

Например, рассказ Афанасия Фета «Кактус» был написан и впервые опубликован в 1881 году в журнале «Русский вестник». Рассказ посвящен автобиографическому эпизоду из жизни Фета, относящемуся к 1856 году. Он заставляет нас задуматься о быстротечности жизни, о взаимосвязи любви и музыки, о хрупкости красоты и гармонии в природе. Конечно, это рассказ не для детей, но мы читаем его младшим школьникам в адаптированном к их возрасту варианте.

Работая с текстом произведения, отмечаем его художественные особенности и выявляем глубокий смысл.

Какие удивительные сравнения подбирает герой произведения Иванов, описывая бутон белого кактуса, цветущего раз в год? Прочитаем это отрывок: «Посмотрите, какая роскошь тканей! Какая девственная чистота и свежесть! А эти тычинки? Это папское кропило, концы которого напоены золотым раствором. Теперь загляните туда, в глубину таинственного фиала. ... Ведь это волшебный водяной грот острова Капри. Поневоле веришь средневековым феям. Эта волшебная пещера создана для них!» (Здесь и далее цит. по: [Фет URL]).

Девушка же ответила, что цветок очень похож на подсолнух, и это возмутило Иванова: «...здесь, видите ли, какая лучистая звезда, словно кованная из золота. Да сам-то цветок? Ведь это храм любви!»

Затем спорящие перешли к выяснению того, что же такое любовь [Никитина 2024: 107]. Героиня утверждала, что нельзя это прекрасное чувство описывать языком музыки.

Став свидетелем этого спора, рассказчик мысленно перенесся в прошлое и рассказал о пении влюбленной цыганки

Стеши, которая именно потому и пела так завораживающее, что познала настоящую любовь.

Как удивительно точно описывает А.А. Фет движения души цыганки: «Сколько неги, сколько грусти и красоты было в ее пении!.. Песня исполнена всевозможных переливов, управляемых минутным вдохновением. Я жадно смотрел на ее лицо, отражавшее всю охватившую ее страсть».

«Стало быть, любовь и музыка не так далеки друг от друга, как вам угодно было утверждать?» – говорит рассказчик девушке и затем вновь обращает внимание на цветущий белый кактус, который «сиял во всей красе, распространяя сладостный запах ванили».

Иванов предложил срезать его и поставить в воду, чтобы продлить жизнь удивительного цветка, однако это не помогло: «утром ... на краю стакана лежал бездушный труп вчерашнего красавца кактуса». Финальные слова рассказа потрясают своей точной метафорой, выражающей быстротечность жизни и хрупкость красоты.

Бесспорно, это произведение А.А. Фета наполнено философским смыслом. Прочитав его, хочется о многом задуматься...

В настоящей публикации мы лишь в общих чертах обозначили направления и основное содержание работы на уроках литературного чтения и во внеурочной деятельности с краеведческим материалом. Полагаем, что она необходима в современных условиях, когда проблема патриотического воспитания на государственном уровне признана одной из главных в сфере образования.

Список литературы

1. Автобиография Евгения Ивановича Носова [Электронный ресурс]. – URL: http://mkukcbs.ru/files/Portal_7Libraries/7Library/files/Nosov/files/nosov_autobio.html (дата обращения: 15.04.2025).

2. Гоголь, Н.В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. – 1952. – С. 369–409.

3. «Край родной, навек любимый...» (произведения курских писателей): хрестоматия / сост.: С. Б. Каменецкая и др. – Курск : Изд-во Курск, гос. ун-та, 2021. 10-е изд. – 150 с.

4. Никитина, Д. В. Курс «Разговоры о важном» в системе внеурочной деятельности современной начальной школы / Д. В. Никитина // Ignis Iuvenum. – 2024. – № 1 (2). – С. 105–112.

5. Супряга, С.В. «Курск и куряне на страницах книг»: внеурочное занятие по литературному чтению в начальной школе / С. В. Супряга, В. С. Головина, Д. В. Никитина // Педагогический поиск. – 2024. – № 5. – С. 17–22.

6. Фет, А. А. Кактус / А. А. Фет. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/books/691/kaktus> (дата обращения: 15.04.2025).

УДК 811

Тараторина В.И., Трошина Н.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ: КАК СЛОВА МЕНЯЮТ МАСКИ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются динамические изменения в семантике слов, происходящие в XXI веке под влиянием технологических, социокультурных и лингвистических факторов. Анализируются основные механизмы семантической трансформации, такие как метафоризация, метонимизация, сужение и расширение значения, а также процессы заимствования и неологизации. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий, социальных сетей и глобализации на ускорение и интенсификацию семантических изменений. На основе конкретных примеров демонстрируется, как слова приобретают новые значения, теряют старые и адаптируются к изменяющемуся контексту коммуникации, формируя тем самым новые языковые и культурные реалии.

Ключевые слова: семантика, семантические изменения, метафора, метонимия, лингвистика, цифровые технологии, социальные сети, неологизм, заимствование, XXI век, эволюция языка.

Taratorina V.I., Troshina N.V.

*Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky,
Bryansk, Russia*

SEMANTIC METAMORPHOSES: HOW WORDS CHANGE MASKS IN THE 21ST CENTURY

This article examines the dynamic shifts in word semantics occurring in the 21st century, driven by technological, sociocultural, and linguistic factors. It analyzes key mechanisms of semantic transformation, such as metaphorization, metonymization, narrowing and broadening of meaning, as well as processes of borrowing and neologization. Particular emphasis is placed on the impact of digital technologies, social media, and globalization on accelerating and intensifying semantic change. Through concrete examples, the study demonstrates how words acquire new meanings, lose older ones, and adapt to the evolving context of communication, thereby shaping novel linguistic and cultural realities.

Keywords: semantics, semantic change, metaphor, metonymy, linguistics, digital technologies, social media, neologism, borrowing, 21st century, language evolution.

Семантические метаморфозы, происходящие в языке, представляют собой одну из наиболее интересных и многогранных тем в области лингвистики, особенно в контексте современного русского языка. XXI век стал свидетелем значительных изменений в лексическом составе языка, что обусловлено множеством факторов, включая глобализацию, развитие технологий, а также изменения в социальной и культурной сферах. В условиях стремительного развития информационных технологий и интернета, язык становится не только средством общения, но и инструментом, через который происходит обмен знаниями, идеями и культурными ценностями. В этом контексте особое внимание

следует уделить сфере образования, где семантические изменения слов могут оказывать значительное влияние на процесс обучения и восприятие информации.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления и анализа тех изменений, которые происходят в языке в условиях современности. В частности, важно понять, как заимствования из других языков, демократизация языка и появление новых значений влияют на коммуникацию и образовательный процесс. В условиях, когда традиционные подходы к обучению и передаче знаний подвергаются критике и переосмыслению, необходимо исследовать, как изменяются значения слов и как это отражается на восприятии учебного материала.

Изменения в семантике языка в XXI веке стали важным объектом изучения для лингвистов, ведь язык является живым организмом, отражающим динамику общества. Активизация языковых метаморфоз наблюдается в контексте глобализации, изменения политических реалий, а также внедрения новых технологий, что, в свою очередь, ведет к преобразованию значений слов и понятий [1, с. 13].

Часто новые значения, которые возникают в языке, становятся следствием заимствования иностранных слов и выражений. Языковая политическая и культурная обстановка может в значительной мере повлиять на то, какие слова будут заимствованы, а какие утратят актуальность. Например, терминология, связанная с цифровыми технологиями и интернет-культурой, быстро и динамично проникает в повседневный лексикон, меняя коннотации и значение традиционных слов [2, с.44].

Стоит отметить, что процесс метаморфоз не ограничивается только заимствованиями. Социальные перемены и трансформации в жизни общества тоже вносят свой вклад. Возрастающий интерес к равенству и инклюзии приводит к переосмыслению множества слов и фраз, которые стали восприниматься как неаккуратные или оскорбительные. Это, в свою очередь, сформировало новую лексическую реальность, где выражения, которые ранее могли считаться нейтральными, теперь приобретают устранимые оттенки [3, с. 32].

Итак, для более глубокого понимания семантических изменений не обойтись без анализа контекста. Общественные движения, политические события и культурные тренды формируют важный фон, на котором происходят языковые изменения. За последние два десятилетия язык стал более демократичным и гибким, что являлось реакцией как на внутренние, так и на внешние факторы [4, с. 54].

Попытки систематизировать эти динамические процессы показывают, что они не только актуализируют, но и становятся своего рода индикаторами изменения культурных ценностей. Лексикографические исследования, как правило, акцентируют внимание на различиях в значении и в употреблении слов между различными периодами [1, с. 18]. Например, очевидные трансформации можно наблюдать в словах, имеющих отношение к социальным медиа или интернет-терминологии, где значения могут варьироваться в зависимости от платформы или целевой аудитории.

Методология исследования семантических изменений в языке XXI века требует интеграции различных подходов и инструментов, учитывающих динамику социокультурных изменений. Важным этапом в этом процессе является применение историко-сравнительного метода. Он позволяет анализировать, как семантика слов эволюционирует в контексте исторических событий и культурных трансформаций, таким образом создавая возможность сопоставления языковых явлений на разных временных уровнях. Этот подход освещает, как именно язык отражает изменения в общественных взглядах и нормах [6, с. 30].

Корпусный анализ является еще одним мощным инструментом, который использует большие объемы текстовых данных для выявления семантических изменений. Данный метод позволяет исследовать, как слова и фразы функционируют в различных контекстах и какие изменения в их значении происходят в зависимости от этого контекста. Например, исследование «ложных друзей» переводчика между языками может стремиться к выявлению не только индивидуальных изменений, но и общих тенденций в языке [7, с. 88]. Таким образом, благодаря корпусному анализу можно комплексно охватить и визуализировать изменения в семантике.

Кроме того, сравнительно-типологический метод дает возможность исследовать семантические изменения не только в пределах одного языка, но и в контексте нескольких языков. Эта методология позволяет выявить общие паттерны и особенности, которые присущи различным языковым системам, что, в свою очередь, может открыть новые горизонты в понимании семантики как явления [8, с. 21]. Сравнительный анализ возможно осуществить не только между индоевропейскими языками, но и через призму языков, принадлежащих к другим семьям.

Семантический и компонентный анализы служат для детализированного изучения языкового содержания. Они позволяют разбить слово на составляющие его семантические элементы и понять их связи и отношения друг к другу. Используя эти методы, исследователь может получить подробное представление о том, как отдельные компоненты семантики влияют на целое слово, а также на его использование в различных контекстах.

Методы наблюдения и анкетирования, в свою очередь, помогают собрать идеи и мнения носителей языка о том, как они воспринимают изменения в значении различных слов. Это позволяет понять, какие семантические трансформации происходят на уровне общественного сознания, что добавляет исследованию человеческий элемент. С помощью опросов удастся собрать богатый эмпирический материал, который служит основой для дальнейшего анализа.

Продвинутые теории дискурса рассматривают изменения семантики в контексте исторического и культурного дискурса, подчеркивая их взаимосвязь с когнитивными процессами, происходящими в обществе в разные эпохи. Этот подход предполагает, что язык не только отражает реальность, но и активно формирует ее, вливая новые значения и пересматривая старые. Дискурсивный анализ представляет собой способ, позволяющий глубже погрузиться в анализ семантических изменений, трактуя их как часть сложной сети социальных взаимодействий.

На основе вышеупомянутых методов можно обрисовать комплексный подход к изучению семантических изменений, который исследует как внутренние языковые процессы, так и внешние социокультурные влияния. Применение множества методов позволяет создавать полное представление о языке как о живом и

динамичном инструменте, который непрерывно меняется и адаптируется к новым реалиям.

К началу XIX века повседневный язык продолжает изменяться под влиянием литературных произведений и новых социокультурных реалий. Формирование городской интеллигенции и рост образования способствовали распространению актуальных слов и выражений, которые обогащали язык новыми значениями и контекстами. Язык становился более демократичным и доступным для широкой публики; заимствования из других языков становились все более актуальными, особенно из французского и немецкого [9, с. 20].

Таким образом, исторически сложившиеся изменения в языке являются не только отражением культурных и социальных трансформаций, происходивших в обществе, но и базой для дальнейшего семантического развития. Упорядочение правил и норм в языке шло рука об руку с расширением его активного словарного запаса, что позволяло обеспечить гибкость и адаптивность языка к быстроменяющемуся миру. Эти семантические метаморфозы, обусловленные историческим контекстом, сейчас продолжают оказывать влияние на современный русский язык, формируя его взгляды на темы, которыми интересуются представители нового поколения.

Заимствования играют важную роль в развитии семантики языка, и их влияние на русский язык становится все более заметным в XXI веке. Периоды активного заимствования в истории языка часто совпадали с изменениями в общественной, культурной и политической среде. На сегодняшний день наибольшее количество заимствованных слов приходит из английского языка, что связано с глобализацией, развитием технологий и интернет-культуры [9, с. 38-40]. Это явление заметно не только в лексическом запасе языка, но и в его структуре, что в свою очередь активно формирует новые смысловые ассоциации.

Процесс заимствования включает адаптацию слов под фонетические и семантические особенности русского языка. Заимствованные слова не просто принимаются «в чистом виде», а подвергаются изменениям, которые делают их более удобными для восприятия носителями языка. Например, многие заимствованные слова получают новые значения, которые не существовали в

языке-источнике. Это явление можно наблюдать на примере таких слов, как "клуб" или "блог", которые в русском языке ассоциируются не только с обозначением места, но и с конкретными социальными функциями.

Ускорение темпов заимствования стало возможным благодаря установлению культурных связей между народами и стремительному распространению информации. В результате появилось множество слов, которые плотно вошли в обиход и стали неотъемлемой частью современного русского языка. Это можно отследить, анализируя как профессиональную, так и повседневную речь, где термины из технологий, медицины и бизнеса становятся обычной практикой. При этом, несмотря на очевидный прогресс, существует и критика этой тенденции — некоторые языковеды и культурологи утверждают, что чрезмерное заимствование может приводить к обеднению языка [11, с. 30].

Одним из ключевых аспектов демократизации языка стало увеличение доступа к различным формам новой лексики, что, в свою очередь, повлияло на семантические изменения. Слова начинают терять свои строгие границы значений и становятся более открытыми для интерпретации, что также затрудняет их понимание, порождая случаи многозначности и переносного значения, прежде чем они окончательно закрепятся в общественном сознании. Такие процессы могут быть рассмотрены как ответ на изменения в обществе, где опыт и знания становятся более разнообразными и доступными, благодаря интернету и социальным медиа.

Влияние демократизации на язык также затрагивает сферу массовой литературы. В произведениях 20-х годов XX века наблюдается прямая корреляция между демократизацией и использованием более простого, доступного языка, непосредственно отражающего социокультурные изменения той эпохи. Исследования показывают, что адаптация языка в литературе происходила как реакция на актуальные события, предлагая читателям язык, соотносимый с их повседневной жизнью. Это явление продолжает развиваться и в XXI веке, когда высокие стили подвержены влиянию разговорного языка и новых форм самовыражения, таких как блогосфера и видеоконтент.

Современное русское общество отмечает динамичное развитие языка, где слова изменяют свои значения, зачастую в соответствии с культурными и социальными реалиями. Употребление слов «волонтер» и «долг» становится ярким примером таких метаморфоз. В досоветский период слово «волонтер» использовалось в контексте военной службы, обозначая солдат, которые добровольно вступали в ряды армии. Однако в советское время данный термин практически вышел из употребления, а в XXI веке вновь обрел популярность, обозначая людей, которые оказывают помощь другим безвозмездно [12, с. 15].

Также стоит рассмотреть слово «трус», которое сохраняет связь со своим первичным значением, так как когда-то оно относилось к «тряске» или «трепету». Однако со временем оно сместило смысл, и теперь обозначает человека, который проявляет робость и страх в сложных ситуациях. Это изменение отражает общепринятые социальные оценки, связанные с мужеством и храбростью. Интересным является и переосмысление термина «негодяй». Благодаря эволюции значений, это слово, которое когда-то обозначало человека, подходящего к военной службе, сейчас стало синонимом морально неприемлемого человека. Подобные трансформации создают сложности при восприятии языка, приводя к искажению его традиционных значений.

Другим примером является «варенье». Ранее это слово обобщало понятие «сваренные продукты», включая в себя широкий ассортимент. Однако в нашем новом контексте это слово ассоциируется только с сладкими джемами, имея узкую специфику применения, что показывает, как снизился диапазон значений с течением времени.

Слово «зараза» в прошлом использовалось как комплимент, однако теперь это термин с резко негативной коннотацией, символизирующий что-то опасное и угрожающее. Изменение его значения может быть связано с развитием знаний о болезнях и эпидемиях, принимая во внимание, как они влияют на общественное сознание и восприятие языка.

Эти примеры демонстрируют, что язык является живым организмом, подверженным изменениям и метаморфозам. Язык органично подстраивается под новые социальные контексты, и эти

трансформации заметны в том, как общается общество. Способность слова менять свою семантику становится одним из важнейших аспектов исследований, показывая, каким образом культурные изменения отражаются в языке и как именно меняется наше восприятие самого языка, явлений и социальной жизни в целом.

Исторический контекст изменений языковой семантики, рассмотренный в работе, демонстрирует, что семантические метаморфозы не являются чем-то новым. Однако в XXI веке они приобретают особую интенсивность и разнообразие. Заимствование слов из других языков, особенно английского, стало одним из ключевых факторов, способствующих изменению значений. Это заимствование не только обогащает лексику, но и создает новые вызовы, связанные с сохранением языковой идентичности и культурных особенностей.

Демократизация языка, как еще один важный аспект, также оказала значительное влияние на семантические изменения. В условиях, когда каждый человек может стать носителем языка и влиять на его развитие, происходит размывание традиционных норм и правил. Это приводит к появлению новых значений, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Важно отметить, что демократизация языка способствует более свободному и открытому обмену идеями, однако она также может привести к путанице и недопониманию.

Таким образом, семантические метаморфозы в XXI веке представляют собой сложный и многогранный процесс, который требует внимательного изучения и анализа. Изменения в значениях слов, вызванные заимствованием, демократизацией языка и изменением социальных норм, подчеркивают важность языка как инструмента коммуникации и образования. В конечном итоге, понимание этих изменений может способствовать более эффективному взаимодействию в обществе и улучшению образовательных процессов, что делает данное исследование актуальным и значимым для современного языка и его носителей.

Список литературы

1. Залялова, Р. Р., Гатауллина, А. Г. Семантические изменения лексики сферы образования в современном русском языке

/ Р. Р. Залялова, А. Г. Гатаулина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 4 (100). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-izmeneniya-leksiki-sfery-obrazovaniya-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 04.03.2025).

2. Рустамова, С. С. Изучение изменений лексики русского языка конца XX начала XXI века / С. С. Рустамова. [Электронный ресурс] // infourok.ru. – URL: <https://infourok.ru/izuchenie-izmenenij-leksiki-russkogo-yazyka-konca-hh-nachala-hhi-veka-6172496.html> (дата обращения: 04.03.2025).

3. Геращенко, М. Б. Реактивизация лексики к началу XXI века: семантико-лексикографический аспект/ М. Б. Геращенко. [Электронный ресурс] // www.dissercat.com. – URL: <https://www.dissercat.com/content/reaktivizatsiya-leksiki-k-nachalu-xxi-veka> (дата обращения: 04.03.2025).

4. Зотеева, А. И. Семантические изменения в русском языке / А. И. Зотеева. [Электронный ресурс] // eee-science.ru. – Режим доступа: <https://eee-science.ru/item-work/2020-3434/> (дата обращения: 24.03.2025).

5. Пивоварова, Е. В. Корпусный анализ как инструмент для выявления семантических изменений у фразеологизмов – «Ложных друзей» переводчика / Е. В. Пивоварова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusnyy-analiz-kak-instrument-dlya-vyyavleniya-semanticheskikh-izmeneniy-u-frazeologizmov-lozhnyh-druzey-perevodchika> (дата обращения: 10.04.2025).

6. История русского языка: от праславянских корней до... [Электронный ресурс] // tass.ru. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/22943643> (дата обращения: 10.04.2025).

7. Периоды развития русского языка: древний, старый, новый, наш [Электронный ресурс] // gramota.ru. – URL: <https://gramota.ru/journal/stati/nasledie/periody-razvitiya-russkogo-yazyka-drevniy-staryy-novyy-nash> (дата обращения: 10.04.2025).

8. История русского языка: откуда взялся и как сформировался [Электронный ресурс] // www.culture.ru. – URL: <https://www.culture.ru/materials/258311/ot-gorouslyny-do-fidbeka-istoriya-russkogo-yazyka> (дата обращения: 10.04.2025).

9. История русского литературного языка — Википедия [Электронный ресурс] // ru.wikipedia.org. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/история_русского_литературного_языка (дата обращения: 10.04.2025).

10. Заимствования в русском языке — Википедия [Электронный ресурс] // ru.wikipedia.org. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/заимствования_в_русском_языке (дата обращения: 10.04.2025).

11. Баймусаева, Б. Ш., Жубай, А. Б., Конырова, А. О. Демократизация языка как примета времени / Б. Ш. Баймусаева, А. Б. Жубай, А. О. Конырова [Электронный ресурс] // scienceforum.ru. — Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018004978> (дата обращения: 10.04.2025).

12. 11 русских слов, кардинально поменявших свое значение | Дзен. [Электронный ресурс] // dzen.ru. — URL: https://dzen.ru/a/xoqt6gctiqczk7t_ (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 81`37

Тимошенко Е.И.

*Гомельский государственный университет имени
Франциска Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь*

МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ 'ВЫСОКОМЕРНЫЙ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В основе формирования абстрактной семантики 'высокомерный' лежат представления о физических и пространственных признаках предметов. Регулярными являются: 1) модель с исходной пространственной семой 'высокий'; 2) модель с исходным значением 'раздутый'; 3) модель с антонимичными исходными семами 'натянутый, напряженный' и 'изломанный, кривой'. Выявление системных мотивационных закономерностей позволяет поддержать одну из версий происхождения слова в случае разноречивости этимологических трактовок.

Ключевые слова: семантика, внутренняя форма слова, мотивационная модель, высокомерный.

Tsimoshenko E.I.

*Francisk Skarina Gomel State University, Gomel,
Republic of Belauus*

MOTIVATIONAL MODELS OF THE FORMATION OF THE SEMANTICS OF 'ARROGANT' IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The formation of the abstract semantics of 'arrogant' is based on ideas about the physical and spatial features of objects. The regular ones are: 1) a model with the initial spatial seme 'tall'; 2) a model with the initial value 'bloated'; 3) a model with the antonymous initial semes 'stretched, strained' and 'broken, curved'. The identification of systemic motivational patterns allows us to support one of the versions of the origin of the word in the case of contradictory etymological interpretations.

Keywords: *semantics, internal form of the word, motivational model, arrogant.*

Выявление истоков формирования определенного типа семантики в языке значимо для представления картины мира и установления закономерностей мышления носителей данного языка. Безусловный интерес представляет определение типологии формирования отвлеченных значений, являющихся воплощением высшей формы человеческого мышления – абстрактно-логической. Исследования подобного рода вносят вклад в решение такой научной задачи, как составление каталога семантических изменений в языке, что позволяет выяснять специфику видения и объяснения мира тем или иным народом, а также устанавливать семантические универсалии в разных языках. Актуальность разработки типологии семантической деривации подчеркивает Анна А. Зализняк [Зализняк 2006: 401].

Имена прилагательные, называющие внутренние свойства, качества и способности человека (интеллектуальные и нравственные), относятся к стабильному ядру лексической подсистемы языка – к его основному словарному фонду, который оста-

ется устойчивым на протяжении длительного времени. По определению А. Н. Шрамма, подобные прилагательные относятся к группе рациональных, которые, в отличие от эмпирических, называющих признаки, воспринимаемые органами чувств, выражают оценку или отношение субъекта к явлениям действительности. Семантика подобных прилагательных отражает результат мыслительной деятельности носителей языка, связанной с определением степени важности, ценности или приемлемости качества какого-либо предмета или явления [Шрамм 1979: 22]. Можно сказать, что в семантике таких прилагательных преобладает субъективный компонент.

Среди рациональных прилагательных А. Н. Шрамм предлагает различать прилагательные, называющие «признаки человека, не обусловленные его отношением к кому-л. (*грамотный парень, волевая натура*)», и прилагательные, называющие признаки человека, которые обнаруживают то или иное субъективное отношение (*опытный учитель, спесивая соседка, радушный хозяин*) [Шрамм 1979: 34]. Прилагательные с ядерной семой '*высокомерный*' относятся ко второму типу.

В синонимический ряд с доминантой *высокомерный* в русском литературном языке входят прилагательные *надменный, гордый, надутый, спесивый, чванный, чванливый, заносчивый* [Словарь синонимов 1975: 95]. Цель статьи заключается в выявлении внутренней формы прилагательных данного синонимического ряда, который может быть рассмотрен и как лексико-семантическая группа слов, и – соответственно – в определении моделей мотивации указанного типа семантики.

Ряд прилагательных приведенного синонимического ряда, в том числе и его доминанта, имеют прозрачную семантику, – это прилагательные *высокомерный, заносчивый* и *надутый*. Хорошо известно, что одной из фундаментальных связей, формирующих семантическую структуру единиц разных уровней языка, является «метафорический перенос из наблюдаемого мира физических явлений в мир ненаблюдаемых идеальных сущностей (внутренних состояний человека, логических и прочих «абстрактных» отношений)» [Зализняк 2006: 16]. Абстрактная семантика

названных прилагательных сформировалась именно таким образом и является результатом переосмысления представлений о пространственных и физических признаках предметов.

Одним из типов мотивации является переосмысление пространственного представления о высоком расположении предмета. Преимущество расположения на высоте в реальной жизни не вызывает сомнений, будь то высокий берег реки, выбранный как более безопасный для места поселения, или положение на высоте одной из противоборствующих сторон в период военного столкновения. «Наша обыденная понятийная система метафорична по своей сути» [Лакофф 1990: 388], и, например, в ориентационной (пространственной) метафоре верх ассоциируется со счастьем, удачей, здоровьем, властью, высоким статусом и добродетелью, а низ – с горем, болезнью, подчинением, пороком, злом и т.п. [Лакофф 1990: 396–407]. «Высокий» по отношению к «низкому» в подобных случаях воспринимается примерно так же, как «большой» по отношению к «малому», «крупный» к «мелкому» и т.п. и переосмыляется таким же образом: *высокие идеалы, мысли, цели – низкая культура, низкие истины* (сравн.: *большой талант – малые способности; крупные достижения – мелкие помыслы*). Таким образом пространственное представление о преимуществах расположения на высоте (сверху) переосмыляется в субъективное представление о собственной значимости, об обладании достоинствами, которые, по оценке окружающих, оказываются мнимыми.

Так, адъектив *заносчивый* (в просторечии возможно также *заносливый*) '*высокомерный, самоуверенный, дерзкий*' является в современном языке производным и членимым; мотивирован переносным значением глагола *заноситься* (разг.) '*важничать, занаваться*', которое сформировалось на основе прямого значения '*устремляться ввысь, улетать высоко, далеко*' [ССРЛЯ 1994: т. V–VI, с. 498, 499], – таким образом, в данном случае наблюдается явление отраженной полисемии, а внутреннюю форму слова можно квалифицировать как словообразовательную и эпидигматическую одновременно. Нельзя не отметить, что значительную роль в формировании семантики приведенных слов сыграла приставка. Высокая степень «лексичности» приставки как словообразующей морфемы не вызывает сомнений; она характеризуется

«семантической отдельностью», ясной обособленностью в общей семантике слова [Тихонов 2002: 33]. В случаях развития у слова переносной абстрактной семантики следы исконного пространственного значения, свойственного любой приставке, прослеживаются более или менее явственно. Этимологически для приставки (предлога) *за-* реконструируются значения '*за, позади*', '*по ту сторону*', '*сверх, выше*' [Фасмер 1986: т. II, с. 69; Преображенский 1959: т. I, с. 239]. В рассматриваемых словах эта приставочная морфема обнаруживает связь с семантикой направленности действия за пределы предмета или места, а также перехода через какой-либо предел, превышения какой-либо меры, количества [СРЯ 1981: т. I, с. 490]. Именно данная пространственная сема становится основой формирования значения **завышенной** самооценки, свойственного словам рассматриваемого синонимического ряда.

Прилагательное *высокомерный* подается в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова как непроемное, являющееся вершиной самостоятельного словообразовательного гнезда, однако его морфемная и словообразовательная структура очевидны – так же, как и внутренняя форма: *высокомерный* – тот, кто ставит, оценивает (буквально «меряет») себя выше других.

Прилагательное *кичливый* на современном языковом срезе семантически неясно. *КЫЧИВЫИ, КИЧИВЫИ* '*спесивый, кичливый*' известно с древнерусского периода (фиксируется в самых ранних памятниках письменности), как и другие однокоренные слова: *КЫЧЕНИЮ, КИЧЕНИЮ, КЫЧИЮ* '*высокомерие, гордость*', *КЫЧИТИ, КИЧИТИ, КЫЧИТИСЯ* '*быть надменным, гордым; надменно возвышаться, превозноситься*' [Срезневский 1989: т. 1, ч. 2, стлб. 1419]. Выяснение этимологии корня приводит к заключению о том, что абстрактная семантика '*высокомерный, заносчивый*', как и в случаях, рассмотренных выше, сформировалась на основе пространственного представления о расположении сверху, сравн.: др.-рус. *КЫКА, КИКА* '*верх головы, волос на голове, головной покрывки*'; '*высшая степень*' [Срезневский 1989: т. 1, ч. 2, стлб. 1417–1418]; русск. диал. *кичка* и *кычка* '*верхняя часть чего-л.; маковка, верхушка*'; '*кичка, заплетённые*

в косы или собранные в пучок и закрученные на макушке или затылке волосы (род женской прически)' [СРНГ 1977: вып. 13, с. 247]. Сравнивают с санскритским *каса-с* 'волосы на голове, повязка, рубец' [Преображенский 1959: т. 1, с. 306–307].

К рассматриваемой мотивационной модели относится зафиксированное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (в ряду слов, приводимых для толкования адъектива *высокомерный*) прилагательное *высоносый*, обладающее прозрачной семантикой. Значение '*важничать, гордиться, зазнаваться*' в русском языке выражается и рядом фразеологизмов с аналогичной внутренней формой – *задирать (подымать, драть) нос* (разг., неодобр.), *задирать хвост* (груб.-прост., неодобр.), *держаться высоко* (устар., разг., неодобр.), *высоко летать (залетать)* [Жуков 1987: 113, 161].

Таким образом, основой формирования семантики рассмотренных прилагательных является представление о высоком расположении в пространстве, которое переосмысливается в осознание собственной значимости, объективно необоснованное.

Причастие-прилагательное *надутый* входит в рассматриваемый синонимический ряд в переносном значении '*высокомерный, надменный*', в котором употребляется как разговорное. В основе семантики лежит исходное представление о физическом признаке предмета – большом объёме, «раздутости». Переосмысление такого качества предметов, как большой объём, значительная величина оказывается системным и ведет к формированию абстрактного представления о важности, высокой ценности, значимости человека, которые также оцениваются окружающими как мнимые. Прилагательное *надутый* отражает одно из переносных значений производящего глагола *надуться* – '*принять важный, надменный вид*'.

Исторически однокоренным с *надутый* является адъектив *надменный* '*пренебрежительно, свысока относящийся к людям; высокомерный*', утративший в современном языке производность и членимость в связи с выходом из употребления производящего глагола *надмеваться/надмиться* '*напыщаться, раздуться спесью, возноситься гордостью*' (уместно заметить, что производящий для *надмеваться* глагол *надмевать* был известен как в прямом – '*надувать, раздувать ветром в объёме*', так и в

переносном значении – ‘напыщать, наполнять гордостью, сесью; делать кого кичливым, высокомерным, надменным’) [Даль 1981: т. II, с. 403]. Характер мотивации очевиден и не требует дополнительных комментариев.

Внутренняя форма прилагательных *чванный*, *чванливый* на современном языковом срезе затемнена. В этимологической литературе для омонима **čvanь* I, продолжения которого известны лишь в некоторых славянских языках, предлагается несколько версий происхождения: 1) звукоподражательная; 2) сближающая корень с глаголом **čuti*; 3) возводящая корень к несохранившемуся глаголу **čьvati* ‘разбухать, надуваться’. Последняя точка зрения принимается с некоторыми оговорками авторами «Этимологического словаря славянских языков», которые указывают, что данная этимологическая версия была высказана в свое время А. А. Потебней. **Čvanь* рассматривается как страдательное причастие прошедшего времени от несохранившегося глагола **čьvati*, родственного греческому *χύέω* ‘беременеть’, др.-инд. *śváyati* ‘делаться большим, сильным’, *śūpa-* ‘надутый, разросшийся’ [ЭССЯ 1977: вып. 4, с. 178–179].

Учитывая случаи очевидной мотивированности производной семантики ‘высокомерный’ представлением о большом объеме, величине, с одной стороны, и лексические параллели, приводимые авторами «Этимологического словаря славянских языков», – с другой, вероятность последней этимологической трактовки можно считать очень высокой.

В современном русском литературном языке с рассматриваемым синонимическим рядом косвенно связано прилагательное *чопорный* ‘чрезмерно строгий, щепетильный в поведении, в соблюдении приличий’. В русских диалектах корень представлен целым рядом фонетических вариантов и обнаруживает более широкую семантику: *чѣпорный* ‘человек мелочный, щепетильный, изысканно вежливый или ломливый; прихотливый до мелочей на одежду, с заученными приемами; крайне брезгливый на приличия’; орл. *чапурно́й* ‘опрятно, щеголевато одетый’; зафиксирован также вариант *чепурно́й*. В однокоренных глаголах сема ‘вести себя высокомерно’ выступает более отчетливо: *чепуриться*, а также *чапуриться* (кур., вор., тул.), *чапураться* ‘надыматься, важничать, чваниться и расхаживать как чапура; одеваться

щеголевато’; *чѣпорничать* ‘*щеголять чопорным обращением*’ [Даль 1982: т. IV, с. 582, 589]. Восстанавливаемые для праславянского языкового среза глаголы **čeperiti sę* / **čepiriti sę* / **čepuriti sę*, как указывают авторы «Этимологического словаря славянских языков», представляют собой сложение экспрессивной приставки **če-* и глагольной основы, обнаруживающей следы, по крайней мере, двух рядов чередований (**per-* / **pir-* / **pъr-* и **pър-* / **pur-*). Семантика глагольного корня реконструируется как ‘*торчать, топориться*’ [ЭССЯ 1977: вып. 4, с. 55–60]. Семантическая эволюция корня в славянских языках представлена несколькими направлениями: ‘*торчать, топориться*’ > 1) ‘*наряжаться, расфуфыриваться, прихорашиваться, щеголять*’; 2) ‘*капризничать, сердиться*’; ‘*волноваться*’; 3) ‘*дуться, важничать, чваниться, кичиться*’. Таким образом, мотивация семантики ‘*чванливый, высокомерный*’, свойственной данному корню, аналогична той, которая наблюдается в описанных выше словах.

Синонимический словарь русского языка не включает в ряд с доминантой *высокомерный* прилагательное *напыщенный*, которое, однако, несомненно в него входит и обнаруживает такую же семантическую мотивацию, как и слова, рассмотренные выше: *напыщенный* ‘*преувеличенно важный, надменный, высокомерный*’ [СРЯ 1983: т. II, с. 386]. Исторически слово является производным от не сохранившегося в современном литературном языке приставочного глагола *напыщать/напыщать* ‘*надмевать, делать гордым, кичливым, возбуждать спесь, высокомерие*’ [Даль 1981: т. II, с. 458]. *Напыщать* так же, как и глагол *пыжиться* (в основном значении ‘*напрягаться, надуваться из всех сил (обычно стараясь сделать что-либо)*’ и в переносном – ‘*держаться себя чванно, важничать, кичиться*’) [СРЯ 1983: т. III, с. 568], прилагательное *пышный* (в значении ‘*напыщенный, высокопарный (о речи)*’), глагол *пыхать* и др., восходит к индоевропейской основе **reu-* : **rou-* ‘*надувать(ся)*’, ‘*раздуваться*’, ‘*пухнуть*’, которая могла распространяться различными детерминативами. Славянские слова сравниваются, например, с латыш. *piđa* ‘*порыв ветра*’, греч. *πυρή* ‘*зад*’ [Черных 2006: т. II, с. 87–89].

Представление о высокомерном, чванливом поведении в русской языковой картине мира сопряжено с представлением о

душевной пустоте, внутренней несостоятельности человека. Спесь и чванство свойственны тому, кто беден духовно, не размышляет о предназначении человека, не уважает других и не видит в них людей. Эти представления отражаются, например, в таких русских пословицах (которые могут употребляться как в прямом, так и в метафорическом смысле), как *Пустой мех надувается, Пустой колос выше стоит, Пустая бочка пуще гремит*. В подобных выражениях как раз и соединяются представления о внешней важности, или, лучше сказать, важничанье (буквально – высоком положении или большом объеме), оказывающемся мнимым, и внутренней ничтожности.

На первый взгляд, особняком (с точки зрения источника мотивации) стоит прилагательное *гордый* (в одном из значений – ‘обладающий преувеличенно высоким мнением о себе; высокомерный, надменный’). В этимологической литературе указывается на проблематичность индоевропейских соответствий к славянскому **gъrdъ(jъ)* (лат. *gurdus* ‘тупой’ (о железе), лит. *gurdùs* ‘медлительный, канительный’, лтш. *gurds* ‘усталый, вялый’, греч. *Βράδύς* ‘медлительный, косный’) и высказывается мысль об «экспрессивно-инновационной природе слова» [ЭССЯ 1980: вып. 7, с. 206–207]. Направление семантической эволюции реконструируется как ‘застывший, малоподвижный’ > ‘чопорный, гордый’ [ЭССЯ 1980: вып. 7, с. 206–207].

Высока вероятность формирования по близкой мотивационной модели семантики адъектива *спесивый*. Указывая на этимологическую неясность слова и отвергая связь корня со **spěti*, **spěšъ* (в связи с невозможностью объяснения появления *s* из *š*), П. Я. Черных предполагает в русском *спесь* продолжение и.-е. корня **sp(h)ē-*, семантика которого реконструируется как ‘натягивать(ся)’, ‘напрягать(ся)’ > ‘корчиться’. По мнению ученого, субстантив мог быть образован от утраченного глагола **spēsiti* или **spisati*, в которых -*s*- оказывается таким же глагольным распространителем, как в ст.-сл. *НАСМИСАТИ СЯ*. Как продолжения указанного корня (**sp(h)ē-* : **sp(h)ə-* [или **sp(h)ei-* : **sp(h)i-*]) рассматриваются, например, ср.-в.-нем. *sran* ‘ссора, раздор’, др.-в.-нем. *sranpan*, совр. нем. *sranpen* ‘натягивать, напрягать’, греч. *οπισω* ‘вытягиваю’, ‘тяну’, ‘дёргаю’ и др. [Черных 2006:

т. 2, с. 193]. Учитывая возможность развития значения '*высокомерный*' на основе семантики '*застывший, малоподвижный*' для прилагательного *гордый*, представляется совсем необязательной реконструкция промежуточного звена в виде '*скорченный, корчиться*' для *спесивый*. В то же время нельзя не сказать о том, что представление о таком внешнем признаке, как «изломанность, изогнутость» также может выступать в качестве семантического источника формирования значения '*высокомерный*'. Подобное направление семантического развития наблюдается для прилагательного *ломливый* (прост.) '*склонный ломаться, упрямый и спесивый*' (*ломаться* – в переносных значениях '*кривляться, паясничать; манерничать, жеманиться*'; '*упрямиться, не соглашаться на что-л., не имея на то основательных причин*') [СРЯ 1983: т. III, с. 198–199]; показательно синонимичное употребление в одном контексте прилагательных *ломливый* и *гордый* А. С. Пушкиным: *Молодица Уж и впрямь была царица: Высока, стройна, бела, И умом и всем взяла; Но зато горда, ломлива, своенравна и ревнива* («Сказка о мертвой царевне»).

Аналогично направление развития переносного значения у неизвестного современному литературному языку прилагательного *корячливый* '*несговорчивый, строптивый, ломливый*' (о человеке). Производящий глагол *корячить* приводится В. И. Далем со значением '*ломать, гнуть силою, разводить, распирасть*' [Даль 1981: т. II, с. 161]. Таким образом, такие противоположные внешние признаки предметов, как негибкость, твёрдость, напряженность, «натяннутость», с одной стороны, и изогнутость, кривизна – с другой, обнаруживают однотипные ассоциации с высокомерным поведением человека, которое оценивается как неестественное.

Наблюдения над истоками формирования семантики '*высокомерный*' в русском языке позволяют сделать вывод о том, что в их основе лежат представления о внешнем, физическом мире. Наиболее регулярно абстрактная оценочная семантика '*высокомерный*' формируется на основе переосмысления пространственного признака '*высокий, высоко расположенный*' (*высокомерный, высоносый, заносчивый, кичливый*), внешнего признака большого объёма, «раздутости» (*надутый, надменный, чванный*,

чопорный, напыщенный), а также таких внешних признаков предмета, как натянутость, негибкость (*гордый, спесивый*) и изогнутость, кривизна (*ломливый, корячливый*).

Список литературы

1. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 672 с. – (Studia philologica).

2. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм – Ленинград : изд-во Ленинградского университета, 1979. – 134 с.

3. Словарь синонимов (справочное пособие) / Редактор А. П. Евгеньева. – Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1975. – 648 с.

4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз./ Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 387–415.

5. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. /РАН. Ин-т рус. яз. ; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Рус. яз. – Т. 5–6: Е–З. – 1994. – 912 с.

6. Тихонов, А. Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология) / А. Н. Тихонов. – Москва : Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.

7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – пер. с нем. и доп. члена-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – изд. 2-е, стер. – Москва : Прогресс, 1986–1987. – Т. II. – 1986. – 672 с.

8. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. – Т. I : А–О. – 717 с.

9. Словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – Москва : Русский язык. – Т. I: А–Й. – 1981. – 698 с.; Т. 2: К–О. – 1983. – 736 с.; Т. 3: П–Р. – 1983. – 750 с.

10. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский. – Москва : Книга. – Т. 1, ч. 2. – 1989 (Репринтное издание).

11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. – Вып. 13: Калун–Кобза. – Ленинград : Наука, 1977. – 358 с.

12. Жуков, В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В. П. Жукова // В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. – Москва : Рус. яз., 1987. – 448 с.

13. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Русский язык. – Т. I: А–З. – 1981. – 699 с.; Т. II: И–О. – 1981. – 779 с.; Т. III: П. – 1982. – 555 с.; Т. IV: Р–В. – 1982. – 683 с.

14. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / под ред. О. Н. Трубачева. – Вып. 4 (*čabeniti–*děl’a). – Москва : Наука, 1977. – 235 с.; Вып. 7 (*golvač–*gyžati). – М.: Наука, 1980. – 224 с.

15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – Москва : Русский язык – Медиа, 2006. – Т. 2: Панцирь–Ящур. – 559 [1] с.

УДК 821.161.1

Торопыно Д.И.

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, РФ*

СПЕЦИФИКА РАСТИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В БРЯНСКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ

В настоящей статье исследуется специфика употребленных фитонимов в брянских народных легендах. Анализ символического значения позволил выявить их функциональную нагрузку в формировании сюжета и отражении мировоззрения восточных славян в художественном тексте. Подчеркивается роль растительной символики в передаче культурных и нравственных устоев населения Брянской области.

Ключевые слова: растительный образ, фитоним, брянская народная легенда, фольклор, символ.

Toropyno D.I.

*Scientific supervisor: Sharavin A.V., Doctor of Philology, Professor,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

THE SPECIFICS OF PLANT IMAGES IN BRYANSK FOLK LEGENDS

This article examines the specifics of the phytonyms used in Bryansk folk legends. The analysis of the symbolic meaning made it possible to identify their functional load in the formation of the plot and the reflection of the worldview of the Bryansk people in the literary text. The role of plant symbols in the transmission of cultural and moral principles of the population of the Bryansk region is emphasized.

Keywords: *plant image, phytonym, Bryansk folk legend, folklore, symbol.*

Брянщина – земля с богатым историческим прошлым и самобытной культурой, бережно хранящая в своей памяти отголоски древних верований и преданий. Одним из ярких проявлений культурной памяти являются народные легенды – устные повествования религиозного содержания [8]. В них растительный мир играет особую роль, наделяясь народом символическим и мифологическим значением. Фитонимы в брянских народных легендах предстают не только как элементы пейзажа, но и отражение представлений человека о жизни и смерти, добре и зле, связи с высшими силами и др.

Изучение этимологии названий растений в художественных произведениях, в том числе и в устном народном творчестве, представляет собой неизменный научный интерес для многих исследователей из смежных областей научного знания (лингвистика, этнолингвистика, психолингвистика и пр.) за последнее десятилетие. Исследование фитонимов в народных легендах позволяет проникнуть в глубины народного сознания, понять, как

наши предки воспринимали мир, какие смыслы вкладывали в природу, как использовали растения в своей повседневной жизни и духовной практике. Растительная символика является важным элементом культурного кода народа, отражающим его историю, традиции и верования.

Как нами уже было отмечено выше, многие исследователи посвятили ряд работ изучению специфики фитонимов в русских фольклорных произведениях. Среди них можно выделить следующих: Т.Н. Бурмистрова [1], [2], Ю.А. Дьяченко [4], Ю.Н. Исаев [5], В.Б. Колосова [6], П.В. Кропотухина [7] и др. Они внесли значительный вклад в область исследования особенности растительного мира в художественном тексте, однако в настоящее время все равно остаются «белые пятна» по данной проблеме.

Актуальность настоящего исследования состоит в малой изученности специфики растительных образов в брянских народных легендах. Данная работа может послужить источником восполнения пробелов в исследовании устного народного творчества региона, подчеркивая важность понимания растительной символики как неотъемлемой части культурного кода брянского народа и ее роли в формировании мировоззрения и связи с окружающим миром.

Кроме того, фитонимы и флористические образы играют большую роль в произведениях русских советских писателей, связанных с Брянщиной. Литературоведы отметили в произведениях А. К. Толстого, Л. Добычина, П. Л. Проскурина и др. частотное использование растительной поэтики, восходящей к фольклору земли Пересвета [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16]. Данный аспект также актуализирует проблему исследования.

В легенде «Бог и колосья» растительный образ олицетворяет труд земледельца и связь человека с божественным началом. В русском фольклоре он чаще всего символизирует плодородие, благополучие, богатство, счастье. Также он является центральным атрибутом жатвенной обрядности – начала жатвы (зажинок) и ее конца (дожинок). Первые и последние сжатые колосья почитали и наделяли особой магической силой. В исследуемом тексте повествуется, как их рост останавливается из-за случайного окрика мужика, отвлекшегося на лай собаки: «как на зло, подбежала собака и на мужика залаяла <...> Бог тут же и остановил

рост колосьев» [Глебов 2012: 118]. Данный эпизод демонстрирует, что человек не подобен творцу, и подчеркивает его ограниченность желаний и несовершенство мира. Лай собаки символизирует мирскую суету, помешавшую ему реализовать свой замысел.

В брянской легенде «Роза» этот растительный образ предстает не только как воплощение красоты и совершенства, но и как символ двойственности и противоречивости жизни. В русском фольклоре роза часто ассоциируется у народа с девичьей красотой, здоровьем, любовью и др. В анализируемом тексте она описывается как цветок, превосходящий все остальные по эстетическим показателям: «и вид у него, и цвет – лучше не придумаешь. А запах-то, запах какой! В общем, всем хорош – ничего не скажешь!» [Глебов 2012: 118]. Это подчеркивает восприятие растения как эталона красоты и гармонии. Однако наличие у него шипов противопоставляется его красоте и аромату. Этот контраст может символизировать двойственность жизни, что подтверждают следующие слова: «в мире-то и шипы, и колючки есть. Так вот: эти цветом Бог учит нас уму-разуму» [Глебов 2012: 118].

В легенде «Осина – чертовое дерево» растительный образ, как следует уже из названия, наделяется ярко выраженной негативной коннотацией и выступает символом проклятия, страдания и связи с нечистой силой. В русском фольклоре осина часто олицетворяет предательство, проклятье или смерти. Народ верил, что ее листья дрожат от страха из-за проклятия Богородицы, а проклинали ее за то, что на ней повесился Иуда, предавший Христа. Однако в древности данный фитоним имел значение защитника, оберегающего от злых сил. Народ в анализируемом тексте воплотил приведенный библейский сюжет, о чем свидетельствуют следующие предложения: «Тогда Бог, его небесный отец, и проклял осину. С той поры она и дрожит» [Глебов 2012: 119]. Это создает определенный эмоциональный фон и задает у читателя негативное восприятие этого дерева.

В легенде «Иконы из липы» опровергается негативное представление народа о липе, которая выступает как объект споров и размышлений, а также символом разума и критического мышления. В русском фольклоре ей часто приписывались качества человека: мягкость, женственность, нежность. У древних

славян она отождествлялась с богиней любви и красоты – Ладой. В качестве аргумента против негативного представления о липе приводится факт изготовления икон из липовых досок: «Из липы ж, из досок, иконы делают. Да разве б делали, если бы она дьяволу служила?!» [Глебов 2012: 119]. Данное утверждение основано на практическом опыте и логике, демонстрируя связь растения с духовностью и благочестием.

В брянской легенде «Иван-да-Марья» это растение выступает как символ трагической любви, родственной связи и божественного милосердия. В русском фольклоре оно символизирует верность и олицетворяет сочетание двух стихий – воды и огня. В мифе Иван был связан с жизнью и огнем, а Марья – со смертью и водой. Название цветка отсылает к трагической истории любви брата и сестры, Ивана и Марьи, не знавших о своем родстве: «Эта история такая есть – интересная: про парня и девушку. Их Иваном и Марьей звали. Полюбили они друг дружку, уже и жениться хотели... А тут вдруг перед самой свадьбой узнают, что они брат и сестра.» [Глебов 2012: 120]. Данная связь придает фитониму семантику грусти и сочувствия. В анализируемом тексте подчеркивается, что Иван и Марья не виноваты в своей трагической любви, так как они не знали о своем родстве: «А так-то они ж и не виноваты вовсе – они ж ничего не знали.» [Глебов 2012: 120]. Приведенный отрывок указывает на их невинность и неведение, вызывая у читателя сострадание к судьбе героев.

В легенде «Крапива» растение наделяется негативными характеристиками и выступает как символ зла, ненависти и последствий борьбы между добром и злом. В тексте его происхождение связывается с кровью, пролитой сатаной в битве с Архангелом Михаилом: «Поразил Архангел сатану – из него аж кровь брызнула. Вот из этой крови крапива и получилась, и расти стала.» [Глебов 2012: 121]. Эта история связывает крапиву с силами зла. Также в ней подчеркивается ее живучесть и распространение, от которого трудно избавиться: «От нее ж, заразы, никак не избавишься. А жжет-то как – это ж ужас!» [Глебов 2012: 121]. Оно символизирует живучесть зла и его способность проникать в различные сферы жизни. Несмотря на происхождение крапивы от сатаны, легенда заканчивается утверждением о непобедимости добра: «Только Архангел Михаил сатану всегда победит – это в

Писании сказано.» [Глебов 2012: 121]. Из приведенного отрывка следует, что в народном представлении есть надежда на торжество добра над злом, несмотря на его живучесть и распространенность. Данный мотив не единожды присутствует в русских народных сказках и других жанрах русского народного фольклора.

Таким образом, проведенный анализ брянских народных легенд выявил, что растительный мир играет ключевую роль, выступая не только важными элементами пейзажа, но и носителем народных представлений о мире и этических устоев человечества. Употребляемые в текстах фитонимы имеют чаще всего божественное происхождение, тем самым формируя у читателя нравственные ориентиры и мировоззрение о быте и культуре брянского народа.

Список литературы

1. Бурмистрова, Т. Н. Лингвокультурологическая интерпретация сакральных фитонимов с прозрачной внутренней формой / Т. Н. Бурмистрова // Лингвокультурология. – 2008. – № 2. – С. 39–46.
2. Бурмистрова, Т. Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Бурмистрова. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. университет, 2008. – 175 с.
3. Глебов, В. Д. (сост.) Легенды, предания, устные рассказы Брянской области / В. Д. Глебов. – Брянск : Издательство Брянского государственного краеведческого музея, 2012. – 269 с.
4. Дьяченко, Ю. А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Дьяченко. – Курск : Курский госуниверситет, 2010. – 197 с.
5. Исаев, Ю. Н. Фитонимический концептуарий как словарь нового типа (на материалах чувашского и русского языков) / Ю. Н. Исаев. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2013. – 191 с.
6. Колосова, В. Б. Славянская этноботаника: очерк истории / В. Б. Колосова // Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2010. – С. 7-20.

7. Кропотухина, П. В. Концептосфера «мир растений» как объект лингвистических исследований / П. В. Кропотухина // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург, 2014. № 6. – С. 35–39.

8. <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=27095> (дата обращения: 01.04.2025)

9. Шаравин, А. В., Старцева, И. Л. Неклассическая Ленинана: Ленинский текст и Ленинский контекст рассказов Л. Добычина / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева // Сборник: Добычинские чтения в Брянске. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией О.В. Вороничевой. – Брянск : БГИТУ. 2018. – С. 69–97.

10. Шаравин, А. В., Старцева, И. Л. Название произведения как доминанта моделирования мотивной структуры (по рассказу "Встречи с Лиз" Л. Добычина) / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева // Сборник: Добычинские чтения в Брянске. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией О.В. Вороничевой. – Брянск: БГИТУ. 2018. – С. 43–69.

11. Шаравин, А. В., Старцева, И. Л. Славянская свадебная обрядность в балладах А. К. Толстого / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева // Сборник: Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.). Под редакцией С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск : ООО «АВЕРС», 2018. – С. 457–469.

12. Шаравин, А. В., Антюхов, А. В. Богатырство как национальное проявление дохристианской Руси в творчестве А. К. Толстого / А. В. Шаравин, А. В. Антюхов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 58. – С. 129–150.

13. Шаравин, А. В. «Табачная» поэтика в произведениях о Великой Отечественной (А. Твардовский, В. Некрасов, В. Высоцкий) / А. В. Шаравин, Р. В. Любарский, И. Л. Старцева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 2 (95). – С. 131–139.

14. Шаравин, А. В., Старцева, И. Л. О прототипе героини рассказов «Портрет», «Матерьял», «Чай» Л. Добычина / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева // Добычинские чтения в Брянске: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции (Брянск, 17 июня, 2022 г. /под редакцией О.В. Вороничевой. – Брянск: МБУК «ЦДСБ г. Брянска», 2022. – С. 76–93.

15. Шаравин А. В. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья первая / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 1 (98). – С. 135–143.

16. Шаравин, А. В. Роман «Глубокие раны» П. Проскурина: идеология, выправленная биографией. Статья вторая / А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, А. В. Антюхов, Е. А. Михеичева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 1 (98). – С. 144–150.

УДК 81'1

Толстова Н. В.

*Научный руководитель: к.ф.н., доцент Тарасова О.Д.
Государственный университет просвещения,
г. Москва, РФ*

ЯДЕРНАЯ И ПЕРИФЕРИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТА «ОСЕНЬ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Данная статья посвящена изучению концепта «осень» в русской лингвокультуре на основе данных ассоциативного эксперимента. Целью исследования являлось выявление чувственных образов ядра, базовой составляющей и периферийных зон концепта, что позволило углубиться в его слои и содержание в понимании современных носителей русского языка. Анализ полученных ассоциаций сделал возможным выявление ключевых способов вербализации осеннего периода русскими, включающих в себя три основных образа с акцентом на погодные явления, а также определил те элементы, которые кодируют концепт как мыслительную единицу в

универсально-предметный и культурный код. Амбивалентное восприятие осени русскими приблизило нас к пониманию составляющих концепта, что в свою очередь, не только открывает новые перспективы для анализа осенних образов в более узких сферах культуры и коммуникации, но и позволяет проследить динамику изменений в восприятии этого концепта русскоговорящими.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, ассоциативный эксперимент, концепт, полевая модель, ядерная зона, периферия.

Tolstova N.V.

Scientific supervisor: **Tarasova O.D.**

Ph.D., Associate Professor

State University of Education, Moscow, Russia

THE CORE AND PERIPHERAL COMPONENTS OF THE CONCEPT OF «AUTUMN» IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

This article is devoted to the study of the concept of "autumn" in Russian linguoculture based on data derived from an associative experiment. The purpose of the study was to identify sensory images constituting the core of the concept, its basic component and peripheral areas, which allowed us to delve into the layers and content in the frame of modern native speakers of the Russian language comprehension. The analysis of the obtained associations made it possible to identify the key verbalization ways of the autumn season by Russians, which include three main images with an emphasis on weather phenomena, as well as determined those elements that encode the concept as a mental unit into a universal subject and cultural code. The ambivalent perception of autumn by Russians has brought us closer to understanding the components of this very concept, which in turn not only opens up new perspectives for analyzing autumn images in the narrower spheres of culture and communication, but also allows us to trace the dynamics of changes in the perception of this concept by Russian speakers over time.

Keywords: *cognitive linguistics, cultural linguistics, associative experiment, concept, field model, core, periphery*

Согласно учениям когнитивной лингвистики, концепт является основным элементом национального самосознания личности, как части общества. Под ним понимается совокупность культурных феноменов, проникающая в разум и формирующая внутренний мир. В то же время, концепт представляет собой «инструмент», с помощью которого обычный человек, не причастный к созданию культурного наследия или формированию ценностей, взаимодействует с культурой, а в исключительных случаях – оказывает на неё воздействие [Степанов 2007: 63].

В исследованиях Н. И. Жинкина и А. А. Залевской обозначено, что концепт хранится в долговременной памяти индивида в форме образных понятий, несущих определенный смысл, которые можно вербализовать словесно, подобрав им подходящую языковую форму [Жинкин 1998: 146, Залевская 2000: 93]. Так, концепты воплощаются в речь через конкретные лексемы или устойчивые выражения, принадлежащие к лексико-фразеологической системе конкретного языка, на основе которых затем формируется концептуальная модель. В настоящем исследовании мы опирались на полевую модель, изложенную в работах отечественного лингвиста И. А. Стернина. В зависимости от степени семантической центральности лексическая многослойность в ней находит отражение в терминах «ядро» и «периферия», где ядро образуют фундаментальные слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; в то время как более абстрактные, слабо структурированные признаки, базирующиеся на особенностях менталитета, составляют периферию концепта [Попова, Стернин 2001: 59].

За стабильность этнокультурных концептов отвечают устойчивые языковые воплощения, активно используемые носителями в речи и мышлении. Подобные концепты называют ключевыми, они ложатся в основу культурного кода нации. Иными словами, наличие у концепта языкового выражения и их регулярное употребление влияют на его (концепта) закрепление, обеспечивают неизменность и общедоступность, поскольку значения используемых лексических единиц понятны носителям языка и

четко отражены в словарях. Однако, это не означает, что понятийная составляющая концептов не может обновляться. Динамичность развития языка меняет формы вербализации даже у стабильных концептов или порождает новые, находящиеся на этапе формирования, не имеющие четкой языковой фиксации, глубоко индивидуальными. Этот фактор делает концепты обширным полем для систематических лингвистических исследований.

В целях отслеживания динамики изменений используются методы свободного словесного реагирования, такие как ассоциативный эксперимент. Он позволяет получить доступ к глубинным, неосознанным уровням языкового сознания носителей и зафиксировать наиболее устойчивые эмоциональные образы и ассоциации, связанные с изучаемым концептом. Более того, многие лингвисты утверждают, что именно те ассоциации, которые не всегда зафиксированы в словарях, позволяют более полно отразить образную сторону концепта [Банькова 2014: 72].

Для выявления чувственно-образного ядра, базового слоя и периферии концепта «осень» в русской лингвокультуре, был составлен экспериментальный опрос, в котором приняло участие 50 респондентов-носителей русского языка. Среди них были люди обоих полов, возрастного диапазона от 18 до 55 лет (преимущественно от 18 до 25) из разных сфер занятости. Апробация результатов легла в основу разработанной полевой модели, позволив выявить ключевые лексические единицы, формирующие универсально-предметный концептуальный код «осени» у современного русскоговорящего индивида.

Так, в первом задании участникам необходимо было описать три первых образа, вызывающих ассоциации со словом «осень» (они легли в основу ядра концепта). Анализ ответов показал следующие результаты: наиболее часто встречались ЛЕ «*дождь*» (91%) и лексемы «*листья/листва*» (85%), «*прохлада/холод/похолодание*» (80%). Это говорит о том, что в первую очередь для русских осень представляет собой атмосферное явление с характерными перепадами температуры и усилением осадков, что не удивительно, поскольку для европейских широт свойственны именно такие погодные условия в период после окончания лета.

Остальные, менее популярные ответы образовали базовый слой, в котором имеют место ассоциаты разного рода. Продолжая

тему метеорологических и сезонных феноменов, были выявлены такие образы, как *листопад, запах дождя/листьев, лужи, ветер, тепло, тучи, солнце, зонт, пасмурно, хмуро, сокращение светового дня*.

Другие полученные данные можно разделить на следующие группы: деятельность (50%): *школа, учеба, сбор урожая*; элементы одежды и домашнего уюта (45%): *теплая одежда, шарф, теплый плед*; цвета (76%): *желтый, оранжевый, золотой, багровый, охра, яркость, красочность*.

К специфичным ассоциатам (2%) среди данных категорий были отнесены напитки *чай, кофе* и музыкальные предпочтения *песни Басты, «3-е сентября»* (М. Шуфутинский) [см. Изгаршева 2023: 38].

Второй вопрос был нацелен на выявление ценностных компонентов в культурных особенностях и традициях россиян, сопряженных с осенним периодом: опрошенным требовалось вспомнить осенние праздники, обладающие для них особой значимостью. Предсказуемо, самой часто наблюдаемой ассоциацией стала школьная и историческая тематика (80%): *День знаний, 1-е сентября, День учителя, День народного единства*. Второе место занимают церковные праздники, поскольку согласно статистике, больше половины россиян считают себя приверженцами православной веры (66% верующих [Габдуллина 2024: 2]). Среди основных ассоциат были выявлены: *Покров Богородицы, яблочный спас, тыквенный спас, Праздник Веры, Надежды и Любви, Натальин день*.

Остальные образы, упомянутые респондентами, не имеют связи с русской культурной составляющей, однако занимают более 60% прочих ответов: *Хэллоуин, Самайн, День благодарения, Октоберфест*. Наличие ассоциатов из группы европейских праздников, нетипичных для россиян, свидетельствует о «метаморфических» процессах в базовых слоях концепта под влиянием западной культуры. В сравнении, ранее подобные понятийные образы не упоминались даже в периферии «осени» в рамках русской лингвокультуры, что подтверждают результаты подобного ассоциативного эксперимента, проведенного Е. А. Грудевой в 2013 г. [Грудева 2013: 45]. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что носители русского языка становятся более

открытыми к межкультурным взаимодействиям, принимая новые элементы чужих ценностей, внося их в свое представление и мировоззрение, тем самым пополняя концептуальные образы исследуемого концепта.

Остальные вопросы были направлены на выявление других языковых средств, вербализирующих концепт «осень». В них респондентам необходимо было вспомнить приметы, пословицы, поговорки и устойчивые выражения. Полученные результаты легли в основу периферии концепта. Интерпретация итогов опроса выявила, что большинство участников затруднялись ответить, что говорит о том, что осень довольно редко является основополагающим элементом в русскоязычных лингвокультурах подобного рода. Тем не менее, половина опрошенных упомянула поговорку *цыплят по осени считают* и фразеологизмы *бабье лето*, *золотая осень*.

На наш взгляд, влияние отечественной литературы, как культурного феномена, играет значительную роль в формировании сознания носителей языка и их мировоззрения, поэтому многие ассоциации опрошенных коррелируют с знаменитыми строками русских поэтов (77%): *«Унылая пора! Очей очарованье!»*, *«прощальная краса.»* (А. С. Пушкин), *«Пустеет воздух, птиц не слышно боле...»* (Ф. И. Тютчев). Остальные респонденты придерживаются мнения о том, что русская поэзия обращается к образам осени в моменты тоски, грусти и философских размышлений: *«чаще всего, осень в отечественной лит-ре наступает, когда героям приходится расстаться, быть одним»*; а также в моменты *«творческого вдохновения, романтики и во время размышления над прожитой жизнью»*. Безусловно, творчество русских писателей оставило след на эмоциональном восприятии сезона современниками, которое носит амбивалентный характер. Об этом свидетельствуют двойственные эмотивные характеристики осени, указанные опрошенными. У первой части участников осень вызывает сугубо положительные чувства: *радость, умиротворение, тепло, удовлетворение, спокойствие, ностальгия, счастье, уют, восхищение красотой, желание больше читать*. Вторая часть респондентов склонна испытывать негативные эмоции по отношению к сезону: *апатия, одиночество, грусть, меланхо-*

лия, тоска, депрессивные мысли, упадок сил, напряжение, сонливость, задумчивость, уныние. Стоит отметить, что погода напрямую влияет на настроение и эмоциональный фон опрошенных, что еще раз подчеркивает ее центральное положение в ядре концепта: *«При хорошей погоде, только положительные, потому что не жарко, как летом, приятная погода для прогулок»; «Смотря какая осень. Когда небо заволокло тучами – уныние. Когда выглядывает солнышко – радость»* (примеры из ответов опрошенных).

Таким образом, проведенный эксперимент выявил, что концепт «осень» в русской лингвокультуре обладает богатым и многослойными понятийными и образными составляющими, объединяющими как чувственный опыт, так и культурные представления, отражающие противоречивое восприятие данного времени года. Анализ полученных ассоциаций подтвердил амбивалентное отношение русских к осени: наряду с положительными коннотациями, связанными с красотой природы и уютом, присутствуют и негативные, отражающие увядание и приближение зимы. Дальнейшие исследования, направленные на изучение динамики данного концепта и его отражения в различных жанрах литературы и искусства, представляются перспективными для углубленного понимания национально-культурной специфики русского языкового сознания.

Список литературы

1. Банькова, Н. В. Контекстный анализ концепта «искусство»/ «art» / Н. В. Банькова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 72–76.
2. Габдуллина, Э. Православных россиян стало меньше, но они оказались тверже в вере / Э. Габдуллина // Газета «Коммерсантъ». – 2024. – № 46/П от 18.03.2024. – С. 5. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6578502> (дата обращения: 30.01.2025).
3. Грудева, Е. А. Концепт осень/ autumn в восприятии современных носителей русского и английского языков (на основе

данных ассоциативного эксперимента) / Е. А. Грудева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5–1(23). – С. 44–46.

4. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Язык, речь. Творчество. – Москва, 1998. – С. 146–162.

5. Залевская, А. А. Когнитивный подход к слову и тексту / А. А. Залевская // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 2000. – С. 93–95.

6. Изгаршева, А. В. Феномен «Третье сентября» в русскоязычной интернет-сети: темпоральный анализ / А. В. Изгаршева // Актуальные вопросы современной лингвистики: Материалы X региональной научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 23 сентября 2022 года / Отв. редактор М. Н. Левченко. – Москва : Московский государственный областной педагогический университет, 2023. – С. 37–42.

7. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с. – С. 59–62.

8. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов // Москва : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

УДК 82.3

Турилова М. В.
г. Калуга, РФ

РАССКАЗ «УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО» В. Г. РАСПУТИНА

В статье представлен план внеурочного мероприятия по изучению творчества В. Г. Распутина – итоговой межпредметной конференции. Она может быть проведена в подростковой аудитории в средней общеобразовательной и православной воскресной школе. Описаны возможные формы работы с подростками по изучению творчества писателя. Указаны тематические и сюжетные параллели рассказа «Уроки

французского» с произведениями других русских и зарубежных писателей и кинорежиссеров.

Ключевые слова: конференция, православие, В. Г. Распутин, русский язык, «Уроки французского».

Turilova M.V.
Kaluga, Russia

A SHORT STORY FRENCH LESSONS BY V. G. RASPUTIN

The article presents a plan for an extracurricular event to study the work of V. G. Rasputin – the final interdisciplinary conference. It can be conducted for teenagers in secondary and Christian Sunday schools. Possible forms of working with teenagers to study the writer's work are described. The thematic and plot parallels of the story "French Lessons" with other Russian and foreign literature and films are indicated.

Keywords: conference, French Lessons, Orthodox Christianity, V. G. Rasputin, Russian.

В 2027 году исполняется 90 лет со дня рождения русского писателя В. Г. Распутина. В. Курбатов в статье «Прощание для встречи», предисловии к сборнику произведений писателя, называет его «младшим братом» авторов «деревенской прозы» (Ф. Абрамова, Б. Можаева, В. Белова, В. Астафьева) и «младшим сыном этой высокой прозы», писавшим «закат вечной деревенской, всё определяющей в душе и мире России, чтобы успеть, пока солнце не скрылось совсем. <...> Молодая и старая правда писателя по-прежнему приходит к читателю книги с надеждой, что наш настоящий путь впереди. И матушка-Родина всё ждет нас и не угашает любви» [9: 6–8].

В статье представлена разработка внеурочного мероприятия по изучению творчества писателя – межпредметной конференции, которая подводит итоги работы на уроках русской литературы и русского языка, истории, МХК, ОРКСЭ и других. Она может быть проведена в подростковой аудитории в средней общеобразовательной и православной воскресной школе.

Основной целью мероприятия является осмысление рассказа В. Г. Распутина «Уроки французского» на фоне других произведений писателя, произведений других русских и зарубежных писателей и кинорежиссеров. Предложено взглянуть на произведения В. Г. Распутина как изложение заповедей Евангелия [2].

Рассказ В. Г. Распутина «Уроки французского» входит в программу по литературе для 8-х классов общеобразовательных школ. В программы для 11-х классов иногда включают повесть «Прощание с Матёрой». Большинство художественных произведений, предложенных в статье для сопоставительного анализа, рекомендовано для изучения в расширенных программах по литературе и МХК для общеобразовательных школ.

В ходе подготовки к конференции учитель заранее предлагает учащимся (индивидуально и рабочим группам) темы для самостоятельных исследований и составления 10-минутных сообщений, называет произведения, которые нужно прочесть или посмотреть, и критическую литературу. Учащиеся читают, обсуждают в группах, готовят краткие пересказы рассказов, очерков, повестей писателя, книг и статей других авторов, смотрят и обсуждают экранизации произведений В. Г. Распутина.

Темы реферативно-исследовательских работ и сообщений школьников (в порядке выступления учащихся на конференции):

1. Биография В. Г. Распутина [7; 8; 9; 10; 13; 16; 18].
2. Обзор тем и сюжетов основных произведений писателя: повестей «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003); рассказа «Уроки французского» (1973) и других. Краткий обзор экранизаций его произведений [8; 10; 11; 18].
3. «Деревенская» проза. В. Г. Распутин в ряду других писателей. Повести и рассказ «Уроки французского» как произведения о русской деревне послевоенного времени [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 16; 18].
4. Диалектная речь в произведениях писателя [8; 9; 10; 11; 16; 18]. Сопоставление с данными русских диалектных словарей [14; 15].
5. Тема дружбы учителя и ученика в рассказе «Уроки французского» и произведениях «Республика ШКИД» (1926) Г. Белых

и Л. Пантелеева, «Школа» (1930) А. Гайдара, «Как закалялась сталь» (1934) Н. А. Островского, «Два капитана» (1944) В. А. Каверина, «Фотография, на которой меня нет» (1968) В. П. Астафьева, «Сергей и Сережка» (1970) В. А. Добрякова, «Журавленок и молнии» (1981) В. П. Крапивина.

6. Тема отношений школьника и молодой учительницы в рассказе «Уроки французского» и повестях «Трудно с тобой, Андрей» (1964) М. Н. Казаковой, «Вверх по лестнице, ведущей вниз» (1964) Б. Кауфман, «Оранжевый портрет с крапинками» (1985), романе «Кораблики, или Помогите мне в пути» (1993) В. П. Крапивина.

7. Тема спасения подростка из дурной компании в рассказе «Уроки французского» и повестях «Мальчик со шпагой» (1974), «Колыбельная для брата» (1978), «Бронзовый мальчик» (1992), трилогии «Острова и капитаны» (1987) В. П. Крапивина.

8. Обзор следующих произведений французской литературы: история Элоизы и П. Абеляра (XII в.), «Юлия, или Новая Элоиза» (1760) Ж. Ж. Руссо, «Опасные связи» (1782) П. Шодерло де Лакло, «Красное и черное» (1830) Стендаля, «Шагреневая кожа» (1831) О. де Бальзака, «Три мушкетера» (1844) А. Дюма, «Госпожа Бовари» (1856) Г. Флобера, рассказ «Гаврош» из романа «Отверженные» (1862) В. Гюго, «Жерминаль» (1885) Э. Золя, новеллы Г. де Мопассана и А. Моруа, «В поисках утраченного времени» (1922) М. Пруста, «Маленький принц» (1943) А. де Сент-Экзюпери.

Тематические и сюжетные параллели с рассказом «Уроки французского». Темы патриотизма, учителя и ученика, морали и религии, отношений мужчины и женщины, бедности и помощи бедным, образования как социального лифта, дружбы, благодарности, дурной компании, социального статуса и социальной дистанции, революции и другие [19].

9. Фон русской классики: рассказы И. С. Тургенева; повесть «Униженные и оскорбленные» (1861) и роман «Преступление и наказание» (1866) Ф. М. Достоевского, рассказ «Ванька» (1886) А. П. Чехова, «В людях» (1916) М. Горького (эпизод с маленькой швеей, дававшей герою французские книги), «Легкое дыхание» (1916) И. А. Бунина, «Лолита» (1955) В. В. Набокова, «Доктор Живаго» (1955) Б. Л. Пастернака.

Тематические и сюжетные параллели с рассказом «Уроки французского». Темы учителя и ученика, морали и религии, отношений мужчины и женщины, бедности и помощи бедным, образования как социального лифта, дружбы, благодарности, дурной компании, социального статуса и социальной дистанции, революции и другие [12; 18].

10. Обзор экранизаций произведений В. Г. Распутина: кинофильмов «Рудольфио» (1969, реж. Д. К. Асанова), «Уроки французского» (1978, реж. Е. И. Ташков), «Встреча» (1980, реж. А. А. Итыгилов), «Продается медвежья шкура» (1980, реж. А. А. Итыгилов), «Прощание» (1981, реж. Л. Е. Шепитько и Э. Г. Климов), «Василий и Василиса» (1981, реж. И. И. Поплавская), «Деньги для Марии» (1985, реж. В. А. Андреев, В. А. Храмов), «Живи и помни» (2008, реж. А. А. Прошкин), экранизации телеканалом «Культура» спектакля Иркутского академического драматического театра им. Н. П. Охлопкова «Последний срок» (2016, реж. А. В. Ищенко).

Сопоставление экранизации «Уроки французского» (1978, реж. Е. И. Ташков) с кинофильмами «Up the Down Staircase» («Вверх по лестнице, ведущей вниз», 1967, реж. Р. Маллиган) «Доживем до понедельника» (1968, реж. С. И. Ростоцкий), «Большая перемена» (1973, реж. А. А. Коренев), современными ремейками рассказа «Уроки французского» – кинофильмами «Хороший мальчик» (2016, реж. О. М. Карас), «Ваш репетитор» (2018, реж. А. Е. Коломеец), «Простой карандаш» (2019, реж. Н. В. Назарова).

11. Тема духовного преображения учащегося человека. Изображение в художественных произведениях учителей и людей, которые ему в этом помогают. Сопоставление рассказа «Уроки французского» с рассказом А. П. Чехова «Студент» (1894), кинофильмом «Гардемарины, вперед!» (1987, реж. С. С. Дружинина).

12. В. Г. Распутин и православие. Отражение христианских заповедей в произведениях писателя [2; 3; 4; 5; 6; 7; 10; 11]. Статьи В. Г. Распутина «Мой манифест» [11: 5–8], «Ближний свет издалека (о Сергии Радонежском)» (1992) [11: 495–509].

Можно пригласить на конференцию православного священника и предложить ему для выступления темы «Рассказ

“Уроки французского” В. Г. Распутина как произведение православного писателя», «Рассказ “Уроки французского” В. Г. Распутина: прочтение православного священника» или другие.

Конференцию лучше проводить во внеурочное время из-за её продолжительности. Приблизительное время проведения мероприятия – 3 часа 40 минут или чуть больше. Следует проветривать помещение, в котором проходит конференция.

План проведения конференции:

До начала мероприятия участники размещают стенды в помещении. Следует накрыть столы для чая перед второй частью конференции (докладами), предусмотреть краткий перерыв после половины докладов.

1. Вступительное слово учителя.

2. Стендовая конференция (30 минут). Участники переходят от стенда к стенду, читают их, слушают доклады, задают вопросы докладчикам. Если стенд готовили несколько человек, они выступают по очереди.

3. Перерыв (5 минут). Все рассаживаются по местам. Столы накрывают для чая.

4. Доклады. Поочередно выслушиваются все сообщения (10 минут и 5 минут на вопросы и обсуждение). Следует сделать пятиминутный перерыв после половины (шести) докладов.

5. Слово священника или приглашенного гостя.

6. Завершающее слово учителя.

После конференции можно сделать общую фотографию. Стенды тоже следует сфотографировать. В течение нескольких дней учащиеся корректируют свои работы, формируется сборник конференции.

Готовясь к конференции и участвуя в ней, подростки отрабатывают навыки исследовательски-реферативной индивидуальной и групповой работы над заданной темой (работы с источниками и критической литературой, пересказа произведения, реферирования критической литературы, сопоставительного анализа произведений; подготовки отзыва на прочитанное произведение литературы или фильм, стенда, стендового доклада и устного выступления), подготовки и проведения итоговой конференции (организации мероприятия; обсуждения стендового доклада и корректировки дальнейшего устного выступления на конференции,

устного представления результатов работы, формулировки содержательных вопросов, обсуждения докладов, корректировки статей).

В статье «Мой манифест» [11: 5–8] В. Г. Распутин ставит вопрос: «Можно ли русский народ назвать народом духовным, видя его обездоленность, нестройность, порывистость то к одному, то к другому, то к небесному, то к земному, его склонность к раздорам и словно бы потребность жить на краю жизни? Если вы назовете другой, более духовный народ, значит нельзя» [11: 6] – и отвечает на него утвердительно, далее говоря: – «Отсюда, из духовного склонения России, и особая роль в ней литературы. Русская литература с XIX века особенно расцвела и украсилась художественно и чувственно, отыскала для выговаривания невыговариваемого слова тончайшей выразительности, но осталась продолжением древнего отечественного летописания под пером народописания» [11: 6–7].

Дистанция между позицией автора и тем, что изображено в его художественных текстах, позволяет допускать несколько адекватных прочтений читателями одного и того же текста, полезно обсуждение мнений о прочитанном [1; 17].

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Сов. писатель, 1963. – 363 с.
2. Библия [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 23.03.2022).
3. Димитрий Ростовский (Туптало), святитель. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского [Электронный ресурс] / 12 книг. – Москва : Ковчег, 2010. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/ (дата обращения: 23.03.2022).
4. Ефимов, А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви / А. Б. Ефимов. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 688 с.
5. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Избранные творения. – В 2 т. – Москва : Сибирская Благовонница, 2009.

6. Книга глаголемая «Описание о российских святых»: С прибавлением полного списка русских святых / Публ. и доп. М. В. Толстого. Репринт изд. 1888 г. – Москва : Изд-во Спасо-Преображенского Валаам. мон-ря, 1995. – 314 с.

7. Кожемяко, В. С. Валентин Распутин. Боль души / В. С. Кожемяко. – Москва : Алгоритм, 2007. – 288 с.

8. Котенко, Н. Н. Валентин Распутин: очерк творчества / Н. Н. Котенко. – Москва : Современник, 1988. – 188 с.

9. Курбатов, В. Прощание для встречи // В. Г. Распутин. Прощание с Матёрой. Предисл. В. Курбатова. – Москва : Эксмо, 2010. – 640 с. – С. 5–8.

10. Недзвецкий, В. А., Филиппов, В. В. Русская «деревенская» проза / В. А. Недзвецкий, В. В. Филиппов. – Москва : Изд-во МГУ, 2002. – 144 с. – (Перечитывая классику).

11. Распутин, В. Г. Уроки французского. Избранная проза и публицистика / В. Г. Распутин. – Москва : Жизнь и мысль, 2004. – 512 с. – (Библиотека МГПИУ).

12. Русская литература. – Москва : Дрофа, 1999. – 1296 с.

13. Семёнова, С. Г. Валентин Распутин / С. Г. Семёнова. – Москва : Сов. Россия, 1987. – 176 с.

14. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. – Т. 1–7. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2022.

15. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. – Вып. 1–51. – Москва, Ленинград : Наука, 1965–2022.

16. Словарь языка произведений В. Г. Распутина // Музей В. Г. Распутина / Творчество. – URL: <http://tree.museum-irkutsk.com/dictionary/> (дата обращения: 15.03.2022).

17. Успенский, Б. А. Поэтика композиции: структура художественного произведения и типология композиционной формы / Б. А. Успенский. – Москва : Искусство, 1970. – 223 с.

18. Энциклопедия для детей / Глав. ред. М. Д. Аксёнова. – Т. 9. Русская литература. Ч. 1. От былин и летописей до классики XIX века. – Москва : Аванта+, 1998. – 672 с.; Ч. 2. XX век. – 1999. – 688 с.

19. Энциклопедия для детей. Т. 15. Всемирная литература. Ч. 1. От зарождения словесности до Гёте и Шиллера / Глав. ред.

М. Д. Аксёнова. – Москва : Аванта +, 2000. – 672 с.; Ч. 2. XIX и XX века / Глав. ред. В. А. Володин. – 2001. – 656 с.

УДК 82.3

Фатех Г.Е.

*Хунаньский педагогический университет,
г. Чанша, Китай*

НЕПРЯМОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ТЕЛЕСНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

По мнению автора, феномен телесности выражается с помощью как прямых, так и непрямых маркеров. Прямые маркеры – это соматические речения, которые содержат в своём составе слова-соматизмы. Непрямые же маркеры указывают на телесное поведение художественного персонажа без использования соматизмов, а опосредованно, указывая на его эмоциональное состояние, социальный статус, исходящие от него запахи, связанные с телесным поведением героя артефакты, а также на телесное поведение, связанное с паравербальным поведением персонажа. На примере ряда рассказов А. П. Чехова показаны особенности непрямого маркирования феномена телесности, которые помогли писателю говорить коротко, но ёмко.

Ключевые слова: *феномен телесности, телесное поведение, паравербалика, непрямой маркер, соматическое речение, А. П. Чехов.*

Fateh H. E.

Hunan Normal University, Changsha, China

INDIRECT EXPRESSION OF THE CORPOREALITY PHENOMENON IN ANTON CHEKHOV' CREATIVITY

According to the author, the phenomenon of corporeality is expressed with the help of both direct and indirect markers. Direct markers are somatic utterances that contain somatic words. Indirect markers indicate the bodily behavior of a fictional character

without using somatisms, but indirectly, indicating his emotional state, social status, smells emanating from him, artifacts associated with the bodily behavior of the hero, as well as bodily behavior associated with the paraverbal behavior of the character. Using a number of stories by Anton Chekhov as an example, the features of indirect marking of the phenomenon of corporeality are shown, which helped the writer to speak briefly but capaciously.

Keywords: *phenomenon of corporeality, bodily behavior, paraverbals, indirect marker, somatic utterance, Anton Chekhov.*

Конец XX столетия стал отправной точкой для изучения невербальной коммуникации как художественного средства в филологии. Именно тогда на смену приоритетного функционирования системно-структурной парадигмы пришло принятие антропоцентрической научной парадигмы [5].

Интерес общества к телесному поведению человека начинает проявляться ещё в доисторические времена, о чём свидетельствует сохранившаяся на скальной живопись. Ценнейшим сохранившимся памятником времён 19-й династии фараонов (XII–XIII вв. до н. э.) является «Папирус Ани...». Его содержание свидетельствует о важности соблюдения в древнеегипетском обществе правил телесного поведения в различных социально значимых коммуникативных актах [16: 125]. Известны скульптурные артефакты шумерской цивилизации с символическими позами и смысловыми телесными формами [2]. Самым известным трудом античных ораторов о практическом использовании телесных движений является 12-томная «Инструкция оратора», написанная в I веке римским ритором Марком Фабием Квинтилианом на основе трудов древнегреческих ораторов. В середине XVII века Джон Бульвер написал 5 работ об анатомических особенностях тела с позиций психологии, социологии, культурной антропологии в процессе коммуникации между людьми посредством жестов: «Chirologia... and... Chironomia...» («Хириология и хирономия») (1644); «Philocophus, or, The deafe and dumbe mans friend...» («Филокоп, или Друг глухого и тупого») (1648); «Pathomyotomy...» («Патомиотомия») (1649); «Anthropometamorphosis...» («Антропометаморфозы») (1650) и др. [10; 11; 12]. В XX в. Джеймс Фрезер в книге «The Golden Bough» («Золотая ветвь»)

[13] запечатлил традиционные религиозные и магические ритуалы разных народов и культур, показав сакральный смысл телесного поведения: важность осанки, жестов, мимики, голосовых эффектов, запахов, внешнего вида людей и окружающих их артефактов, одежды и иных аксессуаров, расстояния между коммуникантами, последовательности движений.

В 1952 году Рэй Бердвистелл в книге «Introduction to Kinesics: An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture» («Введение в кинесику: система аннотаций для анализа телодвижений и жестов») [9] отметил, что предпосылки к телесному поведению человека диктует окружающая его культурная среда, а не генетика. Учёный указал, что 30 % информации передаётся с помощью вербального, а 70 % – телесного (невербального) поведения: жестикуляцией и мимикой.

На современном этапе развития языковедения исследования связанные с телесным поведением человека или художественного персонажа видим в работах М. М. Бахтина, А. Вежбицкой, Е. М. Верещагина, К. Гоумен, И. М. Дерик, В. Г. Костомарова, Т. Крпича, Л. Н. Марчук, В. Б. Мусий, Д. Н. Овсянико-Куликовского, Е. В. Песчанской, Л. В. Солощук, С. Е. Степановой, Т. Н. Сукаленко, М. В. Титаренко, Э. Холла, О. А. Яновой, других учёных [напр.: 1; 3; 4; 6; 7; 14; 15 и др.].

Целью представленного научного исследования является обозначение значимости непрямого выражения соматических речений в роли средства художественной речи и их систематизация среди маркеров телесного поведения художественного персонажа. Объектом изучения служат не прямые (косвенные) соматические речения в художественных текстах. Предмет исследования – механизмы непрямого выражения маркерами телесности внешних характеристик и внутренних состояний персонажа. Материалом для исследования послужили 125 сочетаний слов, выбранных из рассказов А. П. Чехова «Душечка», «Палата № 6» и «Хирургия» и его повести «Чёрный монах» [8].

В основу типологии средств телесного поведения персонажа мы положили праксиологическую дихотомию «прямое / не прямое (косвенное)». При этом средствами прямого выражения феномена телесности в художественной речи выступают речения с соматизмами. Это, по преимуществу, маркеры *кинесического*

(жестового, мимического, окулесического, такесического) поведения тела, его *физиогномического* описания и *проксемического* состояния. Средствами же непрямого выражения феномена телесности выступают речения без соматизмов, но такие, в которых представлены факты, явления, действия, признаки, смежные, исходя из поведенческой практики человека, с соматизмами. Это, по преимуществу, маркеры *ментального* действия человека, его *сенсемического* пространства (ольфактемы и гастемы), *эмоционального* состояния, *социального* статуса, *паравербального* действия, *артефактного* пространства. Косвенные маркеры феномена телесности отмечают явления, действия, факты, традиционно или рефлекторно обусловленные определенным телесным поведением персонажа. Поскольку косвенные соматические речения как маркеры телесного поведения не содержат конкретных соматизмов, в большинстве таких ситуаций когнитивно осознаётся синкретизм в обозначении феномена телесности с разными вариантами совмещения выражаемых отношений.

Ментальные действия человека обусловлены работой *головного мозга*, однако данный соматизм при прямом маркировании чаще всего метонимизируют, представляя словом *голова*, либо обходятся косвенным указанием на участие этого телесного органа в мыслительном действии. Напр.: 1) *Она [Ольга] сильно скучала и по ночам не спала, плакала* («Душечка»). Ментальный маркер *сильно скучать* вызывает ассоциации с телесными проявлениями этого состояния. Чехов уточняет, что у Оленьки Племянниковой скука проявляется в бессоннице и плаче. Ассоциативно представляем состояние глаз, то есть *не спать* и *плакать* являются непрямыми окулесическими кинесическими маркерами. Плач является прямым результатом эмоционально-ментального состояния скуки. 2) *Детскую весёлость и живой характер проявляет он [Мойсейка] и ночью, когда встаёт за тем, чтобы помолиться богу, то есть постучать себя кулаками по груди и поковырять пальцем в дверях* («Палата № 6»). Здесь ментальный маркер *помолиться богу* традиционно по-разному маркирован также кинесическими маркерами феномена телесности, которые имеют свою специфику у разных религиозных групп. Кроме того, специфика движений обусловлена также субъективными факто-

рами социального статуса молящегося (возраст, гендер), его эмоциональным и психическим состоянием, умственными способностями. Мойсейка – психически больной человек, в семье которого исповедуют иудаизм. Он автоматически повторяет жестовые и такесические движения, к которым был приучен с детства. 3) *Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы* («Чёрный монах»). Из контекста понимаем, что *Коврин утомился* не только физически, но и психо-эмоционально. Считаем, что здесь ментальный маркер совмещён с эмоциональным. Это подтверждает прямой эмоциональный маркер с соматизмом *нервы: расстроил себе нервы* – фразеологизм, созданный на основе медицинского терминологического выражения *нервное расстройство*. Можно предположить, что данный фразеологизм стал калькой немецкого фразеологизма, популярного в макаронической речи людей искусства конца XIX – начала XX в.: *ging mir auf die Nerven*. 4) *Но вдруг он прислушался и, сделавши страшное лицо, побежал в сторону и скоро исчез за деревьями, в облаках дыма* («Чёрный монах»). *Прислушиваться* – начинать внимательно слушать кого-то либо что-то, чтобы лучше услышать. Этот ментальный маркер ассоциируется с определёнными жестами головы, мимикой заинтересованности, «оживляющих» тело персонажа без использования прямых соматизмов.

Сенсемическое пространство человека обычно маркируется непрямыми соматическими речениями, содержащими ольфактемы (наименования запахов) и гастемы (наименования вкусов), вызывая ассоциации с участием телесных рецепторов носовой и ротовой полости. Запахи и вкусы, как правило, вызывают кинесические реакции, среди которых обязательно мимические. Например: 1) ... *От обоих хорошо пахло...* («Душечка»). Непрямой ольфактемный маркер даёт представление о телесном запахе Ольги и её второго мужа, Пустовалова, когда они возвращались по воскресеньям из церкви. 2) *Но от сигары во рту стало горько и противно, а вино оказалось не такого вкуса, как в прошлом году* («Чёрный монах»). Предложение содержит гастемы *горько* и *противно*, что в данном случае передано в сочетании с соматизмом *рот*. Сочетание *не такого вкуса* не содержит соматизма и прямой характеристики вкусовых ощущений, но даёт характери-

стику ментально-сенсемиического воспоминания о вкусе прошлогоднего вина. 3) *Цветы, оттого что их только что полили, издавали влажный, раздражающий запах* («Чёрный монах»). Запах влаги обычно передаёт положительные коннотации либо эмоционально нейтрален для восприятия. Однако особое эмоциональное состояние персонажа обусловило *раздражающее* ощущение такого запаха цветов. 4) *Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи с синими полосками, никуда негодная, истасканная обувь, — вся эта рвань свалена в кучи, перемята, спуталась, гниёт и издаёт удушливый запах* («Палата № 6»). Артефактное пространство больницы для душевнобольных сочетается с сенсемиическим пространством человека, оказавшегося в этом месте. Непрямой маркер феномена телесности *издавать удушливый запах* создаёт ассоциации с соответствующим этой ситуации телесным поведением персонажей и их эмоциональной подавленностью. 5) *Проходя через сени, он [Андрей Ефимыч] сказал: — Как бы здесь убрать, Никита... Ужасно тяжёлый запах!* («Палата № 6»). Ольфактема представлена негативной характеристикой запаха: *ужасно тяжёлый*. Такой запах однозначно вызывает эмоциональное состояние подавленности. Следует заметить, что в рассказе «Палата №6» писатель уделяет большое внимание больничным запахам, используя слова с негативной коннотацией, однако, чаще всего, не использует прямых соматических речений, в отличие от текста повести «Чёрный монах», где сенсемиические маркеры бывают прямыми.

Артефактное пространство человека обычно маркируется непрямыми маркерами феномена телесности. Телесность здесь в большинстве ситуаций выражена опосредованно, через артефакты, окружающие персонаж. Они могут быть неотъемлемы от его тела (одежда, обувь, украшения на теле) либо находится на определённом удалении, влияя, однако, на телесное поведение персонажа. Артефактные маркеры феномена телесности могут указывать на причину того или иного телесного поведения персонажа, на изменения в поведении, его результаты. Часто артефактные маркеры феномена телесности выполняет одновременно функцию социальных маркеров телесности, свидетельствуя о причастности персонажа к определённой социальной группе

(возрастной, гендерной, профессиональной, классовой, корпоративной, религиозной и т. д.). Напр.: 1) Описание интерьера палаты № 6: *Стены здесь вымазаны грязно-голубой краской, потолок закопчён, как в курной избе, — ясно, что здесь зимой дымят печи и бывает угарно. Окна изнутри обезображены железными решётками. Пол сер и занозист* («Палата № 6»). Непрямыми артефактными маркерами феномена телесности, которые ассоциируются с эмоциональным состоянием попавшего сюда человека и проявлениями его телесного поведения (например, скука и слёзы, ощущение безысходности и истошные крики, вызванные этим ощущением) тут служат: цвет стен (*грязно-голубой*), состояние потолка (*закопчён*), наличие решёток на окнах, а значит, невозможность выйти (*обезображены железными решётками*), цвет и состояние пола (*сер и занозист*). При упоминании о грязном поле у читателя возникает ассоциация и о грязных ногах тех, кто по этому полу ходит, а при упоминании о занозах некоторые могут ощутить неприятную боль, которую пришлось испытать при попадании занозы под кожу. Тем не менее, соматизмов тут нет, эти маркеры дают читателю представление об угнетающей атмосфере больничной палаты и о возможном телесном поведении людей, живущих там годами. 2) *Он видел на полу около своего лица большую лужу крови и не мог уже от слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло всё его существо* («Чёрный монах»). Артефакт *пол* выступает в прямом маркере в сочетании с соматизмом *кровь*. *Большая лужа крови* — предзнаменование скорой смерти Коврина, это было последнее, что он увидел перед тем, как *на лице его застыла блаженная улыбка*, улыбка смерти. *Окровавленный пол* представлен важнейшим артефактом — символом болезни и смерти.

Социальный статус персонажа маркируется как прямыми, так и (реже) прямыми маркерами феномена телесности: соматическими речениями, которые содержат признаки социального статуса персонажа, включающие соматизмы либо предсказуемые, но отсутствующие. Напр.: 1) *Египетский, Александр Иванович, в Петербурге лет семь жил <...> один костюм рублей сто стоит...* («Хирургия»). Здесь два косвенных маркера социального статуса человека: *жить в Петербурге* и *костюм рублей сто*

стоит. В воображении сельского фельдшера человек с такими признаками имел в конце XIX в. высокий социально-имущественный статус. Синкретизм проявляется во вспомогательной роли косвенного артефактного маркера – *ценный костюм*. 2) *Мой отец был крутой, геморроидальный чиновник, с длинным носом и с жёлтой шеей* («Палата № 6»). Фразеологизм **геморроидальный чиновник** является социальным маркером телесности с соматизмом. И во времена Чехова, и сейчас этот фразеологизм обозначает госслужащего, очень долго сидящего на казённом стуле, дослужившегося до высокого чина, получившего геморрой вследствие сидячей работы.

Эмоциональное состояние человека маркируется, в основном, косвенными (непрямыми) соматическими речениями, которые выполняют функцию маркеров феномена телесности. Обычно эмоциональное состояние человека вербализуется словами и/или словосочетаниями эмоционального состояния персонажа, физиологически и/или традиционно сопровождающегося его определённым телесным поведением. Напр.: 1) ... *И теперь он* [Смирнин] *её* [свою жену] **ненавидел** и *высылал ей ежемесячно по сорока рублей на содержание сына* («Душечка»). Синкретизм непрямого эмоционального маркера *ненавидеть её* предполагает ассоциации с соответствующим мимическим, жестовым, такесическим, окулесическим поведением персонажа, а также с обдумыванием армейским ветеринаром Смирниным своего дальнейшего отношения к жене после её супружеской измены. 2) *Ну, дай бог... дай бог... — забормотал он. — Я очень рад, что ты приехал. Несказанно рад... Спасибо* («Чёрный монах»). 3) *Оба, растроганные, пошли в дом и стали пить чай из старинных фарфоровых чашек, со сливками, с сытными, сдобными кренделями — и эти мелочи опять напомнили Коврину его детство и юность* («Чёрный монах»). Эмоция радости от приезда долгожданного человека всегда, по нашему опыту, сопровождается улыбками, объятиями, принятой в этой ситуации паравербаликой. 4) *Совершенное отсутствие антисептики и кровососные банки возмущают его* [Евгений Фёдорович Хоботов], *но новых порядков он не вводит, боясь оскорбить этим Андрея Ефимыча* («Палата № 6»). Две взаимоподавляющие эмоции **возмущения** и **боязни** делают врача беспомощным в ситуации, которую он хотел

бы исправить, но не может, в силу своего трусливого характера. Эта борьба эмоций всегда проявляется в телесном поведении не только персонажа чеховского рассказа, но и реального человека: в жестах, мимике, в опущенных от безысходности глазах, в паравербальном поведении.

Паравербальные телесные действия маркируются, преимущественно, косвенными соматическими речениями, хотя встречаются и прямые паравербальные маркеры феномена телесности. Каждая манера речи предполагает управление интонированием, темпом, громкостью голоса, ритмом, тембром, паузацией тех или иных органов, участвующих в производстве речи, поэтому называть эти органы ни к чему: каждый человек обладает богатым опытом вербальной коммуникации. К примеру: 1) *Скажите, Андрюша, по совести, — живо заговорила она [Таня], глядя ему в лицо, — вы отвыкли от нас?* («Чёрный монах»). Эмоция *живости* является паравербальным маркером, она выражает энергичность голоса, запал и заинтересованность Тани в вопросе. Не содержит прямого соматизма, однако создаёт ассоциацию с мимическими движениями губ, щёк, окулесикой участливого взгляда. 2) *Ну что ты поделаешь с этим анафемским народом? — сказал он плачущим голосом, разводя руками* («Чёрный монах»). *Плачущий голос* — паравербальный маркер, порождающий представление о наличии у говорящего спазм в горле и слёз в глазах с соответствующей мимикой в сопровождении прямого жестового маркера *разводя руками*. 3) *Не здороваясь, почтмейстер подошёл к нему, взял его за обе руки и сказал взволнованным голосом...* («Чёрный монах»). В сочетании с кинесическими маркерами выступает паравербальный маркер телесности *сказать взволнованным голосом*, вызывающий у читателя представление о взволнованных глазах и пересохшем от волнения горле. В сочетании с невысказанными, но представляемыми соматизмами, создающими соответствующий мимический рисунок и схему расположения органов речи, происходит не прямое маркирование паравербальных действий персонажа в следующих примерах: 4) *По-моему, великолепные статьи, — сказала Таня с глубоким убеждением* («Чёрный монах»). 5) *Это ничего, Таня, ничего... — бормотал он, дрожа* («Чёрный монах»). 6) *Михаил Аверьяныч*

долго смотрел в меню, разглаживая бакены, и сказал тоном гурмана, привыкшего чувствовать себя в ресторанах как дома: Посмотрим, чем вы нас сегодня покормите, ангел! («Палата № 6»).

Выводы. Наше исследование прямого и непрямого выражения феномена телесности с помощью соматических речений как маркеров телесного поведения художественных персонажей свидетельствует о том, что соматические речения бывают двух видов: прямые, содержащие соматизм, и не прямые, передающие телесное поведение с помощью смежных с соматизмами понятий. Результаты исследования свидетельствуют о том, что не прямые маркеры феномена телесности, по преимуществу, выражают феномен телесности через ментальные действия и состояния персонажа, его сенсемическое пространство (телесные запахи и вкус телесных выделений, а также ощущения внешних запахов и вкусов органами обоняния), артефактное пространство, социальный статус, эмоциональные состояния и вызванные ими действия, а также через характеристики паравербального поведения персонажа. Отсутствие при непрямом (косвенном) маркировании телесности соматизмов порождает определённую степень субъективности восприятия читателем феномена телесности в различных ситуациях, однако эта субъективность основана на собственном жизненном опыте. Не прямые маркеры феномена телесности, как правило, синкретичны, так как вызывают у читателя комплексные ассоциации телесного поведения и состояния художественного персонажа.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1965. – 527 с.
2. Белицкий, М. Шумеры. Забытый мир / М. Белицкий. – Москва : Вече, 2000. 432 с. ISBN 5–7838–0774–5.
3. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Метод. Руководство. 4-е изд., перераб. и доп. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Рус. яз., 1990. – 246,[1] с. ISBN 5–200–01076–4.

4. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. Вопросы психологии творчества / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. – Санкт-Петербург : Изд. Д. Е. Жуковского, 1902. – 301 с.

5. Степанов, Е. Н. Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи / Е. Н. Степанов // Мова. – Одесса: Астропринт, 2014. – № 21. – С. 27–35.

6. Степанова, С. Соціальний статус у мовній картині світу художнього персонажа : дис. ... докт. філос.; 035 Філологія / С. Є. Степанова / Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2023. – 228 с.

7. Титаренко, М. В. Невербальные средства экспликации социального статуса в прозе А. П. Чехова / М. В. Титаренко // Мова. – Одесса : Астропринт, 2014. – № 21. – С. 36–39.

8. Чехов, А. П. Рассказы и повести / А. П. Чехов. – Москва : Правда, 1979. – 640 с.

9. Birdwhistell R. L. Introduction to Kinesics (an Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture) / R. L. Birdwhistell. – Washington : Department of State, Foreign Service Institute, 1952. – 75 p.

10. Bulwer J. Anthropometamorphosis... / J. Bulwer. – London: Printed by William Hunt, Anno Dom, 1653. – 559 p. – URL : <https://name.umd.umich.edu/A77798.0001.001/> (Accessed October 9, 2024).

11. Bulwer J. Chirologia... / J. Bulwer. – London : Printed by Tho. Harper, and are to be sold by R. Whitaker, 1644. – 170 p. – URL: <https://name.umd.umich.edu/A30105.0001.001/> (Accessed October 8, 2024).

12. Bulwer J. Philocophus... / J. Bulwer. – London: Printed for Humphrey Moseley..., 1648. – 191 p. – URL : <https://name.umd.umich.edu/A30108.0001.001/> (Accessed October 7, 2024).

13. Frazer J. G. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion [Text] / J. G. Frazer. – London, 1922. – 400 p.

14. Goman C. K. The Silent Language of Leaders: How Body Language Can Help – or Hurt – How You Lead / C. K. Goman. – San Francisco : Jossey-Bass, 2011. – 239 p.

15. Krpič T. Joint Reviews of Alan Petersen's «The Body in

Question : A SocioCultural Approach» and Chris Shilling's «The Body in Culture, Technology and Society» [Text] / T. Krpič // Sociology. – 2009. – 43 (1). – P. 186–188.

16. Papyrus of Ani // British Museum. – URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=113335&partId=1/ (Accessed September 25, 2024).

81`373

Федорова Т.В., Грибачева В.В.,
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ФЕДОРА
ПАВЛОВИЧА КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В статье представлен анализ языковых средств, участвующих в создании речевого портрета Федора Павловича Карамазова. Исследование отражает морфологические, грамматические, синтаксические и лексико-семантические особенности построения речи и описаний литературного героя в контексте раскрытия авторской идеи.

Ключевые слова: языковые средства, персонаж, речь, образ, Достоевский, «Братья Карамазовы», Федор Павлович Карамазов.

Fedorova T.V., Gribacheva V.V.
Bryansk State University named after Academician
I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

**LANGUAGE MEANS OF CREATING THE IMAGE OF FEDOR
PAVLOVICH KARAMAZOV IN THE NOVEL «THE KARAMAZOV
BROTHERS» BY F.M. DOSTOYEVSKY**

The article presents an analysis of the linguistic means involved in creating the speech portrait of Fyodor Pavlovich

Karamazov. The study reflects the morphological, grammatical, syntactic, and lexico-semantic features of the construction of speech and descriptions of a literary character in the context of revealing the author's idea.

Keywords: *language means, character, speech, image, Dostoevsky, The Brothers Karamazov, Fyodor Pavlovich Karamazov.*

Герой произведения реалистического метода есть результат авторского осмысления действительности, представленный в форме художественной личности со своим уникальным характером и взглядом на мир. Как оценка индивидуальных свойств человека происходит на основе его действий и поведения в социуме, так и анализ героя начинается с исследования его «жизненного» воплощения в мире произведения, которое представлено в языковой форме.

Язык обладает смысловой значимостью только в процессе реализации своего символического содержания. За речевой формой слова всегда находится ее идейное содержание. Это образ объекта или явления, воссоздаваемый в сознании человека. Слово может обладать бесконечным количеством смыслов, реализуемых в разных контекстах. Учитывая данную особенность речи, мы приходим к выводу, что текст является носителем множества концептов. Довольно точное определение художественному тексту в своей научной статье дала Г.И. Фазылынова: *«Художественное произведение в своей сущности есть текст культуры, понимаемый как организованное единство составляющих его элементов, связанная, компактная и воспроизводимая последовательность знаков или образов, развернутая во времени, выражающая некоторое содержание и обладающая доступным пониманию смыслом»* [9]. Таким образом, художественный текст представляет собой совокупность образов и символов, реализованных посредством языка и составляющих целостную идейную систему.

Творчество Ф.М. Достоевского глубоко психологично и философично. Его произведения, являясь полифоничными и диалогичными по своей сути, отражают разные взгляды и подходы к пониманию человека и его места в мире. Автор очень

точно раскрывает образы своих героев в соответствии со своими нравственными и этическими представлениями. Языковые средства создания образов Достоевского представляют глубокий интерес у современных лингвистов и литературоведов. В своем исследовании известный достоевед А.Б. Криницын пишет: *«Как выразитель «русского хаоса», Достоевский означал <...> прежде всего «поэтику крайностей» — всего чрезмерного, в направлении страстности, болезненности и асоциальности...»* [4]. Финальный роман «Братья Карамазовы» представляет собой уникальное исследование психологической природы человека. Произведение представляет собой наглядное полотно русского общества, представленное обширной образной системой. Основные герои образуют диады и триады, организованные посредством приемов сопоставления и противопоставления. И если источником добродетели, человеком, к которому герои приходят «на исповедь», является Алеша Карамазов, то воплощением порока, худших черт национального понятия «карамазовщина» является Федор Павлович Карамазов. М. Горький в своем труде «О «Карамазовщине»» пишет следующее об отце семейства Карамазовых: «Это – несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего – болезненно злая...» Цель Достоевского – показать все стороны души, все крайности, на которые способен человек, при том сохраняя в себе осознанность и божественную искру.

В экспозиции романа «Братья Карамазовы» дается описание жизни Федора Павловича. При характеристике героя автор часто употребляет прилагательные с уничижительной семантикой в аналитической и синтетической форме превосходной степени: *«помещик он был **самый маленький**»* [5, с. 8], *«продолжал быть одним из **бестолковейших** сумасбродов»* [5, с. 8], *«случай этот был <...> в жизни Федора Павловича, **сладострастнейшего** человека»* [5, с. 9], *«Федор Павлович <...> один из **смелейших** и **насмешливейших** людей той <...> эпохи»* [5, с. 9], *«**развратнейший** и в сладострастии своем часто жестокий»* [5, с. 106] – Достоевский подчеркивает наличие в характере героя отрицательной крайности и определяет истоки его нравственного падения. Прилагательные в превосходной

степени с отрицательной коннотацией служат средством характеристики героя в рамках образной системы романа. Помимо несобственно-прямой речи автора, сам Федор Павлович нередко употребляет в диалогах прилагательные в сравнительной и превосходной степени в качестве сопоставления себя с другими: «я *подлее всех*» [5, с. 50], «*все меня за милейшего и умнейшего человека сейчас же примут*» [5, с. 50]. Его речь и поведение — проявление крайности, определяемое худшими чертами понятия «карамазовщина».

Жизнь героя характеризуется понятием «скверна». В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова находим следующее определение слова с пометами «церковно-книжное, теперь риторическое, презрительное»: «*Всё гнусное, мерзкое; пороки*» [8, т. 4, с. 209]. Герой выбирает сознательную жизнь без Бога, жизнь во грехе, для сравнения с духовным путем Алеши Федор Павлович опять употребляет наречие в сравнительной степени: «*в скверне-то слаще*» [5, с. 194]. Герой находится на нравственном дне, и все его действия и речи направлены на эксплицитное раскрытие данного понятия.

В описании внешности персонажа Достоевский прибегает к приему противопоставления для создания безобразного портрета: крупные и «мясистые» черты лица сочетаются с маленькими и утонченными, что подчеркивается уменьшительными суффиксами и лексическим повтором слова «маленький»: «*под маленькими его глазами*» [5, с. 27], «*на его маленьком, но жирненьком личике*» [5, с. 27], «*маленькие обломки черных, почти истлевших зубов*» [5, с. 27]. Контраст внешнего образа героя передается через сравнение Федора Павловича с римским патрицием времен упадка. Антонимичные языковые единицы определяют контрастность образа Федора Павловича, отсутствие гармонии в его внешнем облике. Как отмечает Достоевский, лицо героя есть яркое свидетельство «*о характеристике и сущности всей прожитой им жизни*» [5, с. 27], выражаемое с помощью прилагательных с контекстуальным метафорическим значением.

В речевой характеристике Федора Павловича выявлена доминирующая лексема *старый*, которая согласуется с существительными с негативной семантикой: *старый шут, старый*

грешник, старый подлец, старый сластолюбец, старый мозгляк. Впервые читатель видит проявление моральной низости Федора Павловича в главе «Старый шут». Прилагательное «старый» в контексте произведение наделяется отрицательной семантикой и противопоставляется благородной старости отца Зосимы. Автор использует две однокоренные лексемы, которые в контексте приобретают антонимичное значение: *старик* и *старец*. Слово *старик* не обладает стилистическими особенностями и употребляется в разговорной речи в значении 'человек, достигшего зрелого возраста'. *Старец* же выступает в толковом словаре со стилистической пометой «книжное», автор использует данное слово не только в церковном значении 'монах', т.е. тот, кто являющегося духовным наставником, но и в качестве средства противопоставления духовного развития отца Зосимы нравственному падению отца семейства Карамазовых.

Еще одним средством характеристики крайности героя являются ремарочные глаголы. Их специфика в театральности содержания. Действия героя выражаются глагольными формами, обозначающими резкую, вычурную, несоответствующую обстановке реализацию. Федор Павлович стремится компенсировать свою нравственную неполноценность эксцентричными действиями и вызывающей речью. Важнейшей чертой образа Карамазова старшего является его стремление к разыгрыванию сцен. Герой воображает себя актером театра, исполняющим роль шута, самого низкого и подлого человека, что отражается в его диалогах с другими персонажами романа. Например, в сцене в монастыре, где Федор Павлович впервые встречается отца Зосиму, герой с первых слов начинает унижаться, доходя до болезненного самобичевания: *«Извиняюсь за него, священный старец!»* [5, с. 46], *«Не удержался, вдруг, дай, думаю, полюбезничаю»* [5, с. 47], *«Я шут коренной, с рождения, все равно, ваше преподобие, что юродивый»* [5, с. 47]. В его речи преобладают восклицательные предложения и цитирование диалогов, участником или свидетелем которых, по его словам, он являлся; его реплики в диалогах самые обширные, развернутые. Все его действия нарочито театральные, в высшей степени неестественные, что подчеркивается рядом однородных членов со значением быстрой смены действий: *«...вскричал вдруг Федор Павлович,*

схватившись обеими руками за ручки кресел и как бы готовясь из них выпрыгнуть сообразно с ответом» [5, с. 49]. В обращении к отцу Зосиме Федор Павлович использует книжные, возвышенные эпитеты в форме прилагательных в превосходной степени для обозначения контраста между своим низким положением и особым статусом старца: *«благословенный отец»* [5, с. 49], *«святейший отец»* [5, с. 47], *«священный старец»* [5, с. 46], *«великий старец»* [5, с. 49], *«святейшее существо»* [5, с. 50]. Федор Павлович воспринимает реальность как театральное представление, где ему отведена роль шута, и в соответствии с ней он ведет себя в высшей степени искусственно.

Для характеристики образа и поступков героя Федора Павловича автор часто использует слово *шут* (и однокоренные с ним – *шутка, шутить*) и слова со схожей семантикой: *смех, комичный, насмешиливый*. Шутовство героя есть способ скрыть свою личность, возможность снять с себя ответственность за свои низкие поступки и «упиться» собственным позором: *«...он рад явиться в подновленном виде шута и что нарочно, для усиления смеха, делает вид, что не замечает своего комического положения»* [5, с. 10–11].

Согласно религиозному представлению, чрезвычайно распространённому в Средние века, шутовство, скоморошество считалось проявлением дьявольской сущности. Шуты осуждались православной церковью как язычники, предполагалось, что их действия внушены им нечистой силой. Федор Павлович сознательно отрицает мораль и нравственность, сам герой мысленно произносит следующие слова: *«Ведь уж теперь себя не реабилитируешь, так давай-ка я им еще наплюю до бесстыдства: не стыжусь, дескать, вас, да и только!»* [5, с. 99]

К ремарочным глаголам прибавляются наречия и прилагательные с отрицательной семантикой: *«тихо и злобно усмехнулся»* [5, с. 99], *«засмеялся длинным, наглым, злым смешком»* [5, с. 99], *«гадко по-своему хихикая»* [5, с. 15], *«длинно и хитро улыбнулся»* [5, с. 154]. Все подлые поступки героя совершаются со смехом, то есть несерьезно, без желания нести ответственность за них.

Метафора дьявольской силы, бесовства является постоянным художественным элементом в образе Федора Павловича. В сцене в келье, где герой разыгрывает непристойную драму, рассказчик объясняет причину подобных действий героя: *«...глупый дьявол, который подхватил и нес Федора Павловича на его собственных нервах куда-то всё дальше и дальше в позорную глубину, подсказал ему это бывшее обвинение, в котором Федор Павлович сам не понимал первого слова»* [5, с. 101].

Еще одной аллюзией образа героя является обезьяна – животное, склонное к передразниванию. Обезьяна утрачивает свою самостоятельность и становится игрушкой в руках другого. Этот мотив раскрывается Достоевским в романе «Бесы», однако его мы наблюдаем и в «Братьях Карамазовых». В главе «Неуместное собрание» Федор Павлович *«как обезьяна»* [5, с. 45] передразнивает Миусова. В этой особенности выражается стремление героя создать образ актера, отделить собственное «я» от своих поступков, перекладывая роль исполнителя непристойного действия на другого героя.

В монологах и диалогах старик Карамазов часто использует метафорические выражения и различные стилистические фигуры: *«Это мужик русский, труженик, своими мозольными руками заработанный грош сюда несет»* [5, с. 102], *«Душа у меня точно в горле трепещется в эти разы»* [5, с. 106], *«Я черных тараканов ночью туфлей давлю: так и щелкнет, как наступишь. Щелкнет и Митька твой»* [5, с. 196].

Особенностью речи Федора Павловича является ее преувеличенно-театрализованная реализация с установкой на игровую и комическую функции. Чаще других действующих лиц романа Федор Павлович использует в своей речи иностранные фразы и предложения, являющиеся авторской интерпретацией известных текстов с определенной степенью искажения первоисточника: *«Это как один француз описывал ад: J'ai vu l'ombre d'un cocher, qui avec l'ombre d'une brosse frottait l'ombre d'une carosse»* [5, с. 29]; *«Петр Александрович Миусов, родственник мой, любит, чтобы в речи было plus de noblesse que de sincerite, а я обратно люблю, чтобы в моей речи было plus de sincerite que de noblesse, и – наплевать на noblesse!»* [5, с. 100–

101]; *«Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию... то есть не Россию, а все эти пороки... а пожалуй, что и Россию. Tout cela c'est de la cochonnerie»* [5, с. 151]. Наличие подобных художественных средств в речи героя указывает на высокое интеллектуальное развитие персонажа, что противопоставляется аморальности его поступков и осознанности в совершении греха.

В монологах Федор Павлович часто доходит до крайности, что выражается в частоте использования восклицательных предложений и риторических обращений: *«На дуэль!»* [5, с. 85], *«Слышите ли, слышите ли вы, монахи, отцеубийцу Вот ответ на ваши «стыдно»! Что стыдно?»* [5, с. 85], *«Как так твоя мать? ... Ты за что это? Ты про какую мать?.. да разве она... Ах, черт! Да ведь она и твоя! Ах, черт! Ну это, брат, затмение как никогда, извини, а я думал, Иван... Хе-хе-хе!»* [5, с. 156]. Герой почти всегда использует эмоционально окрашенную лексику, все его действия характеризуются чрезмерностью, гиперболизацией, в отличие от других героев романа, которые лишь иногда переходят в состояние неудержимости, невозможности контролировать себя, герой Федора Павловича будто давно утратил возможность осознавать и управлять своими действиями, перекладывая ответственность за это на свою личность «шута».

Лексической особенностью речевого портрета Федора Павловича является межстилевая контаминация. Слова разных пластов лексики, как правило, противоположных, представлены в репликах героя: *«наипаче»*, *«блудилище»*, *«сии»* соседствуют с жаргонизмом *«уголовный»* и просторечным *«вколотить в ящик»* [5, с. 100] в значении «довести до смерти» в монологе героя во время скандала за трапезой. В этой же сцене находим *«Те-те-те, вознестеваху! и прочая галиматья!»* [5, с. 103] – сочетание слова древнерусского языка со значением «думать, полагать, рассуждать» с разговорным словом французского происхождения «галиматья» придает речи героя парадоксальность и определяет полярность личности героя. Совершая свои самые подлые поступки, Федор Павлович бросает вызов своему создателю. Именно осознание героем своей низости оставляет Карамазову возможность прийти к испулению своих грехов. Шутство, притворство,

разыгрывание сцен, богохульство, бесчинство и бесстыдство – это попытки познания плотью божественную истину. Болезни современного общества, язвы подробно и натуралистично изображаются Достоевским с целью *«создать здоровую атмосферу, в которой эти болезни не могли бы иметь места»* [2].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова понятие «карамазовщины» определяется как *«крайняя степень моральной безответственности, сопровождающаяся безудержными страстями и постоянными колебаниями от нравственных падений к возвышенным душевным порывам, как бытовое, национальное или психологическое явление»* [8, с. 1318]. Такая дефиниция позволяет трактовать образ Федора Павловича Карамазова в контексте олицетворения одной из крайностей «карамазовщины». Шутовские мотивы как проявление демонической сущности героя воплощаются в монологах и диалогах Федора Павловича. На уровне словообразования для речевой манеры героя (как и в описании его) характерно наличие уменьшительных суффиксов, что раскрывает незначительность и низость этого человека и создает антиномичное восприятие художественной фигуры читателем. Речь героя изобилует существительными и глаголами, относящимся к театральным действиям, наличие уничижительной лексики, преобладание прилагательных в превосходной степени при общении с другими действующими лицами романа отражает деградацию личности отца семейства Карамазова и раскрывает идею автора о создании образа падшего человека. Однако оценивания парадоксальность речевого портрета героя и неконгруэнтность подлых поступков и попыток познать сущность человеческого бытия, мы приходим к выводу, что Достоевский все же наделяет персонажа божественной искрой. Понятие «карамазовщина» относится ко всем представителям данного семейства и является национальным свойством человеческой сущности, по мнению Достоевского. Понимание своей душевной «скверны» дает Федору Павловичу потенциальную возможность все же обрести божественную истину при условии искупления грехов и принятие ответственности за свои поступки.

Список литературы

1. Алмакаева, И. А. Антропологическая концепция позднего Ф. М. Достоевского и роман "Братья Карамазовы" в оценке Н. О. Лосского (к вопросу о конечной цели бытия) / И. А. Алмакаева // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskaya-kontseptsiya-pozdnego-f-m-dostoevskogo-i-roman-bratya-karamazovy-v-otsenke-n-o-losskogo-k-voprosu-o-konechnoy-tseli> (дата обращения: 04.07.2024).
2. Горький, М. О «карамазовщине» / М. Горький // Собр. соч.: В 30 т. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1953. Т. 24. Статьи, речи, приветствия: 1907 – 1928. – С. 146–157.
3. Ключина, А. М. Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова / А. М. Ключина // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021. – № 1.
4. Криницын, А. Б. Достоевский и Стефан Цвейг: переключка двух веков / А. Б. Криницын. – URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45052.php> (дата обращения: 25.03.2025).
5. Малое академическое Собрание сочинений Ф. М. Достоевского в пятнадцати томах. – Ленинград : Наука, 1988. – Т. 9. «Братья Карамазовы».
6. Михайленко, А. А. и др. Неврологические синдромы и психические расстройства у литературных персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / А. А. Михайленко // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2014. – № 2.
7. Наумова, Н. Г. Языковые средства создания образа П.И. Чичикова (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») / Н. Г. Наумова. – Киров : Издательство ВятГГУ, 2010. – 124 с.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т.: А – Кюрины / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Астрель: АСТ, 2000.
9. Фазылзянова, Г. И. Художественный текст как объект понимания / Г. И. Фазылзянова // Вестник ТГУ. – 2008. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-kak-obekt-ponimaniya> (дата обращения: 30.03.2025).

Хуонг Тху Тху Чанг

Институт иностранных языков при ХГУ

г. Ханой, Вьетнам

ТРУДНОСТИ В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ У ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА

Аудирование является одной из ключевых компетенций в изучении иностранного языка, однако вьетнамские студенты первого курса, обучающиеся русскому языку, часто сталкиваются с серьезными затруднениями. Эти трудности могут значительно влиять на их мотивацию и успешность в освоении языка. В данной статье рассматриваются причины этих затруднений и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: *аудирование, трудности, русский язык, вьетнамские студенты*

Khuong Thi Thu Trang

VNU University of Languages and International Studies

Hanoi, Vietnam

CHALLENGES IN DEVELOPING RUSSIAN LISTENING COMPRE- HENSION SKILLS AMONG FIRST-YEAR VIETNAMESE STUDENTS

Listening comprehension is one of the key competencies in foreign language learning. However, first-year Vietnamese students studying Russian often encounter significant difficulties in this skill. These challenges can greatly impact their motivation and success in mastering the language. This article examines the causes of these difficulties and possible ways to overcome them.

Keywords: *listening comprehension, difficulties, Russian language, Vietnamese students*

Источник финансирования: Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете (ИИЯ при ХГУ), проект № N.25.02.

Большинство первокурсников, изучающих русский язык, приезжают из разных регионов Вьетнама, что делает их адаптацию к учебному процессу сложной. Помимо знакомства с университетской средой, им приходится осваивать новые методики обучения, в которых особое внимание уделяется самостоятельной работе. Для многих студентов русский язык является абсолютно новым, а его сложная грамматика, большое количество исключений и синонимов могут вызывать чувство растерянности.

Среди всех языковых навыков (аудирование, говорение, чтение, письмо) именно аудирование представляет наибольшую сложность для начинающих. Этот навык требует не только знаний фонетики, но и лексико-грамматики. Исследования показывают, что более половины опрошенных студентов считают аудирование самым сложным аспектом изучения русского языка (Рис.1). Однако без достаточной языковой практики и погружения в среду процесс освоения речи значительно замедляется.

Ограниченность языковой практики во Вьетнаме создает дополнительные трудности для студентов. Если обучение сводится только к выполнению фонетических и грамматических упражнений, без реального общения и взаимодействия, мотивация студентов снижается. Поэтому важно внедрять современные методики и технологии, которые активизируют процесс обучения и помогают студентам преодолевать языковые барьеры.

Мы провели опрос среди 60 студентов первого курса одного из университетов Вьетнама, изучавших русский язык не менее одного семестра (четырёх месяцев). Согласно полученным данным, студенты считают наиболее сложными аспектами русского языка аудирование и говорение. В частности, около 31% респондентов назвали говорение самым сложным навыком, тогда как около 62% участников опроса указали на аудирование. Основная сложность в восприятии русской речи на слух заключается в том, что большинство вьетнамских студентов испытывают затруднения с чётким различением звуков, что существенно осложняет процесс понимания. Это обусловлено несколькими факторами.

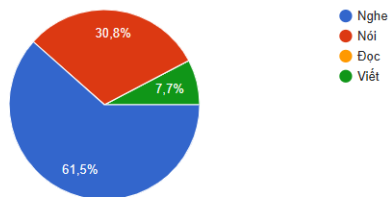

Рис.1. Распределение ответов на вопрос о наиболее сложном языковом навыке в русском языке

Во-первых, существует различие в слоговой структуре между русским и вьетнамским языками. Слог представляет собой сочетание слогообразующего звука, обычно гласного, обозначаемого на схеме буквой ‘Г’, и окружающих его неслоговых звуков, чаще всего согласных, которые обозначаются буквой ‘С’. Согласные, расположенные в начале слога, называются инициальной, а те, что стоят в конце, – финалью. Центральный элемент слога, слогообразующий звук, называется ядром или вершиной. Совокупность ядра и финали образует рифму (Рис. 2).

В русском языке слог может не содержать согласных звуков (*у, и*), включать один согласный (*он, но*) или иметь несколько согласных (*взгляд, конструировать*). В то же время во вьетнамском языке слог содержит либо один согласный (*bà*), либо не имеет согласных вовсе (*o*).

Вьетнамский язык, в отличие от русского, имеет строго ограниченный звуковой состав слова в отношении слогообразующих элементов. Каждый слог обладает определенной структурой, в которой нормированы количество звуков, их порядок и сочетаемость. Примерно 80 % вьетнамских слов состоят из двух слогов, при этом число звуков в них не превышает четырех. В русском языке слог может включать различное количество звуков [Юдина 2012] (Таб. 1).

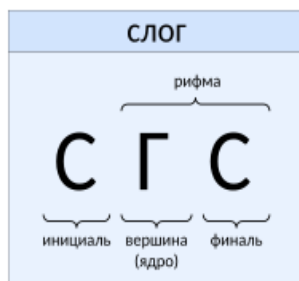

Рис 2. Сочетание слогообразующего звука

Таб. 1. Различие в слоговой структуре между русским и вьетнамским языками

Язык	Слог	Инициаль	Ядро	Финаль
Русский язык	сад	с	а	д
	взгляд	взгл	я	д
	от		о	т
	но		н	о
	а		а	
Вьетнамский язык	con	c	o	n
	ông		ô	ng
	nó	n	ó	
	à		à	
	khuyên	kh	uyê	n
	hoa	h	oa	

Различие в слоговой структуре приводит к тому, что вьетнамцы, изучающие русский язык, часто:

- опускают согласные в начале или конце слога (*‘встреча’* – опускают согласный ‘с’);
- добавляют гласные, чтобы разделить группы согласных на отдельные звуки (*‘Москва’* – М/с-сь-кь-ва).

Во-вторых, русский язык характеризуется наличием фонем, отсутствующих во вьетнамском языке, таких как свистящие

и шипящие согласные ([с] – [ш], [з] – [ж]), а также редукция безударных гласных [Нгуен 2015]. Например, вьетнамским обучающимся бывает сложно различать пары слов, такие как ‘сила’ – ‘ишла’, поскольку в нашем родном языке отсутствует противопоставление свистящих и шипящих согласных. А в слове ‘молоко’ ударение падает на последний слог, а безударные гласные *о* редуцируются и произносятся ближе к звуку [л] или [ь] – [мьлэкó]. Вьетнамские студенты, привыкшие к чёткому произношению гласных, могут ошибочно ожидать, что все звуки “о” в этом слове будут произнесены одинаково.

Такое различие приводит к тому, что вьетнамцы, изучающие русский язык, часто испытывают трудности в восприятии и воспроизведении редуцированных гласных, что может влиять на понимание речи носителей языка. Они могут либо пытаться произносить все гласные чётко, что делает их речь непривычной для русских собеседников, либо не замечать редукции в устной речи носителей, что затрудняет процесс аудирования. Это может вызывать недопонимание в коммуникации и затруднять освоение орфографических норм русского языка, поскольку написание слов основывается на фонетических различиях, отсутствующих во вьетнамском языке.

В-третьих, отсутствие структурных аналогий между интонационной системой русского языка и тоновой системой вьетнамского языка затрудняет процесс восприятия и понимания русской речи вьетнамскими студентами. В русском языке интонация выполняет синтаксическую и прагматическую функции, выражая модальность, эмоциональное состояние говорящего и коммуникативные намерения, тогда как во вьетнамском языке тон служит фонемной характеристикой, изменяющей лексическое значение слова.

Например, в русском языке вопросительные предложения могут строиться как с использованием вопросительных слов («Где ты был?»), так и с помощью интонации («Ты был дома?» – с повышением тона в конце фразы). Вьетнамские студенты, привыкшие к тональной системе, могут испытывать затруднения в распознавании интонационных различий, что приводит к неверной интерпретации высказываний.

Вьетнамский язык имеет шесть тонов, которые изменяют значение слова. Например, слог 'bo' с разными тонами означает совершенно разные вещи: *bo* (тон 1, ровный) – чаевые; *bó* (тон 2, восходящий) – пучок, связка; *bò* (тон 3, нисходяще-ровный) – ко-рова; *bõ* (тон 4, прерывистый) – сто́ит (делать что-то); *bỏ* (тон 5, нисходящий) – отказаться, бросить; *br* (тон 6, низкий восходящий) – жук

Для носителей вьетнамского языка восприятие тона является ключевым в понимании речи. Однако в русском языке тон не играет смысловозначительной роли, что может вызывать трудности у вьетнамских студентов при освоении русской интонации и ритма.

В-четвертых, система ударения в русском и вьетнамском языках значительно различается, что создаёт дополнительные трудности в восприятии русской речи вьетнамскими студентами. В русском языке ударение является разноместным и подвижным, то есть может падать на любой слог в слове и изменяться в зависимости от грамматической формы. Кроме того, оно обладает смысловозначительной функцией: изменение места ударения в одном и том же слове может приводить к изменению его значения.

Например, в русском языке слова 'замок' (здание) и 'замок' (механизм) различаются только положением ударения: в первом случае оно падает на первый слог (*за́мок*), а во втором – на второй (*замо́к*). Вьетнамские студенты, привыкшие к тому, что в их родном языке значение слова определяется не ударением, а изменением тона, могут не улавливать подобных различий в русском языке.

В русском языке ударение также изменяется в разных грамматических формах, что ещё больше усложняет его усвоение. Например, в слове 'руки' (именительный падеж множественного числа) ударение падает на первый слог, тогда как в форме 'руки́' (родительный падеж единственного числа) оно смещается на второй слог.

В отличие от русского языка, во вьетнамском языке ударение фиксированное и всегда падает на последний слог основы слова. Это может приводить к тому, что вьетнамские студенты автоматически переносят этот навык на русский язык, ошибочно

ставя ударение на последний слог, даже если в русском языке оно находится в другом месте.

Например, во вьетнамском языке слова *‘học’* (учиться), *‘sách’* (книга), *‘đẹp’* (красивый) являются односложными, и ударение в них неизменно. В многосложных словах, таких как *‘thư viện’* (библиотека) или *‘giáo viên’* (преподаватель), ударение также строго фиксировано на последнем слоге основы (*viên, viên*).

Таким образом, отсутствие вьетнамскими студентами опыта работы с подвижным ударением в родном языке затрудняет восприятие русской речи, особенно в случаях, когда место ударения играет смысловоразличительную роль или изменяется в процессе словоизменения.

Для эффективного развития навыка аудирования среди вьетнамских студентов необходимо применять комплексный подход, включающий фонетические тренировки, поэтапное усложнение воспринимаемых аудиоматериалов, использование транскрипций и субтитров, а также внедрение современных технологий в преподавании русского языка.

1. Систематическая работа с минимальными парами слов (например, *‘сила – шила’*, *‘коса – каша’*, *‘дом – том’*, *‘лук – люк’*, *‘брат – плат’*) помогает студентам лучше различать похожие звуки в русской речи. Такие упражнения развивают фонематический слух и позволяют избежать типичных ошибок при восприятии на слух. Например, вьетнамские студенты часто путают звуки [ш] и [с], а также [т] и [д], поскольку в их родном языке отсутствует противопоставление звонких и глухих согласных.

Для тренировки можно использовать следующие задания:

- Повторение за диктором: студент слушает пары слов и повторяет их, стараясь уловить разницу в произношении.

- Определение на слух: преподаватель произносит слово, а студент выбирает правильный вариант из предложенных (например, услышал *‘брат’* – должен выбрать между *‘брат’* и *‘плат’*).

- Составление предложений: студенту даётся пара слов, и он составляет с ними короткие фразы, чтобы закрепить их различие (например, *«Я купил лук»* – *«Я открыл люк»*).

Эти упражнения помогают студентам научиться чётко различать звуки, что делает их аудирование более успешным.

2. Целенаправленные упражнения на произношение слов с редукцией гласных, таких как ‘молоко’ [мьлáкó], ‘город’ [гóрът], ‘собака’ [слбáкъ], ‘красота’ [кръслáтá], помогают студентам правильно воспринимать и воспроизводить особенности русской фонетики.

Редукция безударных гласных представляет одну из основных сложностей для вьетнамских студентов, так как во вьетнамском языке гласные произносятся чётко, независимо от ударения. Например, в слове ‘молоко’ безударные гласные ‘о’ звучат ближе к [ʌ] или [ɤ], а не как полное [o], что может быть непривычным для вьетнамцев, ожидающих одинакового звучания всех гласных.

Для тренировки редукции можно использовать следующие упражнения:

- Слушание и повторение: студенты слушают диктора, обращая внимание на изменения в звучании гласных, и повторяют слова.

- Произнесение слов в разном темпе: сначала медленно (с чётким выделением каждого звука), затем в нормальном темпе, добиваясь естественного звучания.

- Сравнение минимальных пар: произношение пар слов, где редукция влияет на различие значений, например, ‘молот’ [мóлът] – ‘молоко’ [мьлáкó], ‘замок’ [зámък] – ‘замок’ [зámók].

- Произнесение слов в предложениях: студенты вставляют слова с редукцией в контекст, например: «В нашем городе много красивых мест» или «Я люблю пить молоко по утрам».

3. Для формирования навыков правильного ударения у вьетнамских студентов, изучающих русский язык, можно использовать следующие виды упражнений:

- Аудирование и повторение – прослушивание слов с последующей имитацией правильного ударения.

- Диктанты и расстановка ударений – запись услышанных слов или работа с текстами, содержащими пропуски ударений.

- Игровые методы – карточки, соревновательные упражнения на правильное произношение.

- Изучение подвижного ударения – тренировка изменения ударения при словоизменении (ру́ки – руки́, по́ле – поля́).

- Музыкальные и речевые упражнения – работа с песнями и скороговорками для естественного усвоения ударения.

Комплексное применение данных методов способствует развитию орфоэпической компетенции и повышает восприимчивость студентов к русской речи.

4. Использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в обучении аудированию способствует более эффективной адаптации студентов к фонетическим особенностям русского языка. Современные нейросетевые системы обеспечивают автоматизированный анализ произношения, выявление ошибок и предоставление персонализированных рекомендаций по их исправлению.

Приложения с функцией распознавания речи, такие как Yandex SpeechKit и Google Speech-to-Text, позволяют проводить объективную оценку артикуляции и интонации, а также предлагают коррекционные упражнения в режиме реального времени. Генеративные модели Suno и Udio создают аудиоматериалы с варьирующимися интонациями, темпами и голосовыми характеристиками, что способствует развитию навыков восприятия русской речи. Данные ресурсы могут быть использованы при создании учебных подкастов, диктантов и тренировочных заданий по аудированию.

Кроме того, нейросетевые модели YandexGPT, GigaChat, Rytг и Шедеврум способны генерировать диалогические фрагменты и осуществляют грамматическую коррекцию текстов, способствуя формированию коммуникативной компетенции. Современные технологии позволяют не только оптимизировать процесс восприятия речи, но и снизить фонетические барьеры, повышая общую эффективность овладения языком вьетнамскими студентами.

Развитие навыка аудирования у вьетнамских студентов первого курса, изучающих русский язык, представляет собой сложный и многофакторный процесс, обусловленный фонетическими, грамматическими и просодическими различиями между двумя языками. Анализ основных трудностей, с которыми сталкиваются студенты, показал, что ключевые препятствия связаны с различиями в слоговой структуре, редукцией гласных, противопоставлением согласных, а также с особенностями русской интонационной системы и ударения.

Эти фонетико-фонологические различия значительно осложняют восприятие русской речи на слух и требуют целенаправленных методик обучения, включающих фонетические тренировки, работу с минимальными парами, упражнения на распознавание редукции гласных и освоение русской интонации. Важную роль в этом процессе играет внедрение современных технологий, включая системы искусственного интеллекта, которые позволяют персонализировать обучение и повысить его эффективность.

Таким образом, успешное формирование навыка аудирования у вьетнамских студентов требует комплексного подхода, сочетающего традиционные методики с инновационными цифровыми решениями. Использование искусственного интеллекта и интерактивных аудиоматериалов может существенно облегчить адаптацию студентов к особенностям русской фонетики и интонации, что, в свою очередь, будет способствовать повышению их языковой компетентности и уверенности в устной коммуникации.

Список литературы

1. Нгуен Тхи Хонг Бак Лиен. Трудности вьетнамских студентов при обучении русскому языку / Нгуен Тхи Хонг Бак Лиен // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 5–4. – С. 673–676.
2. Юдина А. Д. Особенности обучения вьетнамских учащихся русскому произношению / А. Д. Юдина // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 4. – С. 87–89.

Черникова Н.В., Кузьмина А.А., Бубнова Л.В.
 Мичуринский государственный аграрный университет
 г. Мичуринск, РФ

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ О КНИГЕ

Образ книги занимает важное место в творчестве русских поэтов. Характеризуя книгу, авторы широко используют олицетворение. Цель исследования – проанализировать семантические модели олицетворения как широко распространенного тропа, употребляемого при описании образа книги в русской поэзии. Выявлено, что олицетворение становится мощным инструментом, персонифицирующим неживой предмет, позволяющим глубже понять не только саму книгу, но и её место в человеческой культуре и сознании. Особенно это важно для юных читателей, поэтому стихотворения для детей насыщены олицетворениями.

Ключевые слова: образ книги, русские поэты, олицетворение, семантические модели.

Chernikova N.V., Kuzmina A.A., Bubnova L.V.
 Michurinsk state agricultural university
 Michurinsk, Russia

PERSONIFICATION IN POEMS OF RUSSIAN POETS ABOUT THE BOOK

The image of a book occupies an important place in the works of Russian poets. Characterizing a book, authors widely use personification. The purpose of the study is to analyze the semantic models of personification as a widespread trope used to describe the image of a book in Russian poetry. It was revealed that personification becomes a powerful tool that personifies an inanimate object, allowing a deeper understanding of not only the book itself, but also its place in human culture and consciousness. This is especially important for young readers, so poems for children are saturated with personifications.

Keywords: *image of a book, Russian poets, personification, semantic models.*

«Важное место в системе ценностей русского народа занимает концепт «книга», относящийся к числу ключевых металлических знаков русской концептосферы» [Черникова 2023: 301]. Книга, как символ знания, мудрости и культурного наследия, на протяжении веков вдохновляла и продолжает вдохновлять поэтов на создание ярких и запоминающихся образов. В русской поэзии образное описание книги приобретает особое значение, отражая не только личные переживания авторов, но и глубокие философские размышления о месте литературы в жизни человека. Многие русские поэты используют образ книги для передачи сложных чувств и идей, связывая их с темами памяти, времени и духовного поиска. Ранее мы проанализировали использование метафоры в произведениях русских поэтов при создании образа книги [Черникова 2025]. Цель данной работы – проанализировать семантические модели олицетворения как широко распространенного тропа, используемого при описании образа книги в русской поэзии.

Олицетворение, будучи разновидностью метафоры, традиционно определяется как «такое изображение неодушевлённых или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ – даром речи, способностью мыслить и чувствовать» [Тимофеев 1974: 252]. Олицетворение помогает автору художественных произведений мыслить образно, «находить скрытые связи в окружающем, сравнивать и таким образом осознать их» [Вилкова 2023: 226].

Олицетворение в поэтических произведениях позволяет читателю увидеть книгу не только как источник информации, но и как живую сущность, способную оказывать на людей серьёзное влияние, помогать им, быть другом и советчиком. Рассмотрим семантические модели олицетворений, которые используют поэты в стихотворениях о книге для взрослых и детей, проанализируем их значение и роль в формировании читательского восприятия её образа.

1. Олицетворения, иллюстрирующие протекание биологических процессов у книг, характерных для живых существ: книги рождаются, живут, стареют и т.п.:

Он [переплётчик] *страницы* умолкшие вновь *оживил*...

Дал он книге старинной второе рождение...

(Г. Абрамов «Второе рождение»);

Стареют книги... (В.А. Рождественский «Стареют книги...»).

2. Олицетворения, демонстрирующие способность книг совершать физические действия, характерные для живых существ: они дышат, смотрят, ходят, плавают, выполняют общественные поручения (дежурят).

Есть... *книги, которые дышат*

простором на стыке ветров. (С.П. Щипачев «Есть книги ...»);

На меня же *смотрят книги* золотыми корешками...

(Л.И. Пальмин «Я сижу в библиотеке...»);

Книга – рабыня –

Часто *проходит сквозь строй*. (К. Баришевский «Книга»);

И *она* [книга] в любые страны

Через все века *пройдёт*...

Слава нашей книге детской!

Переплывшей все моря!..

(С.В. Михалков «Как бы жили мы без книг»);

Другие [книги] в шкафах *продежурят*... (В. Павлинов «Книги»).

3. Олицетворения, иллюстрирующие способность книг говорить и молчать, призывать к чему-либо:

...Говорит она [книга] на многих

Самых разных языках. (С.В. Михалков «Как бы жили мы без книг»);

Книга – к жизни зовет!..

Он [переплётчик] *страницы* умолкшие вновь оживил.

(Г. Абрамов «Второе рождение»).

4. Олицетворения, наделяющие книги разными чувствами: они могут испытывать счастье, скуку:

Счастливые книги, в которых

несмолкшее время хранит

и гул орудийный «Авроры»,
и гул, где взрывали гранит... (С.П. Щипачев *Есть книги...*);
Другие [книги] в шкафах продежурят,
годами *от скуки* пылясь... (В. Павлинов «Книги»).

Особенно часто встречаются олицетворения в детских стихах о книге, например С.В. Михалкова. Поэт «оживляет» книги, чтобы заинтересовать юных читателей, показать, что с книгами можно и нужно дружить, они и их герои всегда придут на помощь, в них есть ответы на все вопросы. Вот как об этом пишет автор, обращаясь к юному читателю:

Нет, нельзя себе представить,
Чтоб такой момент возник
И тебя могли оставить
Все герои детских книг.

(С.В. Михалков «Как бы жили мы без книг»).

В детских стихах книги:

– дружат с детьми:
Книги дружат с детворою...

(С.В. Михалков «Мы дружны с печатным словом»);

Пусть *книги друзьями* заходят в дома...

(С.В. Михалков «Обращение писателя к читателям»);

– помогают людям во всём:

*Книг заветные страницы
Помогают людям жить,
И работать, и учиться,
И Отчизной дорожить.*

(С.В. Михалков «Мы дружны с печатным словом»).

В стихотворении С.В. Михалкова «Калеки в библиотеке», адресованном скорее не детям, а взрослым, олицетворения используются, чтобы показать жесткое обращение с книгами читателями-«хищниками», именно так называет их автор. Олицетворение вынесено уже в название этого стихотворения – *калеки*. Со всех книжных полок библиотеки слышны *жалобы и стоны этих книг-калек*: одна жалуется на студента, который вырезал из неё таблицы, другая – на аспиранта, вырвавшего из неё страницы с иллюстрациями, том жалуется на доцента, который изрисовал все поля книги.

Автор делает печальный вывод: все эти люди *оскорбили книги*:

Стоят в библиотеке
На полках вдоль стены
Те книги, что навеки

Людьми оскорблены. (С.В. Михалков «Калеки в библиотеке»).

Этой же теме посвящено стихотворение С.Я. Маршака «Книжка про книжки», адресованное детям. Нерадивый Гришка Скворцов довёл свои книжки до ужасного состояния, сделав их *грязными, лохматыми, рваными, горбатыми*.

Главными героями этого стихотворения являются книжки-калеки, которые ведут себя совсем как люди:

– они плачут:

Книжки горько плакали..;

– жалуются:

Горько жаловался Гоголь..;

– разговаривают друг с другом, обсуждают своё положение:

– Как нам быть? – спросили книжки.

Как избавиться от Гришки?;

– принимают решение бежать в библиотеку за помощью:

И сказали братья Гримм:

– Вот что, книжки, убежим!..

– Вперёд! – воскликнул Дон Кихот,

И книжки двинулись в поход;

– приходят в библиотеку:

Беспризорные калеки

Входят в зал библиотеки.

А библиотечные книги, сочувствуя «бедным пришельцам», поют им призывную песню:

Песня библиотечных книг:

К нам, беспризорные

Книжки-калеки,

В залы просторные библиотеки!

Книжки-бродяги,

Книжки-неряхи,

Здесь из бумаги

Сошьют вам рубахи.
Из коленкора
Куртки сошьют,
Вылечат скоро
И паспорт дадут.
Как больных людей, книжек вылечили и поселили в новом доме – в библиотеке:

Вышли книжки из больницы,
Починили им страницы,
Переплёт, корешки,
Налепили ярлыки.
А потом в просторном зале
Каждой полку указали...
Словом, каждый старый том
Отыскал свой новый дом.

Стихотворение заканчивается также олицетворением: Гришке понадобился задачник и, не найдя его дома, он побежал за ним в библиотеку:

И спросил у строгой тётки:
– Вы тут книжки выдаёте?
А в ответ со всех сторон
Закричали книжки: – Вон!

Итак, олицетворения как художественно-изобразительное средство в стихотворениях русских поэтов о книге не только наполняют текст содержательной и эмоциональной глубиной, но и создают уникальный мост между читателем и литературным произведением. Наделённые человеческими чертами, книги становятся не просто объектами, а живыми существами, способными чувствовать, понимать и взаимодействовать с читателем. Особенно это важно для юных читателей, поэтому стихотворения для детей насыщены олицетворениями. С их помощью авторы подчёркивают важность книги как хранителя знаний, мудрости и чувств, а также как верного друга и спутника жизни. Олицетворения становятся мощным инструментом, персонифицирующим неживой предмет, позволяющим глубже понять не только саму книгу, но и её место в человеческой культуре и сознании.

Список литературы

1. Вилкова, А. В. Олицетворение как разновидность метафоры в современных стихотворениях в прозе / А. В. Вилкова // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 2. – С. 225–229. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/olitsetvorenie-kak-raznovidnost-metafory-v-sovremennyh-stihotvoreniyah-v-proze> (дата обращения: 24.03.2025).

2. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов / Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – Москва : Просвещение, 1974. – 509 с.

3. Черникова, Н.В. Концепт «книга» в русской языковой картине мира / Н. В. Черникова, А. А. Кузьмина // Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) науч.-практ. конф. с междунар. участ. (г. Чебоксары, 25 января 2023 г.). Вып. 4 / отв. ред. Р.В. Михайлова, Е.В. Агаева. – Чебоксары, 2023. – С. 300–305.

4. Черникова, Н. В. Метафорическое описание книги в произведениях русских поэтов / Н. В. Черникова, А. А. Кузьмина // Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) науч.-практ. конф. с междунар. участ. (г. Чебоксары, 30 января 2025 г.). Вып. 6 / отв. ред. Р.В. Михайлова, Е.В. Агаева. – Чебоксары, 2025. – С. 269–272.

УДК 372.8

Чертюк М.В.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Новозыбков, РФ*

УРОК-ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ЛИТЕРАТУРЕ (АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА)

В данной статье, опираясь на методические материалы, представленные в журнале «Литература в школе», мы проанализировали педагогический опыт учителей по проведению урока-исследования по литературе в школе в средних и старших классах.

Ключевые слова: педагогика, школа, литература, урок-исследование, педагогический опыт, методика обучения литературе.

Chertok M.V.

*Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky,
Novozybkov, Russia*

LITERATURE RESEARCH LESSON (ANALYSIS OF TEACHING EXPERIENCE)

In this article, based on the methodological materials presented in the journal "Literature at School", we analyzed the pedagogical experience of teachers in conducting a study lesson on literature at school in middle and high school.

Keywords: pedagogy, school, literature, lesson-study, pedagogical experience, methods of teaching literature.

Внедрение новых образовательных стандартов в российское образование обуславливает необходимость создания основательной научно-методической базы. Трансформации, затронувшие сферу образования в России в связи с внедрением обновлённых образовательных нормативов, актуализируют задачу разработки качественного научно-методического инструментария.

Методологической основой ФГОС является системно-деятельностный подход. В связи с этим обучение и воспитание направлены на формирование у учащихся личностных качеств, социальных навыков, коммуникабельности и когнитивных способностей, что и является ключевым показателем успешности образовательного процесса.

В формировании метапредметных и личностных результатов значительное влияние оказывает организация на уроках, в том числе и на уроках литературы, учебно-исследовательской деятельности учащихся. Так, в средних классах общеобразовательной школы работу по развитию школьников, согласно ФГОС ООО, необходимо ориентировать на развитие у них «опыта <...> учебно-исследовательской деятельности» [ФГОС ООО 2021: 19].

Результатом процесса обучения в старших классах должно быть «формирование у обучающихся системных представлений и опыта применения методов, технологий и форм организации <...> учебно-исследовательской деятельности» [ФГОС СОО 2012: 39].

Урок – основная форма организации учебного процесса в основной школе. Анализ методической литературы показал, что одной из наиболее эффективных форм работы, направленной на развитие исследовательских способностей учащихся основной школы, является проведение урока-исследования по различным школьным предметам, в том числе, и по литературе.

В научной литературе под уроком-исследованием принято понимать совместную деятельность педагога и школьников, которая состоит из ключевых этапов, свойственных научному исследованию, и направлена на решение поставленной перед учащимися исследовательской задачи.

При подготовке к уроку-исследованию учитель должен учитывать тот факт, что целью таких уроков является не только обучение предмету (в нашем случае – литературе), но и обучение учащихся исследовательским умениям.

Основная задача исследовательского подхода на таких уроках – формирование у школьников не только навыка самостоятельного поиска информации, но и развитие критического и аналитического мышления. Кроме того, важно при этом стимулировать активное участие ученика в учебном процессе, формируя его собственную позицию.

По мнению исследователей, развитие исследовательских навыков школьников целесообразно начинать в младших классах и активно формировать в средней школе, учитывая при этом возрастные особенности детей. При таком подходе исследовательские навыки школьников необходимо развивать в два этапа: в 5–7 классах и в 7–9 классах.

Методы, применяемые для реализации исследовательской деятельности на уроках литературы, варьируются в зависимости от класса. Так, в 5–7 классах обычно применяется коллективно-индивидуальный подход, который заключается в совместном обсуждении тем, самостоятельной фиксации данных. На уроках

необходимо использовать такие формы работы, как: работа с таблицами, учебником, графиками, аудио- и видеозаписями, иллюстрациями к произведениям, картами и др. Как отмечают О.В. Белугина и С.Н. Стародубец, «цель подобных заданий – активизировать поисковую деятельность, и за счёт опоры как на знания и умения, так и на свой жизненный опыт, находить ответы на поставленные вопросы, развивать у учащихся стремление к самостоятельным открытиям» [Белугина 2023: 36]. Задача педагога состоит в определении предмета изучения, контроле и управлении работой школьников в процессе выполнения заданий.

Далее рассмотрим примеры организации уроков литературы с применением заданий исследовательского характера.

На уроке в процессе изучения рассказа К. Паустовского «Теплый хлеб» в 5 классе учитель Злобина Л.И. использует такие приёмы работы, как: составление кластера на тему «Доброта», учащиеся сами формулируют цель урока по заданному её началу; заполнение таблицы с целью проведения сравнительной характеристики героев произведений, составление схемы, которая поможет учащимся проследить путь Фильки, игра «Собери пословицу», составление синквейна. Также Лариса Ивановна организует словарную работу на уроке с использованием «Толкового словаря» В.И. Даля. При работе с текстом произведения учитель задаёт школьникам проблемные вопросы: Почему?.., Каким образом?.. и др.). На уроке представлена и групповая работа. Класс делится на три группы. По предложенной инсценировке отрывка рассказа К. Паустовского (разговор Фильки и Панкрата) первая группа готовит характеристику Панкрата, вторая – характеристику Фильки, а третья группа должна оценить игру своих одноклассников. При характеристике героев Злобина Л.И. обращает внимание на имена персонажей. Для более полной характеристики героя ребята на уроке работают со словарём имён. Следует отметить, что школьники на организованных таким образом уроках «получают практические навыки исследовательской работы с материалом, с научной литературой, навыки анализа отобранного материала, развивают свои творческие способности и коммуникативные умения» [Белугина 2022: 47].

Учитель Громова И.А. с целью активизации мыслительной деятельности учащихся VII класса предлагает им выступить на

уроке в роли исследователей. Опираясь на предыдущий опыт учеников (притча о добром самарянине была изучена в VI классе), Ирина Алексеевна проводит сопоставление произведения А. Платонова «Неизвестный цветок» и притчи. Сравнение художественных текстов проводится по нескольким направлениям: сравнение заглавий, сравнение героев произведений, сопоставление финальных частей текстов. Для достижения поставленных целей урока учитель применяет различные формы работы. Так, например, анализ героев сказки-были осуществляется в процессе групповой работы. Первая группа школьников характеризует образ Даши, а вторая – образ цветка. Характеризуя образ цветка, особое внимание учитель уделяет роли глаголов в тексте. В качестве домашнего задания Громова И.А. предлагает учениками написать сочинение-размышление по вопросам: «Какой отклик в вашем сердце оставили герои А. Платонова? Зачем, по мнению автора, нужно любить?» [Громова 2007: 45].

Учебно-исследовательская деятельность в 7–9 классах выходит на новый уровень. Работа на уроке чаще всего осуществляется в коллективной, групповой и индивидуальной форме. Учащиеся имеют возможность самостоятельно выбирать объект для исследования. Функция учителя изменяется: он становится соратником, но продолжает направлять учащихся в ходе работы.

Так, в 8 классе при изучении повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» учащиеся в процессе подготовки к уроку самостоятельно подготовили сообщение – историческую справку об эпохе Екатерины II в целом и о Пугачевском бунте в частности. Романова В.Н. на уроке в группах организует работу с текстом, в котором содержится информация о Пушкине как писателе и как историке. В процессе чтения каждая группа составляет опорную схему. Такой приём работы в методике называется инфографика. Исследовательская работа по повести писателя направлена на изучение специфики жанра данного произведения. С этой целью в ходе урока составляется таблица, в которой представлены особенности произведения как повести и как романа. В конце урока делается вывод о жанровой принадлежности произведения.

Исследовательскую деятельность на уроке в IX классе при изучении романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Коно-

нова А.А. также организовала посредством групповой формы работы. Класс делится на 4 группы. Первая группа школьников организовала композицию, характеризующую природу в романе. Учащиеся подготовили чтение наизусть соответствующих заявленной теме строф. Оно сопровождается комментированием. Вторая группа учащихся должна была изучить книгу Ю.М. Лотмана «Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий» и подготовить выступление о приметах, праздниках, обрядах, традициях и обычаях, описанных в романе. Третья группа изучала описанный в произведении деревенский лад посредством комментирования и чтения наизусть определенных строф. Жизненный уклад, представленный в романе, характеризовала четвёртая группа школьников.

В 9–11 классах исследовательская деятельность реализуется индивидуально и в группах, однако акцент смещается на персональную работу. Обычно, задачи формулируются учителем и дополняются учениками. Также допустим вариант совместного творчества, при этом, учитель выполняет функцию консультанта. Учитывая возрастные особенности учащихся, исследовательскую деятельность на уроках литературы в старших классах целесообразно организовывать на более высоком уровне. С этой целью педагоги чаще всего на уроках используют групповую форму работы.

Примером может служить урок изучения романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» в X классе. Дементьева Л.А. разделила класс на три группы, которые готовили задания к уроку за неделю до его проведения.

I группа изучала судьбу дворянских усадеб в художественной литературе, устанавливала их приметы в произведениях И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Особое внимание в своём исследовании ученики уделили вопросу расположения и названия глав в текста романа «Господа Головлевы».

II группа проводила исследования по установлению смысла названия романа. Основываясь на художественных особенностях текста, на уроке была применена работа со словарем, в частности, школьники проводили исследование с использованием толкового словаря В.И. Даля.

III группа готовила ответ на вопрос «Каковы причины «выморочности», распада человеческой личности? <...>» [Дементьева 2001: 35]. На уроке при ответе на данный вопрос школьники выявляют используемые автором романа художественные приёмы, уделяют внимание описанию быта и взаимоотношений в семье Головлевых, сосредотачиваются на описаниях пейзажных зарисовок.

Кроме того, каждая группа составляла вопросы на знание текста произведения. Ядром работы на уроке является последовательное выступление каждой группы учащихся. Продолжением исследовательской работы, проделанной на уроке, выступает домашнее задание, в качестве которого Дементьева Л.А. предлагает «проследить, как идея выморочности головлевского рода проявляется в судьбах детей и внуков Головлевых» [Дементьева 2001: 36].

Проведение урока-исследования в IX классе по поэме А.С. Пушкина «Цыгане» Шарова А.Д. считает целесообразным начать со сравнительного анализа поэм великого русского писателя «Кавказский пленник» и «Цыгане». Школьники отмечают общие черты произведений. Тем не менее, у поэмы «Цыгане» есть и отличительные особенности. По сравнению с первой южной поэмой А.С. Пушкина, данное произведение отличает наличие большого количества диалогов, объем поэмы «Цыгане» гораздо меньше, чем объем «Кавказского пленника». Далее учитель уделяет внимание специфике композиции поэмы и предлагает учащимся выступить в роли исследователей и доказать, что, по словам В.Г. Белинского, «в художественном произведении Пушкина конец гармонирует с началом». Далее в рамках урока-исследования проводится сравнение образов старика-цыгана и Алеко. В конце урока Шарова А.Д. организует исследовательскую деятельность, направленную на сопоставление исходного текста поэмы и её окончательного варианта [Шарова 1999: 67].

Интересной, на наш взгляд, является разработка урока в X классе Герасимовой Н.Н. по стихотворению Н.А. Некрасова «Тройка». После вступительного слова учителя следует рассказ учащегося (индивидуальное задание, которое было дано школьнику заранее) посредством анализа поэтического произведения

«В дороге» о том, как Н.А. Некрасова вошел в русскую литературу. С целью организации более эффективной и плодотворной работы на уроке Наталья Николаевна подготовила карточки-подсказки для каждого ученика, которые выступают своеобразным алгоритмом проводимого на уроке исследования. Первая карточка содержит четыре задания для анализа стихотворения «Тройка», в соответствии с которыми класс делится на четыре группы. Первая группа характеризует жанр произведения; вторая – идейное содержание (тему, идею, особенности интонации и эмоциональную наполняемость стихотворения); третья группа проводит исследование, связанное с особенностями структуры стихотворения (сравнение и анализ словесных образов, изобразительно-выразительные средства языка, отличительные черты рифмы, специфика рифмовки, композиции и строфики, синтаксис); четвертая группа характеризует лирического героя произведения. Помощником при выполнении этих заданий выступает вторая карточка, на которой представлена необходимая для исследования информация – мини-словарь литературоведческих терминов: пафос, композиция, жанр, новелла, лирический герой, стихотворение. Таким образом, «в результате такой, специально организованной, творческой деятельности у учащихся происходит получение новых знаний, формируются исследовательские умения и познавательные мотивы» [Белугина 2023: 36].

В основе разработки урока по поэзии И. Бродского, предложенной Кузнецовой Л.П., лежит групповая форма работы. Каждая группа учащихся готовила задания за неделю до проведения урока. Первая группа подготовила информацию о ключевых событиях из биографии писателя, об основных этапах становления И. Бродского как писателя. Вторая группа школьников, опираясь на произведения поэта, анализировала связи И. Бродского с Петербургом. В итоге выступления данной группы было установлено, что творчество поэта во многом автобиографично. Третьей группе было предложено провести исследование о взаимоотношении И. Бродского с «империей». Четвертая группа представила доклад и пребывании поэта в эмиграции. Основой выступления данной группы является анализ и комментарий стихотворения «Post aetatem nostrum». Взаимосвязи И. Бродского и классической литературы была изучена пятой группой учащихся,

которые раскрыли общие и отличительные особенности творчества И. Бродского с классиками русской литературы: поэтами Серебряного века, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, А. Ахматовой. В процессе выступления каждой группы учащимся необходимо составить его краткий план. В качестве продолжения исследовательской работы является предложенное учителем домашнее задание учитель, в котором учащимся необходимо самостоятельно письменно подготовить анализ одного из стихотворений поэта (по выбору).

Кроме групповой деятельности на уроке литературы в Х классе, связанного с выявлением роли Петербурга в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в судьбе самого писателя (урок-исследование рассчитан на два часа), Кузнецова М.С. использует карточки, работа по которым ведется в течение первого часа. Содержание заданий на карточках направлено на проведение анализа специфики изображения Петербурга Н.В. Гоголем и А.С. Пушкиным. Работа на этом уроке ведется по заранее подготовленным школьниками дома комментариям к отрывкам из поэмы «Медный всадник» и записи «1834». В продолжении занятия изучается место Петербурга в жизни Ф.М. Достоевского. Второй урок посвящен анализу образа Петербурга непосредственно в романе «Преступление и наказание», в ходе которого учащиеся под руководством учителя читают и комментируют эпизоды романа, описывающие городскую природу, погоду, дома героев произведения и интерьеры (комната Раскольникова, комната Сони Мармеладовой, жилище семьи Мармеладовых, Алёны Ивановны) улицы, каналы, погоду. Вместе с этим, проводятся аналогии с реально существовавшими зданиями Петербурга и описанными в романе на основе репродукций картин художников.

В данной статье мы проанализировали методические разработки уроков-исследования учителей-предметников в системе школьного образования и пришли к выводу, что при организации таких уроков литературы учителя чаще всего применяют сравнительный метод обучения и групповые формы работы. Основными учебными приёмами на уроках литературы, которые составляют исследовательскую работу школьников, являются: классифика-

ция и систематизация явлений и фактов, трактовка данных, применение таких типов рассуждения, как дедукция и индукция, а также методов синтеза, анализа и обобщения данных, выявление сходства и различий, составление таблиц и другие.

Список литературы

1. Белугина, О. В. Специфика организации курса по выбору (на основе краеведческого материала) / О. В. Белугина // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 84–4. – С. 46–50.

2. Белугина, О. В. Использование исторического комментирования в процессе формирования орфографической грамотности учащихся / О. В. Белугина, С. Н. Стародубец // Лингвореггионоведение в восточнославянском пограничье: российско-белорусский локус: сборник научных статей. – Брянск : Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 35–42.

3. Герасимова, Н. Н. Стихотворение Н. А. Некрасова «Тройка». Урок-исследование X класс / Н. Н. Герасимова // Литература в школе. – 2004. – № 2. – С. 33–35.

4. Громова, И. А. «Нам жизнь дана, чтобы любить...». Составление притчи о добром самарянине и сказки-были А. Платонова «Неизвестный цветок», Урок-исследование VII класс / И. А. Громова // Литература в школе. – 2007. – № 2. – С. 44–45.

5. Дементьева, Л. А. «Размышляя над историей головлевского рода...». Урок-исследование X класс / Л. А. Дементьева // Литература в школе. – 2001. – № 6. – С. 35–36.

6. Злобина, Л. И. Открытый урок- исследование по литературе в 5 классе по произведению К. Паустовского «Теплый хлеб» [Электронный ресурс] / Л. И. Злобина. – URL: <https://multiurok.ru/files/otkrytyi-urok-issledovanie-po-literature-v-5-klass.html> (дата обращения: 16.04.2025).

7. Кононова, А. А. Здравый смысл «старого лада». Урок-исследование по роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» IX класс / А. А. Кононова // Литература в школе. – 1999. – № 4. – С. 67.

8. Кузнецова, Л. П. Знакомимся с поэзией И. Бродского. Урок-исследование / Л. П. Кузнецова // Литература в школе. – 2005. – № 12. – С. 27–30.

9. Кузнецова, М. С. «Самый умышленный и отвлечённый город в мире...». Урок-исследование на тему «Петербург в судьбе Ф.М. Достоевского и на страницах романа "Преступление и наказание"» X класс / М. С. Кузнецова // Литература в школе. – 2011. – № 3. – С. 33–36.

10. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (с изменениями и дополнениями): Приказ Министерства образования и науки РФ от 31 мая 2021 г. № 287. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 14.04.2025).

11. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (с изменениями и дополнениями): Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413. [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/> (дата обращения: 15.04.2025).

12. Романова, В. Н. Урок-исследование «Капитанская дочка» как реалистический исторический роман [Электронный ресурс] / В. Н. Романова. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2021/10/09/urok-issledovanie-kapitanskaya-dochka-kak-realisticheskiy> (дата обращения: 14.04.2025).

13. Шарова, А. Д. Поэма «Цыгане» А.С. Пушкина. Урок-исследование IX класс / А. Д. Шарова // Литература в школе. – 1999. – № 8. – С. 65–70.

УДК 81'1

Чиглицева Т.А.

*Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет
науки и технологий», г. Бирск, РФ*

КОНЦЕПТ 'УСПЕШНАЯ КАРЬЕРА' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Концепт 'успешная карьера' является одним из ключевых элементов современной лингвокультуры, отражая ценности, стремления и социальные нормы общества. В русском

языке данный концепт имеет сложную структуру, включающую как объективные критерии (достижения, статус, доход), так и субъективные аспекты (удовлетворенность, самореализация). В данной статье предпринимается попытка анализа концепта 'успешная карьера' через призму языковых средств и примеров из современных СМИ.

Ключевые слова: концепт, материальные ценности, успешная карьера, репрезентация в языке.

Chiglintseva T.A.

*Birsk branch of the Ufa University of Science
and Technology, Birsk, Russia*

THE CONCEPT 'SUCCESSFUL CAREER' IN THE RUSSIAN LANGUAGE: A LINGUOCULTURAL ANALYSIS

The concept 'successful career' is one of the key elements of modern linguoculture, reflecting the values, aspirations and social norms of society. In Russian this concept has a complex structure, including both objective criteria (achievements, status, income) and subjective aspects (satisfaction, self-actualization). This article attempts to analyze the concept 'successful career' through the prism of linguistic means and examples from modern mass media.

Keywords: concept, material values, successful career, representation in language.

Термин 'карьера' имеет латинское происхождение (лат. carrus – телега), в «толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова ему дано следующее определение: «путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также самое достижение такого положения» [Ожегов 2011: 289].

В современной научной литературе карьера рассматривается как «деятельность индивида, направленная на достижения успеха в обществе, то есть приобретение социального статуса и признания» [Дзамихов 2017: 548].

Таким образом, под карьерой понимаются осознанные работником суждения и представления о своем будущем, связанным

с работой и ожидаемые им способы самовыражения и удовлетворения трудом; а также поступательное продвижение по служебной лестнице, расширение навыков, способностей, квалификационных возможностей и размеров получаемого вознаграждения, связанных с трудовой деятельностью [Грабивчук, Хлабыстова 2017: 159].

В советский период успешная карьера чаще всего ассоциировалась с продвижением в государственных структурах и научно-технической сфере. После распада СССР и перехода к рыночной экономике акценты сместились в сторону предпринимательства и частного бизнеса. В современном российском обществе понятие '*успешная карьера*' претерпевает значительные изменения, отражая трансформации социально-экономической среды и ценностных ориентиров. Традиционно карьера ассоциировалась с поступательным продвижением по служебной лестнице, достижением высокого социального статуса и материального благополучия. Однако в условиях динамичных изменений и глобализации критерии успешности становятся более многогранными. Сегодня успешная карьера включает в себя не только материальный достаток, но и возможность самореализации, баланс между работой и личной жизнью, а также общественное признание.

Концепт как лингвокультурологическая категория понимается как сложное ментальное образование, включающее понятийную, образную и ценностную составляющие [Степанов 2001: 43-46]. В случае с '*успешной карьерой*' понятийная составляющая связана с достижением профессиональных целей, образная – с представлениями о престиже и признании, а ценностная – с социальной значимостью и личным удовлетворением.

Средства массовой информации играют значительную роль в формировании общественного мнения о том, что считается успешной карьерой. Через освещение успехов в определенных профессиях и сферах деятельности СМИ влияют на карьерные предпочтения и ожидания аудитории.

Во-первых, СМИ создают определённые архетипы успешных людей. Например, популярные бизнес-издания, такие как Forbes и РБК, публикуют рейтинги самых влиятельных предпринимателей и руководителей, подчеркивая их достижения, стиль

жизни и ценности. Это формирует у аудитории образ успешного человека как владельца бизнеса, топ-менеджера или инвестора.

Во-вторых, телевидение и интернет-платформы, такие как YouTube и социальные сети, популяризируют истории успеха, которые вдохновляют молодёжь. Например, интервью с успешными людьми дают представление о возможных карьерных траекториях.

В-третьих, СМИ могут влиять на карьерные предпочтения, освещая востребованные профессии. Исследования показывают, что публикации о росте зарплат в IT-индустрии и историях о молодых специалистах, заработавших миллионы в данной сфере, способствуют увеличению числа абитуриентов, поступающих на технические специальности.

Однако влияние СМИ не всегда однозначно. С одной стороны, они создают позитивные примеры для подражания, но с другой – могут формировать нереалистичные ожидания. Например, чрезмерное внимание к ‘быстрому успеху’ в блогинге, криптовалютных или шоу-бизнесе может привести к заниженной мотивации у молодежи к традиционной профессиональной карьере.

Среди факторов, определяющих восприятие успешности карьеры в современном российском обществе, можно выделить:

Социально-экономические условия: экономическая нестабильность и изменения на рынке труда влияют на карьерные стратегии и ожидания. Экономические кризисы, санкции и нестабильность национальной валюты могут заставить людей пересматривать свои карьерные планы и искать новые возможности для профессионального роста, включая самозанятость и удаленную работу [Голобоков, Тюгаев 2017:340].

Образование и профессиональные навыки: повышение уровня образования и необходимость постоянного обновления навыков становятся ключевыми для карьерного роста. В условиях быстро развивающихся технологий цифровая грамотность, знание иностранных языков и способность к адаптации становятся критически важными. Современные работодатели ценят не только диплом, но и наличие практических навыков, подтвержденных стажировками и сертификациями.

Личные ценности и мотивация: индивидуальные стремления к самореализации, личностному росту и общественному признанию играют важную роль в определении успешности карьеры. В последние годы всё больше людей уделяют внимание не только материальным аспектам, но и внутреннему удовлетворению от работы. Генерация новых идей, вклад в развитие общества и экологическая осознанность становятся важными критериями успешной карьеры [Зобов, Келасьев 2013: 140].

Влияние цифровых технологий: развитие интернета и социальных сетей кардинально изменило восприятие карьеры. Люди теперь могут работать удаленно, развивать личный бренд и продвигать свои профессиональные услуги через цифровые платформы. Онлайн-курсы и вебинары предоставляют возможность непрерывного образования, а карьерные соцсети, такие как LinkedIn, помогают устанавливать полезные деловые связи.

Гендерные и демографические факторы: в последние годы в России наблюдается рост вовлеченности женщин в бизнес и управленческую сферу. Гендерное равенство и поддержка женщин в карьере становятся все более актуальными темами. Также стоит учитывать влияние возраста: молодые специалисты чаще стремятся к быстрому карьерному росту, тогда как представители старшего поколения делают акцент на стабильности и опыте.

Средства массовой информации играют значительную роль в формировании общественного мнения о том, что считается успешной карьерой. Через освещение успехов в определенных профессиях и сферах деятельности СМИ влияют на карьерные предпочтения и ожидания аудитории [Бельцова 2012:167].

Если проанализировать лексическое наполнение концепта '*успешная карьера*', то можно отметить следующее. Лексическое выражение понятия '*успешная карьера*' в русском языке отражает как традиционные, так и современные представления об успехе. В русском языке концепт '*успешная карьера*' выражается через ряд лексических единиц: '*карьерный рост*', '*профессиональный успех*', '*достижение целей*', '*статус*', '*престиж*'. Эти слова часто используются в медиатекстах, формируя общественное представление о том, что такое успешная карьера. Например, в статье журнала Forbes подчеркивается: «*Успешная карьера* — это не

только высокая зарплата, но и возможность влиять на мир вокруг себя» [Forbes 2022].

Современные СМИ активно формируют образ успешной карьеры, используя как позитивные, так и негативные коннотации. Например, в интервью с известным предпринимателем на портале РБК говорится: «*Успешная карьера* — это когда ты каждое утро просыпаешься с желанием работать, а не с мыслью о том, как бы пережить этот день» [РБК 2023]. Данное высказывание акцентирует внимание на внутренней мотивации и удовлетворенности, что является важным аспектом концепта.

С другой стороны, в некоторых материалах успешная карьера связывается исключительно с материальными достижениями. Например, в статье на сайте издания Коммерсантъ отмечается: «*Успешная карьера* — это когда ты можешь позволить себе всё, о чем мечтал: от роскошного автомобиля до дома на берегу океана» [Коммерсантъ 2021]. Такая трактовка отражает потребительский подход к карьере, который также присутствует в общественном сознании.

В русской лингвокультуре концепт '*успешная карьера*' имеет свои национальные особенности. В отличие от западных моделей, где акцент часто делается на индивидуальных достижениях, в России успешная карьера нередко воспринимается через призму коллективных ценностей. В России успешная карьера — это не только личные достижения, но и умение выстраивать отношения с коллегами и начальством. Например, в интервью делового СМИ Русбейс эксперт отмечает, что важно «уметь налаживать и реализовывать эффективное взаимодействие на всех уровнях: и с вышестоящим руководством, и с людьми на одном уровне, и с подчиненными.» [Русбейс 2019]. Однако, в последнее десятилетие растет роль социальных сетей в изменении языка успеха: популярные блогеры и лидеры мнений формируют новый язык карьеры. Понятия '*успех*' и '*карьера*' все чаще связываются с такими выражениями, как '*личный бренд*', '*монетизация навыков*', '*работа мечты*', '*финансовая независимость*', что подчеркивает важность самореализации и автономии в профессиональном развитии.

Слова и выражения, связанные с карьерным ростом, формируют определённый дискурс, в котором можно выделить несколько ключевых направлений:

1. Метафорические выражения: в языке закрепились такие фразеологизмы, как *‘взлететь по карьерной лестнице’*, *‘прокладывать дорогу’*, *‘сделать себе имя’*, *‘идти вверх’* – они указывают на динамику и движение вверх как символ карьерного роста. Также используются выражения *‘потолок карьеры’*, *‘карьерный тупик’*, которые указывают на препятствия в профессиональном развитии.

2. Заимствования и англицизмы: современные тенденции привели к активному заимствованию терминов из английского языка, таких как *‘стартап’*, *‘коуч’*, *‘нетворкинг’*, *‘самоменеджмент’*, *‘тайм-менеджмент’*, что отражает глобализацию и новые формы профессионального развития. Особенно популярными стали слова *‘фриланс’*, *‘краудфандинг’*, *‘краудсорсинг’*, подчеркивающие новые способы работы и достижения успеха.

3. Оценочные суждения: в общественном дискурсе можно встретить выражения *‘успешный человек’*, *‘самореализованный специалист’*, *‘звезда бизнеса’*, *‘гуру своего дела’*, *‘топ-менеджер’*, которые формируют положительный образ карьерного успеха и демонстрируют различные уровни профессионального признания. Наряду с положительными коннотациями, встречаются выражения с негативной окраской – *‘карьерист’*, *‘выслуживаться’*, *‘переступить через принципы ради карьеры’*, *‘идти по головам’*, что отражает критику карьерных амбиций, воспринимаемых как чрезмерные.

Концепт *‘успешная карьера’* в русском языке представляет собой многогранное и динамичное явление, отражающее как общечеловеческие ценности, так и специфику русской лингвокультуры. Анализ примеров из СМИ показывает, что данный концепт включает в себя как объективные критерии (профессиональные достижения, материальное благополучие/ доход, статус), так и субъективные аспекты (личностную самореализацию, общественное признание, баланс между работой и личной жизнью удовлетворенность). СМИ, освещая истории успеха в различных сферах, формируют представления общества о том, что значит быть успешным в современной России.

В условиях современного общества понимание успешной карьеры продолжает эволюционировать, что находит отражение в языке и медиадискурсе.

Список литературы

1. Бельцова, И. А. Успех как ценность в подаче российских СМИ (геронтологический дискурс) / И.А. Бельцова // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – Том 154, Кн. 6. – С. 161–168.

2. Грабивчук, В. Я., Хлабыстова, Н. В. Построение карьеры в современном российском обществе / В. Я. Грабивчук, Н. В. Хлабыстова // Научные труды КубГТУ. – 2017. – № 9. – С. 159–166.

3. Голобоков, А. С., Тюгаев, А. Р. Особенности и проблемы карьеры современной Российской молодежи / А. С. Голобоков, А. Р. Тюгаев // АНИ: психология и педагогика. – 2017. – Т. 6. № 2(19). – С. 338–341.

4. Дзамихов, И. К. К определению понятия ‘карьер’ и ее социальная роль / И. К. Дзамихов // Экономика и социум. – 2017. – № 9. – С. 544–551.

5. Зобов, Р. А., Келасьев В. Н. Жизненный успех в современном российском обществе / Р. А.Зобов, В. Н. Келасьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2013. – № 2. – С. 136—143.

6. История успеха. // РБК. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/BhoHiLD9pE/istoriya-uspeha-veduschij-spetsialist-nc-logistic-o-rabote-v-kompanii/> (дата обращения 17.02.2025).

7. Материальные аспекты успешной карьеры // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5128371?query> (дата обращения 07.02.2023).

8. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – Москва : Академический проект, 2004. – 992 с.

9. Толковый словарь русского языка около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва : Оникс, печ. 2011. – 736 с.

10. «Учиться придется всю жизнь». Как построить успешную карьеру в большой компании // RB.RU. – URL: //

<https://rb.ru/opinion/uchitsya-vsyu-zhizn/> (дата обращения 12.03.2025).

11. Что такое успешная карьера в современном мире? // Forbes.ru. – URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes?page=3> (дата обращения 17.04.2023).

УДК 372.8

Шевцова Т.А.

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, г. Новозыбков, РФ*

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ КУРСА ПО ВЫБОРУ:
«ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕ-
НИЙ» (НА ОСНОВЕ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ
БРЯНСКОГО КРАЯ)**

В статье представлена разработка тематического планирования курса по выбору по русскому языку, базирующегося краеведческом материале. Данный курс направлен на формирование у учащихся важнейших нравственных ценностей ориентиров, таких как любовь природе, уважение к истории своей страны и малой родины.

Ключевые слова: курсы по выбору, языковые особенности, брянские писатели, лексико-семантическая характеристика, художественный текст.

Shevtsova T.A.

*Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky,
Novozybkov, Russia*

**SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF THE COURSE BY
CHOICE: "STUDY OF THE LANGUAGE OF LITERARY WORKS"
(BASED ON THE WORK OF WRITERS
OF THE BRYANSK REGION)**

The article presents the development of thematic planning of the elective course in the Russian language, based on local history

material. This course is aimed at the formation of the most important moral values in students, such as love for nature, respect for the history of their country and small homeland.

Keywords: *elective courses, language features, Bryan writers, lexical and semantic characteristics, literary text.*

Социализация человека невозможна без разностороннего образования, включающего ряд важнейших ценностных ориентиров. К последним можно отнести:

- необходимость обращения школьников к ценностной сокровищнице культуры, как национальной, так и общечеловеческой;

- осознание обучающимся себя в качестве значимого звена в будущем развитии своей Родины;

- уважение к истории страны и малой родины;

- формирование у молодых людей чувства ответственности за судьбу России в условиях современных социально-политических вызовов;

- развитие и повышение мотивационной составляющей, направленной на процессы познания и творчества;

- повышение уровня любознательности учащихся и воспитание готовности к осуществлению самостоятельных образовательных действий на протяжении всей своей жизни.

Формированию данных ориентиров призваны способствовать курсы по выбору, базирующиеся на региональном материале с опорой «на проблемные и активные методы, интерактивные формы работы учащихся» [Воронцова 2023: 55].

Достижению данных воспитательных устремлений может способствовать включение в учебные планы курсов по выбору, разработанных на основе материала регионального, краеведческого характера. «В учебные планы могут быть включены дополнительные учебные предметы, курсы по выбору обучающихся, предлагаемые организацией, осуществляющей образовательную деятельность в соответствии со спецификой и возможностями организации, осуществляющей образовательную деятельность» [ФГОС СОО 2012: URL].

Курс по выбору: «Изучение языка художественных произведений» (на основе творчества писателей Брянского края) предназначен для учащихся 11 класса и рассчитан на 32 часа.

При составлении программы курса мы обращались к данным региональных литературных сайтов, а также использовался учебник Е.Э. Горяиновой, О.В. Вороничевой, Л.Л. Семенищевой «Литературная Брянщина» [Вороничева, Горяинова, Семенищенкова 2008].

Открытие литературы родного края, особенностей языка писателей Брянщины позволит учащимся не только приобщиться ценностям духовно-культурного плана, являющихся неотъемлемой частью их малой родины, но и выработать патриотическое отношение к Отчизне в целом.

Образовательные, воспитательные и познавательные принципы лежат в основе данного курса по выбору. Объектом его изучения этого являются языковые факты, нашедшие свое отражение в произведениях писателей Брянского края. Помимо этого, данный курс направлен на расширение у учащихся сведений о малой родине, родной природе, а также способствует углубленному проникновению в мир истории культуры родного края и человеческих отношений.

Основной *целью* данного курса по выбору является анализ особенностей индивидуально-авторского использования средств русского языка.

Особое внимание необходимо обращать на значение и специфику использования, включенных автором в текст литературного произведения языковых фактов; а также характеристику идейного содержания художественного произведения в контексте историко-филологического процесса, анализ особенностей текста в данном аспекте.

Задачи курса по выбору:

- обучение школьников актуальным методам анализа художественного произведения;

- развитие у школьников творческих способностей; формирование лингвистической и коммуникативной компетенций; закрепление навыков устной и письменной речи;

-воспитание у обучающихся эстетических и нравственных представлений и ценностей; внимания к выразительности и красоте художественного слова.

В процессе работы особый акцент делается на следующих видах деятельности:

- сбор языковых данных,
- лингвистический анализ текстов,
- языковой эксперимент,
- толкование слов,
- сравнение, наблюдение над языком поэзии и прозы,
- наблюдение за языковыми единицами,
- творческая работа исследовательского характера,
- сопоставление, редакторская правка,
- решение лингвистических задач,
- моделирование текста,
- написание эссе, сочинений, статей в стенгазету и на сайт

школы.,

Анализ литературных произведений в наибольшей степени способствует выработке у обучающихся представлений:

- о типах речи, их использовании в текстах;
- о средствах связи предложений в тексте;
- о приемах иллюстрирования языковых фактов;
- об особенностях правильной монологической речи;
- о специфике употребления слов, форм и синтаксических

конструкций.

Тематическое планирование

Тема	Основные виды деятельности	Часы
Особенности языка фольклора Брянщины. Уникальность и многообразие фольклора Брянской области.	Лекция. Презентация. Литературно-музыкальная композиция. Лингвистический анализ текстов.	2
Произведения писателей Брянщины о малой родине		

Языковые особенности стихотворений А. К. Толстой, посвященные Брянскому краю.	Творческая работа исследовательского характера.	2
Лексико-семантическая характеристика стихотворений Н.И. Грибачев, И.А. Швеца, В.С. Козырев, А.Г. Мехедов, Н.Н. Денисова, А.К. Яушенко, М.М. Атаманенко о малой родине	Виртуальная экскурсия с элементами беседы. Анализ текстов.	2
Лингвостилистическая характеристика стихотворений С.П. Кузькин, А.Е. Екимцев, К.В. Аксеева, И.М. Радченко о родном крае.	Наблюдение языковыми единицами. Анализ текстов. Выразительное чтение стихотворений.	2
Образ малой родины в прозаических произведениях П.Л. Проскурина, Г.В. Белого, Л.Л. Семенищенкова, В.К. Соколова и Г.В. Метельского. Лексико-семантическая характеристика.	Выполнение заданий творческого характера (эссе). Выпуск стенгазеты.	2
Образ природы Брянщины в произведениях Ф.И. Тютчева и К.Г. Паустовского. Лингвостилистическая характеристика.	Наблюдение над языком. Анализ текстов. Заочная экскурсия на родину Ф. И. Тютчева.	2
История России в произведениях брянских писателей		
Принятие христианства на Руси в творчестве А. Толстого и В. Динабургского. Лексико-семантический анализ текстов.	Наблюдение над языком. Анализ текстов. Заочная экскурсия на родину А. Толстого,	2
Исторические персонажи (Роман Брянский и Александр Пересвет) в произведениях Н.И. Поснова и В. Д. Динабургского. Куликовская битва в литературном наследии И.А. Швеца, Н.А. Мельникова, Н.Н. Денисова,	Практическое занятие. Наблюдение над языком, сбор данных. Решение лингвистических задач. Выпуск стенгазеты.	2

А.Ф. Корнеева. Анализ языка произведений в контексте национального литературного процесса.		
Роман А.К. Толстого «Князь Серебряный как отражение эпохи Ивана Грозного. Анализ языка произведения в контексте национального литературного процесса.	Выполнение заданий творческого характера (эссе)	2
События российской истории в творчестве Н. Грибачева, А.П. Шкроба, Ю.С. Фатнева, Г.В. Карташова, А. Мехедова, В. Динабургского, В. Козырева. Лексический и лексико-фразеологический анализ текстов.	Наблюдение над языком. Анализ текстов.	2
Произведения писателей Брянщины о Великой Отечественной войне		
Поэты – фронтовики о Великой Отечественной войне (стихи Г.В. Метельского, С.И. Петрунина, А.В. Софронова, П.А. Быкова, И.М. Радченко, Л.А. Мирошина, Н.И. Рыленкова).	Наблюдение над языком. Анализ текстов. Создание презентации. Выразительное чтение стихотворений.	2
Стихотворения о Великой Отечественной войне в произведениях брянских поэтов послевоенных лет и современности (В.П. Макунина, А.С. Дрожжина, И.М. Сорокина, В.П. Соловского, В.И. Селезнёва, А.Г. Мехедова, С.П. Кузькина, А.К. Якушенко, А.Л. Буряченко, Е.П. Кузина, В.В. Володина, С.П. Прилепского)	Практическое занятие. Наблюдение над языком, сбор данных. Решение лингвистических задач. Выразительное чтение стихотворений.	2

Лингвостилистический анализ текстов.		
Проза о войне Н.М. Грибачёва и В. Д. Динабургского. Лингвостилистический анализ текстов.	Наблюдение над языком. Анализ текстов. Выразительное чтение эпизодов из произведений.	2
Нравственная и философская проблематика в творчестве писателей Брянщины		
Философские вопросы в творчестве Ф.И. Тютчева. Вопросы взаимоотношений человека с окружающий его миром в произведениях брянских писателей (А.Т. Нестик). Лексический и лексико-фразеологический анализ текстов.	Наблюдение над языком. Анализ языковых фактов. Решение лингвистических задач.	2
Проблемы нравственного характера в поэзии Ю.И. Кравцова и В.Е. Сорочкина. Лексический и лексико-фразеологический анализ текстов.	Наблюдение над языком. Анализ текстов. Проба пера: создание лирических миниатюр	2
Защита личного сборника творческих работ по анализу произведений брянских писателей.	Написание творческих работ (сочинений, эссе, презентаций, проектов, публикаций на сайте школы).	2

Данный курс по выбору предполагает наличие реализации межпредметных связей русского языка не только с литературой, но и с историей России, историей и географией Брянщины, что позволяет повысить как навыки развития речи, так и улучшить усвоение школьниками нового материала.

В процессе реализации данного курса по выбору учитель может применять дифференцированный подход, увеличивая долю работ по развитию речи; включать в занятия материал, направленный на повторение уже пройденного, предоставлять

школьникам смежные темы. Тем не менее, подобная учебная деятельность не должна ослаблять процесс получения учащимися базовых знаний и формирования навыков и умений, которыми должны овладеть все школьники, выбравшие данный дополнительный образовательный курс.

Таким образом, в педагогической практике современного учителя необходимо использовать такую форму работы как курс по выбору, имеющем «практическую направленность», так как обучающиеся обязаны получать «практические навыки исследовательской работы с материалом, с научной литературой, навыки анализа отобранного материала, развивают свои творческие способности и коммуникативные умения» [Белугина 2022: 47]. Формирование представления о литературном художественном тексте как о языковом целом возможно посредством лингвостилистического анализа. Подобный вид деятельности призван способствовать повышению познавательной активности у учащихся на уроках русского языка.

Список литературы

1. Белугина, О.В. Специфика организации курса по выбору (на основе краеведческого материала) / О. В. Белугина // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 84–4. – С. 46–50.
2. Вороничева, О. В., Горяинова, Е. Э., Семенищенкова, Л. Л. Литературная Брянщина: учебник-хрестоматия для 7 класса: в 2-х частях / О. В. Вороничева, Е. Э. Горяинова, Л. Л. Семенищенкова. – Брянск : Курсив, Курсив, 2008.
3. Воронцова, М. А. Сущность качества современного урока в современной школе / М. А. Воронцова, О. В. Белугина // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 98–1. – С. 54–56.
4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования (с изменениями и дополнениями): Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413. [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/> (дата обращения: 17.04.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Вероника Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: istinijobraz@mail.ru

Алешина Людмила Васильевна – доктор филологических наук, профессор заведующий кафедрой теории и методики начального общего образования ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева» (Россия); e-mail: alyoshinalv@mail.ru

Анисимова Дарья Сергеевна – студентка, кафедра современного русского языка имени П.А. Леканта, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Россия); e-mail: dashaanisimova335@mail.ru

Атаманова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: atamanova2001@list.ru

Ашмарова Анастасия Андреевна – студентка, кафедра современного русского языка имени П.А. Леканта, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Россия); e-mail: blinnastush@gmail.com

Богачанова Татьяна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и восточные языки», ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» (Россия); e-mail: tdbogachanova@mail.ru

Бубнова Людмила Валерьевна – студентка социально-педагогического института, ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет» (Россия); e-mail: mila.bubnova04@mail.ru

Ван Чжунчжэн – магистр, студент, Институт иностранных языков, Хунаньский педагогический университет (Китайская Народная Республика); e-mail: 1729016019@qq.com

Венидиктова Ирина Сергеевна – педагог дополнительного образования, МБУДО «Юность», г. Белгород (Россия); e-mail: vika.krylova.67@mail.ru

Гайдина Елизавета Алексеевна – студентка направления подготовки «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: liza.gaydina2003@gmail.com

Головачева Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: golovachevaolga@mail.ru

Головина Виктория Сергеевна – магистрант кафедры теории и методики дошкольного и начального образования, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Россия); воспитатель, Детский сад № 5, г. Курск (Россия); e-mail: golovinaviktoria088@gmail.com

Грибанова Лилия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: liliya_bryansk@mail.ru

Грибачева Виктория Владимировна – студентка филологического факультета, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: fedorova0808@yandex.ru

Григорович Дарья Александровна – студентка направления подготовки «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: dashagrigorovich0710@gmail.com

Гусев Павел Юрьевич – ассистент кафедры, кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин, филиал ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове (Россия); e-mail: gusev-pavel-89@mail.ru

Дмитриева Юлия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (Россия); e-mail: juls88dmutrieva@yandex.ru

Дьякова Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, факультет русского языка, ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (Россия); e-mail: diako122@rambler.ru

Евтых Элла Ибрагимовна – студент, Кубанский государственный университет (Россия); e-mail: evtykh.ella@gmail.com

Егоркина Ольга Владимировна – студентка филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: oegorkina24@gmail.com

Жиликов Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал) (Россия); e-mail: szhil@list.ru

Закирова Оксана Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Елабужский институт (филиал) (Россия); e-mail: anasko-05@yandex.ru

Золотых Лидия Глебовна – доктор филологических наук, профессор, факультет русского языка, Институт иностранных языков Сычуаньского университета (КНР); e-mail: zolotyhlg@yandex.ru

Зуева Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, УО «Барановичский государственный университет» (Республика Беларусь); e-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru

Иванов Кирилл Геннадьевич – независимый исследователь, г. Брянск (Россия); e-mail: ivanovkirill2010@yandex.ru

Изотов Владимир Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева» (Россия); e-mail: vpizotov@yandex.ru

Карамова Айгуль Айратовна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Бирского филиала ФГБОУ

ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Россия); e-mail: anastasiya.sme2016@yandex.ru

Кириченко Кристина Николаевна – магистрант филологического факультета, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: crislalila201@gmail.com

Киселева Надежда Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (Россия); e-mail: nadin-orel2009@yandex.ru

Колегова Оксана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка 5 МГИМО МИД РФ, директор онлайн-школы «Lingua Rus»; e-mail: troy79@mail.ru

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, доцент, Директор института русского языка как иностранного, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Крылова Виктория Алексеевна – педагог дополнительного образования, МБУДО «Юность», г. Белгород (Россия); e-mail: vika.krylova.67@mail.ru

Крылова Ольга Сергеевна – педагог дополнительного образования, МБУДО «Юность», г. Белгород (Россия); e-mail: vika.krylova.67@mail.ru

Кузнецова Надежда Васильевна – педагог дополнительного образования, МБУДО «Юность», г. Белгород (Россия); e-mail: vika.krylova.67@mail.ru

Кузьмина Анастасия Алексеевна – студентка социально-педагогического института, ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет» (Россия); e-mail: kuzminanast3nka@yandex.ru

Куприянова Алина Александровна – аспирант ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: kuperalin@yandex.ru

Лазаренко Екатерина Витальевна – студентка, филиал ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове (Россия); e-mail: yaraslavnaya37@yandex.ru

Лебедева Ярославна Владимировна – студентка, филиал ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове (Россия); e-mail: yaraslavnaya37@yandex.ru

Макарицова Екатерина Александровна – магистрант филологического факультета, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: kafedra338@mail.ru

Мальчикова Татьяна Александровна – студентка филологического факультета кафедры русской и мировой литературы, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» (Республика Беларусь); e-mail: tml25012006@gmail.com

Матусевич Екатерина Николаевна – магистр государственного управления, учитель белорусского языка и литературы, ГУО «Средняя школа № 4 г. Червеня» (Республика Беларусь); e-mail: katarina.kovalchuk@gmail.com

Матюшкова Анна Ивановна – старший преподаватель, кафедра русского языка, Астраханский государственный медицинский университет (Россия); e-mail: amatyushkova@bk.ru

Милосердова Яна Олеговна – студентка факультета русской филологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Россия); e-mail: yanamiloserdova382@gmail.com

Милютина Юлия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: julchik-sed@bk.ru

Минкин Кирилл Сергеевич – магистрант, Институт образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия); e-mail: lirik1200@yandex.ru

Миронова Галина Семеновна – доцент, кафедра русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: drama0812@mail.ru

Михайлина Ангелина Михайловна – студентка, кафедра русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: i@anmhna.ru

Муратова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусской и русской филологии, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (Республика Беларусь); e-mail: mouratova@tut.by

Навичонак Алина Владиславовна – студентка филологического факультета, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» (Республика Беларусь); e-mail: navichonakalinav@gmail.com

Некрасова Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, ГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет Минздрава России» (Россия); e-mail: nekrasova3004@yandex.ru

Никулкина Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права и гуманитарных дисциплин, Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (Россия); e-mail: sinbad1982@yandex.ru

Никурадзе Диана Давидовна – студентка факультета русской филологии и документоведения, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: diana.nikuradze2211@mail.ru

Нурмагамбетова Назымгуль Сагындыковна – магистр, преподаватель русского языка и литературы, КГП на ПХВ «Колледж информационных технологий», г. Павлодар (Республика Казахстан); e-mail: nazym.1974@mail.ru

Осипова Тамара Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры довузовской подготовки и профориентации, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» (Республика Беларусь); e-mail: annettoc@rambler.ru

Пантюхова Ирина Денисовна – студентка кафедры «Русский язык и восточные языки», ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения» (Россия); e-mail: irinapanantuhova06@mail.ru

Панченкова Анастасия Дмитриевна – магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: demidovanastasia00@mail.ru

Попова Анна Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия); e-mail: studioaa2001@yandex.ru

Пронина Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: alepro@yandex.ru

Прыгова Татьяна Алексеевна – старший преподаватель, Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (Россия); e-mail: tatiana-academy@mail.ru

Распопова Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: volkova1111@yandex.ru

Романов Дмитрий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: kafrus@tambler.ru

Рябинина Алевтина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Кубанский государственный университет (Россия); e-mail: alyar2015@yandex.ru

Самарская Светлана Николаевна – ассистент кафедры русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: LSN1503@yandex.ru

Сафонова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (Россия); e-mail: diana.nikuradze2211@mail.ru

Сенкевич Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры педагогики и методик начального об-

разования Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина» (Республика Беларусь); e-mail: sienkiewiczw@tut.by

Сизых Ульяна Александровна – студентка, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Россия); e-mail: panther.2005@mail.ru

Сильванович Наталья Леонидовна – аспирант, преподаватель, Учреждение образования «Лепельский государственный аграрно-технический колледж»; Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова» (Республика Беларусь); e-mail: silvanovichnatali9791@gmail.com

Скачкова Валентина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Гомельский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь): e-mail: skachkovatina@yandex.by

Сметанина Анастасия Юрьевна – аспирант, преподаватель кафедры филологии Бирского филиала ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Россия); e-mail: anastasiya.sme2016@yandex.ru

Стародубец Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове (Россия); e-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Старцева Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: kafedra338@mail.ru

Степанов Евгений Николаевич – доктор филологических наук, профессор, факультет русского языка и литературы, Хунаньский педагогический университет (Китайская Народная Республика); e-mail: tepanov175@163.com

Супряга Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного и

начального образования ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Россия); e-mail: supriaga@mail.ru

Тараторина Валерия Ивановна – студентка филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: lera.taratorina@yandex.ru

Тарасова Ольга Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Россия); e-mail: tarasovaod@mail.ru

Тимошенко Елена Ивановна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» (Республика Беларусь); e-mail: elena_skorina2@mail.ru

Толстова Наталья Владимировна – магистрант кафедры английской филологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Россия); e-mail: minori.nat@gmail.com

Торопыно Данила Иванович – студент филологического факультета направления подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (профили «Русский язык. Литература») ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: danila.toropyno@mail.ru

Трошина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: natalya_troshina@mail.ru

Турилова Мария Валерьевна – кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Калуга (Россия); e-mail: mariaturilova@mail.ru

Фатех Галина Евгеньевна – магистр филологии, аспирант, факультет русского языка и литературы, Хунаньский педагогический университет (Китайская Народная Республика); e-mail: galongalon2605@gmail.com

Фёдорова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: fedorova0808@yandex.ru

Хуонг Тхи Тху Чанг – кандидат филологических наук, зав. кафедрой Института иностранных языков при Ханойском государственном университете, Ханой (Социалистическая Республика Вьетнам); e-mail: khuongtrangkn@gmail.com

Черникова Наталия Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет» (Россия); e-mail: chernikovanat@mail.ru

Черток Мария Васильевна – студентка, филиал ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове (Россия); e-mail: lena.chertock@yandex.ru

Чиглинцева Татьяна Александровна – старший преподаватель, кафедра романо-германской филологии, Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Россия); e-mail: tessykat@mail.ru

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия); e-mail: ekl1ier@yandex.ru

Шевцова Татьяна Александровна – студентка кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, филиал ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в г. Новозыбкове (Россия); e-mail: tatjana.shevtzova2016@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Осипова Т.А. Рассказ Л.Н. Толстого «Прыжок» на занятии по русскому языку как иностранному	3
Панченкова А. А., Трошина Н.В. Морфемные средства выражения эмоций в рассказах А.П. Чехова	9
Пантюхова И.Д., Богачанова Т.Д. Статус диакритических знаков в современной русской языковой культуре	16
Попова А.Р. Роль регионально маркированного художественного текста в изучении лингвистических дисциплин (на материале творчества орловской писательницы Т.И. Грибановой)	23
Пронина Е.В. Слово и насилие: эволюция нравственного сознания в позднем творчестве Л.Н. Толстого	33
Прыгова Т. А., Некрасова А.В. Анализ концепта «дружба» на основе сопоставления суахильских и русских паремий	41
Распопова Т.А. Реализация технологии проектно-исследовательской деятельности в учебниках русского языка	50
Романов Д.А. Быт и занятия тульских мещан и купцов в свидетельствах В.А. Лёвшина: лексика и фразеология	68
Самарская С.Н. Рецепция военного контекста Л.Н. Толстого в романе Д.А. Гранина «Мой лейтенант»	77
Сафонова Т.В. Поэтика постмодерна в цикле «Новеллы о путешествиях» Д. Рубиной	83
Сенкевич В.И. Культурный план и аспект цивилизации языка	90
Сизых У.А. Структура, семантика и функционирование акустических онематопов в поэзии А.Е. Кручёных	99
Сильванович Н.Л. Прецедентные имена в современной молодёжной среде	109

Скачкова В.А. Неопределенно-количественные слова в белорусском языке	115
Старцева И.Л., Шаравин А.В. Архетип медведя в романе «Отречение» П. Проскурина	124
Стародубец С.Н., Головачева О.А., Колегова О.Ю. Индивидуально-авторский словообраз в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева	137
Степанов Е.Н. Воспитательный потенциал «аудиовизуального курса русского языка» в работе с бакалаврами-русистами Китая	146
Супруга С.В., Головина В.С. Изучение произведений курских поэтов и писателей в начальной школе	155
Тараторина В.И., Трошина Н.В. Семантические метаморфозы: как слова меняют маски в XXI веке	164
Тимошенко Е.И. Мотивационные модели формирования семантики 'высокомерный' в русском языке	174
Торопыно Д.И. (научный руководитель: д.ф.н., профессор Шаравин А.В.) Специфика растительных образов в брянских народных легендах	185
Толстова Н. В. (научный руководитель: к.ф.н., доцент Тарасова О.Д.) Ядерная и периферийная составляющие концепта «осень» в русской лингвокультуре	192
Турилова М. В. Рассказ «Уроки французского» В.Г. Распутина	199
Фатех Г.Е. Непрямое выражение феномена телесности в творчестве А. П. Чехова	207
Федорова Т.В., Грибачева В.В. Языковые средства создания образа Федора Павловича Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	218
Хуонг Тхи Тху Чанг. Трудности в развитии навыков аудирования на русском языке у вьетнамских студентов первого курса	228

Черникова Н.В., Кузьмина А.А., Бубнова Л.В. Олицетворение в стихотворениях русских поэтов о книге	238
Черток М.В. Урок-исследование по литературе (анализ педагогического опыта)	244
Чиглинцева Т.А. Концепт 'успешная карьера' в русском языке: лингвокультурологический анализ	254
Шевцова Т.А. Специфика организации курса по выбору: «Изучение языка художественных произведений» (на основе творчества писателей Брянского края)	262
Сведения об авторах	270

ТРЕТЬИ РАСТОРГУЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной научно-практической конференции (г. Брянск, 11 апреля 2025 г.) Часть 2

Подписано в печать 29.09.2025. Формат 60х84/16.

Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 16,5. Тираж 100 экз. Заказ № 29/10

«РИСО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 20.

Отпечатано в типографии ИП Худовец Р.Г.
242700, Брянская область, г. Жуковка, ул. Вербная, 11